

Альманах
История. Культура. Литература
УЧРЕДИТЕЛИ:
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. ЯРОСЛАВА МУДРОГО,
АДМИНИСТРАЦИЯ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
издается с 1995 года №3 (19) 2000 год

СОДЕРЖАНИЕ:

ЭХО

Валентин ЯНИН - Древнейшая славянская книга	2
Надежда ЯКОВЛЕВА - Люди-факелы	5
- Епископ Валдайский Иосиф в воспоминаниях, письмах, дневниках	8
Илья СМЕРНОВ - Езы, или о том, как ловили рыбу в старину	13
Виола ГУЩИНА - «Званы острова да эти Кижские»	18
Ирина ЩУКИНА - Белозерский канал	22

НОВГОРОД

Владимир ЯДРЫШНИКОВ - Восемь столетий Старорусской обители	26
Людмила СЕКРЕТАРЬ - Судьба двух новгородских монастырей — Антониева и Юрьева — в 1920-1930-е годы	34
Татьяна ДАНЬКО - Почта — городская и губернская	38

КАФЕДРА

Валерий ВАСИЛЬЕВ - «Русская» топонимия в Южном Приильменье	44
Геннадий КОВАЛЕНКО - Шведы в русском фольклоре	50

EX LIBRIS

Наталья МОРЫЛЕВА - «В Новгороде остается мне пробыть всего несколько дней...»	54
Галина ВАСИЛЬЕВА - В Кончанское — к Суворову	60
Валентина МАЛЫШЕВА - О библиотеке Суворова	62

ПЕРО

Анатолий ОБЪЕДКОВ - Мои птицы	65
Геннадий ИГНАТЬЕВ - Настенька и чёрт	71
Тамара СИГАЛОВА - Стихи	73
Антон ЗАХАРОВ - Стихи	74
Марк РОМАНОВ - Стихи	76

МАСТЕРА

Владимир ЯРЫШ - Не всякое лыко в строку	78
Наталья ПУНЖИНА - Маленький Париж	83
- Кудесница	86

ГОРЕНКА

Марина БУРЬЯК - Обычаи отцов	89
Виктор ЛАПИН - Всю жизнь с музыкой	95

АРХИВ

Юрий МАРКИТАНОВ - Гусар Лейб-гвардии полка	99
--	----

КОЛОКОЛА

Александр МАСЛОВСКИЙ - Крупнейший фортепианный педагог России	104
---	-----

ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

Виктор ДУДКИН - В Японию к Достоевскому	111
---	-----

ВЕРНИСАЖ

Александра ГОРОДЕЦКАЯ - Городские пейзажи	114
---	-----

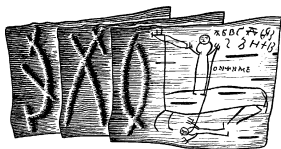

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор
Тамара СИГАЛОВА
Научный консультант
академик Российской
академии наук
Валентин ЯНИН

Леонид БАРАНОВСКИЙ
Валерий БОЛЬШАКОВ
Марина БУРЬЯК
Анатолий ДОНЧЕНКО
Виктор ДУДКИН
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО
Иван ИВАНОВ
Геннадий ИГНАТЬЕВ
Вячеслав ИЩЕНКО
Геннадий КОВАЛЕНКО
Наталья МОРЫЛЕВА
Людмила ПЕТРОВА
Владимир ПОВЕТКИН
Эдуард РАНЕНКО
Ирина САВИНОВА
Наталья САУКОВА
Людмила СЕКРЕТАРЬ
Владимир ТЮРИН
Владимир ЯДРЫШНИКОВ
Владимир ЯРЫШ

Валентин ЯНИН

ДРЕВНЕЙШАЯ СЛАВЯНСКАЯ КНИГА

Фото В. ИЩЕНКО

Великий Новгород продолжает отдавать археологам сокровища своей древности. Мне, участнику открытия первых берестяных грамот в 1951 году, довелось теперь пережить еще один звездный час отечественной археологии, во второй раз испытать высшее счастье немыслимого первооткрытия... Расскажу о нем по порядку.

13 июля 2000 года (верь после этого в несчастные цифры!), в конце рабочего дня, на лабораторный стол экспедиции из Троицкого-ХІІ раскопа, которым руководит Александр Николаевич Сорокин, легла небывалая находка. Три деревянные дощечки (как выяснилось в дальнейшем, изготовленные из древесины липы), толщиной в один сантиметр, скрепленные также деревянными шпонками, оказались древней рукописью. Ее размер 19 х 15 сантиметров. Две внешние дощечки служили обложками. Первая была

украшена изображением креста и скупым орнаментом, а ее внутренняя сторона имела заполненное воском углубление. На воске красивейшим мелким почерком написаны 23 строки некоего текста. На третьей дощечке текст тоже располагался на внутренней, навощенной стороне, а внешняя была украшена изображением креста. Помещенная между ними вторая дощечка имела заполненные воском углубления и, следовательно, тексты на обеих сторонах. Всего, таким образом, в книге были четыре исписанные страницы. Лучшее всего сохранилась первая дощечка. Большие куски текста на других обвалились и дошли до нас в виде осыпи восковых кусочков с отдельными буквами или группами букв. Некоторые значительные фрагменты второй, третьей и четвертой страниц сохранились, однако, на своих местах.

Сознаюсь, при взгляде на почти полностью сохранившийся текст первой страницы у меня потемнело в глазах. Мне казалось, что от волнения я не смогу прочесть ни одного слова... Причины столь сильного волнения объяснимы и извинительны. Находка была извлечена из достоверно датированных слоев конца X – первой четверти XI веков. Судите сами. Выше ее расположены остатки первого венца большого сруба, который данными дендрохронологии датирован 1036 годом. Деревянный кодекс залегал двадцатью сантиметрами глубже. Примерный расчет динамики накопления культурного слоя в пределах Троицкого раскопа равен одному сантиметру в год. Значит, вероятная дата нашей находки примерно второе десятилетие XI века. Между тем древнейший известный манускрипт, написанный кириллическим письмом, датируется 1056–1057 годами. Это знаменитое Евангелие, изготовленное по заказу новгородского посадника Остромира. Все остальные самые древние кириллические рукописи относятся также ко второй половине и концу XI столетия. Значит, на лабораторный стол легла руко-

Первая страница «Новгородской псалтыри».
Фото Ст. ОРЛОВА

пись на полвека более ранняя! А стало быть, эта находка — великое событие не только в истории русской, но и болгарской, и сербской, и хорватской, и македонской культур, поскольку во всем славянском мире не существует более ранней датированной рукописи, нежели «Остромирово Евангелие»... Было от чего дрожать рукам и темнеть в глазах!

Но вот зрение прояснилось, и посреди страницы глаз усмотрел первую понятную фразу: «От запрещения Твоего, Боже Ияковль, воздремаюся вседшей на коня». Итак, священный текст. Рука тянется к Псалтыри как к самому популярному в христианстве произведению, а последовательный просмотр этой великой книги находит соответствующее место в 75-м псалме Асафа. Рядом — выше и ниже — то, что в этом псалме предшествует прочитанному стиху, и то, что следует за ним.

Уцелевшие фрагменты остальных страниц обретают свои места в продолжении 75-го псалма и в написанном вслед за ним 76-м псалме Асафа. Постепенно выясняется, что на второй странице помещено окончание 75-го псалма и начало 76-го, на третьей странице — продолжение 76-го, на четвертой — окончание 76-го, затем пустое место объемом в несколько строк, а за ним четвертый-шестой стихи 67-го псалма Давида. Когда это окончание было прочитано, нас постигло недоумение: почему текст 67-го псалма не имеет общеизвестного начала «Да воскреснет Бог и расточатся врази его». Выяснилось, что это начало существовало, но было стерто, чтобы освободить место для окончания 76-го псалма. Иными словами, восковой кодекс оказался палимпсестом. На нем был написан один текст, стертый для написания другого. «Церы» (так называются навощенные для письма дощечки) были подобны грифельной или нынешней школьной доске, используемой для помещения на них «бегущих строк». Сравнение с грифельной доской весьма значительно: не служила ли «Новгородская Псалтырь» пособием для обучения грамоте?

Задумавшись о хронологическом контексте находки: только что, лет 20–25 назад, в Новгороде принято христианство. Следовательно, перед нами одна из тех книг, которую читали первые новгородцы, принявшие крещение. Одна из первых книг, по которой многие из них могли учиться письму. Ведь именно Псалтырь на протяжении столетий была первой и самой обиходной книгой, из которой наши предки брали уроки чтения и письма. Многие псалмы, звучавшие ежедневно во время церковной службы, христиане знали наизусть. Существовало немало людей, наизусть помнивших все тексты этой книги. В этой связи назову один эпизод, случившийся при чтении новгородского кодекса. В конце 76-го псалма имеются слова: «В море путь Твой». На сердце потеплело от мысли, что именно пара-

фразом этих строк является знаменитое место в стихотворении А.С. Пушкина «19 октября» [1825 г.], обращенное к его лицейскому другу Ф.Ф. Матюшкину, ставшему мореплавателем: «С лицейского порога ты на корабль перешагнул шутя, и с той поры *в морях твоя дорога...*»

Предположение об учебном предназначении нашей находки подтвердилось блестящим образом. Оказалось, что на бортиках цер имеются плохо различимые процарапанные надписи, сделанные тем же почерком, что и текст на воске. Прочесть их довелось академику Андрею Анатольевичу Зализняку, который на протяжении многих дней не разгибал спины, освещая дощечки под разным углом, ис-

Св. Варвара. Фото Ст. ОРЛОВА

пользуя лупу и максимально напрягая зрение. Вот часть этих надписей: «Без чину службы и часов же всех, без отпевания душ» (т.е. «Не для церковной службы и не для чтения над умершими»); «Без от себе прогнания всех людей, без отлучения алчущих знания» (т.е. «Для привлечения всех людей, для алчущих знания»). Последняя фраза прямо утверждает учебное предназначение кодекса. И далее: «Сия

книга Псалтырь — сиротам и вдовицам утешение мирное, странникам недвижимое море, рабичищем несудимое начинание».

А.А. Зализняк установил, что «Новгородская Псалтырь» написана русским человеком. Ее язык, разумеется, старославянский (древнеболгарский); до сих пор богослужение в русской церкви ведется на старославянском языке. Однако в тексте нашей книги имеется около полутора десятка таких ошибок, какие не мог сделать болгарин, серб или хорват, а мог сделать только русский человек. Во всех языках, кроме древнерусского, четко различались буквы «У» и «Юс большой», обозначающие разные звуки: «Юс» передавал носовой звук, отсутствующий у русских. Между тем в новгородской находке, употребляющей обе эти буквы, их употребление безразлично: писец пишет «У» вместо «Юс» и «Юс» вместо «У». Был ли он киевским миссионером или новгородцем, неясно, да это и не так уж важно перед значительностью самой находки.

В славянском мире существует несколько древних кириллических рукописей, не имеющих даты в их тексте и датированных без особой уверенности XI веком. «Новгородская Псалтырь» станет тем эталоном, с которым исследователи будут их сравнивать в поисках истинной их даты. *И если сегодняшние учебники отечественной истории немыслимы без упоминания берестяных грамот, будущие учебники рассказ о русской письменной культуре начнут с нынешней находки.*

Находка древнейшей книги породила немало трудных проблем. Одна из них — реставрация кодекса. Он сохранился потому, что древесина дощечек насквозь пропитана влагой, препятствующей проникновению к ним воздуха. Следовательно, на протяжении тысячи лет не возникало ситуации, при которой микроорганизмы разрушают древесину гниением. Стабилизация древесины, возвращение ее в сухое и твердое состояние базируются на методах, которые в нашем случае разрушили бы воск и нанесенные на нем тексты. Потребовалось снять воск и перенести его на другую основу. Мировая реставрационная практика не знает подобного прецедента. После мучительных колебаний за эту ответственнойшую работу взялся опытный реставратор, художник и скульптор Владимир Иванович Поветкин, золотыми руками которого большинство осыпавших-

ся фрагментов было возвращено на место. Одновременно было выявлено наличие едва различимых процарапанных текстов на дощечках под снятым воском, что требует сохранения их в демонтированном виде для дальнейшего изучения и перенесения воска не на подлинники дощечки, а на их копии.

Находке древнейшей славянской книги предшествовало еще одно замечательное открытие. В слое первой трети XI века был обнаружен небольшой лист бересты, на обеих сторонах которого процарапаны изображения человеческих фигур. На одной стороне изображен Христос, на другой — святая Варвара в короне, с мученическим крестом в руке и надписью с ее именем.

Находка сразу же породила проблему. Усадьба, на которой она обнаружена, находится на древней Черницовой улице, которая получила свое название от некогда расположенного на ней девичьего Варварина монастыря. Разумеется, в первой трети XI века никакого монастыря здесь быть еще не могло: самые ранние русские монастыри возникают лишь во второй половине XI века, а новгородский Варварин монастырь впервые упомянут в летописи под 1138 годом. Оказывается, св. Варвара особенно почиталась на славянском побережье южной Балтики, а именно оттуда в Новгород пришли славянские первопоселенцы, потомки которых и в дальнейшем не теряли связей со своей прародиной. Св. Варвару считали покровительницей рыбаков и мореходов. Отметим, что в тех слоях, в которых обнаружена эта находка, предметы, связанные с рыболовством, встречены в изобилии.

И еще одна любопытная деталь. Под изображением св. Варвары на бересте нацарапана дата, которую А.А. Зализняк прочел как 6537 год [от сотворения мира], что соответствует 1029 году н. э. Первая, третья и четвертая цифры переданы славянскими знаками, а вторая, как разъяснил филолог С.Г. Болотов, — латинским знаком. Значит, изобразил св.Варвару человек, который затруднился передать обозначающую 500 цифру по-славянски, но знал, как ее пишут в соответствии с западной традицией. Можно полагать, что принесенное в Людин конец Новгорода почитание св.Варвары оказалось столь прочным, что в ее честь спустя несколько десятилетий после 1029 года именно здесь был основан монастырь.

ЛЮДИ-ФАКЕЛЫ

Памяти иеромонаха Иверского монастыря о. Никиты

Всякий, кто вспоминал посещение Иверского монастыря в начале XX века, среди прочих его обитателей называл имя иеромонаха Никиты. О молодом монахе «просфоряке и рыболове», искреннем и наивном, пишет Е. Концевич, посещавшая монастырь в 1912–1913 годах¹.

Примерно к этому времени относится снимок, запечатлевший о. Никиту вместе со своим племянником Владимиром, которому он всегда был духовным отцом и другом.

В дневнике выдающегося русского публициста М.О. - Меньшикова имеется немало добрых слов, относящихся к о. Никите, который в голодном 1918-м более, чем кто-либо другой, помогал семье Михаила Осиповича.

«Нуждаемся в каждой крошке хлеба... Когда отец Никита прислал хлебец из монастыря, сочли за милость Божию»², — пишет он.

Весь июль-август 1918 года семья Меньшикова ездила в монастырь к отцу Никите, спасавшему ее от голода. «Голод, но все же Бог милует — все живы», — пишет Меньшиков, понимая, что живы благодаря «добрейшему отцу Никите», который отдавал не только то, что назначено было отдавать голодающим в качестве милостыни, но и то, что имел сам³.

После подавления восстания, вспыхнувшего в Валдае 15 июля 1918 года в связи с изъятием хлеба из Иверского монастыря, власти ужесточили контроль за расходованием хлеба в монастыре. Для этого в обитель определили милиционера, следившего, не выносятся ли из нее хлеб. М.О. Меньшиков пишет о скандале, возникшем из-за того, что у одной девочки заметили несколько хлебных корок, которые она намеревалась взять домой. Милиционер остановил ребенка, спросил: «Кто дал хлеб?» Перепуганная девочка назвала имя отца Никиты, который, несмотря ни на какие запреты, продолжал помогать всем терпящим нуж-

ду⁴. Дочь М.О. Меньшикова Ольга Михайловна, публикуя воспоминания об о. Никите, пишет об удивительном его милосердии. После расстрела М.О. Меньшикова, когда даже хорошие знакомые этой семьи боялись общаться с несчастными, убитыми горем и нуждой Меньшиковыми, отец Никита их по-прежнему не оставлял⁵.

«В самое страшное время нашего одиночества после ареста папы он появлялся поздно вечером или рано утром, тайком пересекая на лодке озеро, чтобы привезти из монастыря осиротевшим детям мешочек сухарей.

Отец Никита иногда просто вешал кулечек у дверей. Мама находила этот драгоценный подарок на гвозде у крыльца и знала — на рассвете или ночью был о. Никита, очень стеснительный, он творил свое доброе дело тайно»⁶.

Такая дорогая поддержка многого стоила и важна была не столько для того, чтобы семья физически выжила, сколько для того, чтобы укрепила свои духовные силы, не дав горю и унынию сломить их веру в добро, «чинимое Всевышним через таких людей, как отец Никита». Дети, их бабушка и мать молились за него, всякий раз тронутые до

слез его заботой. «Будете взрослыми — назовите этим именем вашего сына в память добрейшего нашего покровителя», — говорила Мария Владимировна детям⁷. Ольга своего сына назвала в честь отца Михаилом, а внука — Никитой — в честь иверского иеромонаха.

Для очень многих имя это стало дорогим и памятным.

Отец Никита был чрезвычайно популярен среди прихожан и братии. Когда на основе Иверского монастыря была создана Иверская трудовая артель и надо было избрать ее председателя, монахи и трудники избрали отца Никиту, которому пришлось возглавлять монастырское хозяйство в самые трудные для обители годы.

После закрытия монастыря в 1930 году отец Никита был арестован.

Иеромонах Иверского монастыря о. Никита с племянником Владимиром Игнатьевым (будущим настоятелем ц. Петра и Павла). Нач. XX в.

Замечательна и достопамятна судьба и племянника отца Никиты⁸.

Владимир Максимович Игнатъев родился в 1897 году в Петербурге. Его отец был военным врачом. Впрочем отца он не помнил вовсе — тот умер в его младенческие годы. Мальчик остался с матерью, неграмотной крестьянкой, вывезенной в столицу из глухой деревни и оказавшейся после смерти мужа без средств к существованию.

Неизвестно, как бы сложилась судьба Владимира, если бы добрые люди не помогли определить его в духовное училище, а затем в духовную семинарию. По окончании семинарии он

Владимир Игнатъев. 1920 г.

поступил в университет. В этот период, в 1910-е годы, и был сделан парный портрет с отцом Никитой⁹. Начавшаяся Первая мировая война заставила прервать учебу и отправиться на фронт. Владимир постоянно приезжал в Валдай, в Иверский монастырь, к своему дяде — отцу Никите. Там, в Иверском монастыре, в 1920 году он встретил свою будущую жену Марию Александровну Гурьеву, работавшую тогда учительницей Иверской школы¹⁰. Она закончила закрытое учебное заведение ведомства императрицы Марии Федоровны, готовившее из детей, находившихся на попечении императорского Воспитательного Дома, гувернанток, учительниц и нянь. Первые месяцы жизни она провела в Доме малюток в Петербурге, а затем «казенным» ребенком была переведена на воспитание в крестьянскую семью Е. и Т. Ефимовых в деревню Болотница Валдайского уезда. Училась в Новотроицкой школе, а в тринадцатилетнем возрасте была определена на воспитание и учебу в Петербург.

После революции Мария Александровна вернулась в Валдайский уезд. В феврале 1921 года она обвенчалась с Владимиром Максимовичем Игнатъевым и переехала из Иверского монастыря к нему в Петроград. Оба работали в Детском доме № 5.

В 1922 году В.М. Игнатъев был рукоположен в сан священника, в чем немалая заслуга отца Николая Птицына, валдайского священника, оказавшегося после революции в Петрограде. Родившуюся дочь Игнатъевых в 1921 году тоже крестил отец Николай¹¹. Став священником, отец Владимир получил назначение в Валдайский уезд, в деревню Шуя. Рядом находился дорогой сердцу отца Владимира Иверский монастырь, и духовные наставники молодого священ-

ника, в числе которых был и отец Иосиф, епископ Валдайский, и отец Никита, возглавлявший тогда тверскую трудовую артель.

Семья Игнатъевых часто бывала в Иверском монастыре, и дочь отца Владимира до сих пор помнит келью отца Никиты. Служение в Шуйской церкви продолжалось с 1922 по 1930 год. Появление молодого, деятельного священника из Петрограда заинтересовало местных жителей, число прихожан Шуйской церкви резко возросло. Отец Владимир организовал великолепный молодежный церковный хор, устраивал в храме беседы, чтения, не боялся открытых диспутов по вопросам веры, проводимых и в церкви, и в Валдае. Люди прислушивались к его мнению, пожалуй, самому авторитетному в округе. Благодаря отцу Владимиру в церковь пошли подростки, дети.

Избачам, политпросветчикам в Шую делать было совершенно нечего, — настолько велико оказалось влияние священника, который организовывал не только собственную религиозную духовную жизнь, но и досуг, отдых сельских жителей, а также активно отстаивал права крестьян, когда их так или иначе притесняли.

Активная жизненная позиция отца Владимира не устраивала местные власти, которые давно искали случая избавиться от него. Осенью 1930 года было сфабриковано уголовное дело на В.М. Игнатъева, по которому его осудили за якобы самовольный покос сена на общественных лугах и лишили свободы на полтора года.

М.А. Гурьева (Игнатъева). 1920 г.

В заключении он принципиально не сбрил бороду, и называли его тюремным батюшкой. Отец Владимир быстро находил общий язык с людьми и, где бы ни находился, всегда имел много друзей и единомышленников.

Сохранилась его фотография, сделанная в тюрьме в 1930–1931 годах. Позднее жена отца Владимира Мария Александровна поставила на обороте надпись, адресованную дочери, Зое Владимировне Игнатъевой (Зоя Владимировна Игнатъева в будущем станет известным валдайским педагогом и хранительницей семейного архива): «Дорогая Зочка, пусть эта карточка твоего дорогого папочки напоминает тебе всегда тяжелое и скорбное время, пережитое в разлуке с ним в 1930 и 1931 годах. Любящая тебя твоя мама».

О. Владимир Игнатьев.
Снимок сделан в тюрьме 1930-1931 гг.

Летом 1931 года, раньше положенного срока, отец Владимир вернулся домой. Вакансий священника не было, и его назначили псаломщиком в Любницкую церковь, где он служил в течение года. В 1932 году его перевели в город Валдай, определив ему приход Введенской церкви и должность священника церкви Петра и Павла. И опять активная работа отца Владимира с прихожанами стала раздражать власти. В 1936 году его ложно осуждают по уголовной статье за дачу неверных показаний фининспектору и сокрытие доходов.

С 1936 по 1938 годы он находился в заключении. А в 1937 году начались массовые кровавые расправы над священнослужителями. Многие из них были расстреляны по политическим статьям, в том числе и служивший вместе с отцом Владимиром отец Александр, на котором после ареста В.М. Игнатьева оставался Петропавловский храм. Арест 1936 года спас отца Владимира от неминуемого расстрела в 1937-м. Но тюрьма есть тюрьма. Он вернулся из мест заключения больным туберкулезом.

Все это время в крошечном домике на Сиверсовой улице его дожидались жена и дети, оставшиеся без средств к существованию. Ведь они были членами семьи «врага народа», «лишенцами» и на работу устроиться не могли. Не было никакой работы и для отца Владимира, вернувшегося из заключения. Тогда он самостоятельно изучил бухгалтерское дело и определился в контору «Заготскот». Когда началась Великая Отечественная война, его с семьей, как неблагонадежного, уже в июле 1941 года первым эшелонном отправили в Сибирь, в Красноярский край. По вызову, пришедшему из Валдая в 1944 году, он вернулся к прежнему месту работы.

Но долго проработать не смог — туберкулез совсем обессилил его. Служивший в церкви Петра и Павла отец Иоанн Преображенский пригласил В.М. Игнатьева на должность регента.

Имевший хороший слух, голос, музыкальную подготовку и опыт работы с церковными хорами, он взялся восстанавливать традицию церковного пения, прерванную войной.

Родная церковь была ему главной отрадой, светом, радостью для умирающего, еще нестарого человека. Церковь стала для него и единственным средством к существованию. И он, и жена были на инвалидности, работать не имели возможности, но никаких пособий от государства не получали. Церковь назначила ему пенсию. Церковь же, прихожане, при активном участии отца Иоанна и хоронили в 1949 году В.М. Игнатьева, выбрав ему место возле самого храма, у южной его стены.

Ц. Петра и Павла в Валдае

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неизвестный Нилус/Сост. Р. Богдасаров, С. Фомин. Т.1. М., 1995. С.32.

² Меньшиков М.О. Материалы к биографии//Российский архив. Т. 4. М., 1993. С. 162.

³ Там же. С. 164,165.

⁴ Там же. С. 201.

⁵ Меньшикова О.М. Воспоминания//Московский журнал. 1999. № 7. С. 31.

⁶ Меньшикова О.М. Монах Никита//Наше наследие. 1997. № 42. С. 47.

⁷ Там же. С. 47.

⁸ Яковлева Н.П. Из истории одной фотографии. Валдай, 2000. С. 1-11.

⁹ Хранится в Валдайском филиале Новгородского музея-заповедника. НГМ-нв-22831.

¹⁰ НГМ-кп-39664.

¹¹ НГМ-кп-40181.

Надежда ЯКОВЛЕВА

ЕПИСКОП ВАЛДАЙСКИЙ ИОСИФ В ВОСПОМИНАНИЯХ, ПИСЬМАХ, ДНЕВНИКАХ

Документальных свидетельств о последнем дореволюционном настоятеле Иверского монастыря (впоследствии епископе) Иосифе (1862–1930 гг.) сохранилось не очень много, поэтому важно собрать их воедино для создания материалов к биографии.

15 июня 1906 года экононом Новгородского Архиерейского Дома архимандрит Иосиф становится настоятелем Иверского монастыря¹.

В Валдайском филиале Новгородского музея-заповедника хранится коллекция писем, адресованных архимандриту Иосифу². Самые ранние из них относятся к 1906 году, к первоначальному периоду служения о. Иосифа в Иверском монастыре, самые поздние — к 1916 году. Эти письма находились у о. Иосифа до самой его смерти, случившейся в декабре 1930 года, а затем перешли к псаломщику Введенской церкви города Валдая П.В. Мальцеву, который проживал в соседней с о. Иосифом комнате и доме П.Ф. Вахрушева. После смерти П.В. Мальцева архив епископа Иосифа хранила его дочь — Л.П. Мальцева, регент хора валдайской церкви Петра и Павла, которая и передала материалы музею. Архив дошел до нас далеко не полностью, уцелели только письма, написанные на открытках. Они и хранились в числе прочих старых открыток ради изображений, помещенных на них. При этом на снимках начала XX века представлены многочисленные виды Новгорода, Старой Руссы, Гатчины, Одессы, Киева, Рязани, Томска, Задонского монастыря, Оптиной пустыни, Валаама, Званского монастыря... Впрочем, и открытки уцелели не все. Но при всей неполноте и случайности сохранившегося, коллекция представляет собой большой исторический интерес, в том числе как материал к биографии епископа Иосифа.

Из текстов писем явствует круг его забот, интересов, знакомств, в том числе с людьми, чьи имена навсегда вошли в историю России: с И. Кронштадтским, патриархом Алексием I, С.А. Нилусом и другими.

Так, Н. Смирнов в декабре 1908 года пишет архимандриту Иосифу из Петербурга о последнем прощании с Иоанном Кронштадтским (1829–1908 гг.), когда «весь Петербург и окрестности пришли в движение ради дорогого батюшки»³. При этом необходимо заметить, что в архиве о. Иосифа всю жизнь хранилась очень дорогая ему фотография знаменитого кронштадтского протоиерея⁴, и подробности его похорон, сообщенные в письме Н. Смирнова были весьма важны иверскому архимандриту, поэтому он так берег это послание.

Письма А. Богдановича не только служат материалом по истории Иверского монастыря, но и говорят о тех людях, которые были каждый день рядом с о. Иосифом: о наместнике о. Аркадии, ризничем о. Геннадии,

фельдшере Дмитриии и других⁵.

Племянница С.А. Нилуса Е. Концевич, вспоминая о настоятеле Иверского монастыря о. Иосифе, говорила, что он отличался простотой и скромностью и, главное, теплой любовью ко всем незадачливым и несчастным⁶. Архимандрит Иосиф находил возможность многим из них помочь.

Так, Ф. Осипов из Новгорода просит о. Иосифа оказать ему материальную помощь в учебе⁷.

Письма 1915–1916 годов от игуменьи Званского монастыря Агнии говорят о том, что архимандрит Иосиф неоднократно помогал воспитанникам Державинского училища⁸. Отец Иосиф был добрым наставником, попечителем и других молодых людей, проходящих обучение как в духовных, так и в светских учебных заведениях⁹.

Иверский монастырь всегда был своеобразной «аптекой душевной» для всех приходящих в обитель паломников.

Архимандрит Иосиф всячески стремился поддерживать это его назначение. В связи с этим показательно письмо 1910 года от А. Бурковой из Новгорода: «Шлю искреннюю глубокую благодарность многоуважаемому о. Иосифу. Дни,

проведенные мною среди красоты, тишины и покоя, вдали от нашей, гнетущей душу мирской суеты, так удивительно целебно отразились на моем больном, усталом от жизни, полном тревог и забот, сердце. Я приехала домой значительно окрепшею, благодаря лишь тому, что Вы разрешили мне отдохнуть душевно и физически в Вашей тихой обители. Спасибо Вам большое, о. Иосиф, за Ваше радушие, гостеприимство и заботы об усталой страннице. Когда мне станет тяжело, я попрошу у Вас разрешения провести несколько дней в милом мне монастыре, где было мне так хорошо. От всей души желаю Вам здоровья и сил...»¹⁰

Особую историческую ценность представляют редчайшие письма известного духовного писателя С.А. Нилуса (1862–1929 гг.) архимандриту Иосифу из Оптиной пустыни¹¹.

В 1906–1907 годах по благословению о. Иосифа С.А. - Нилус, живя в Валдае, работал с архивом Иверского монастыря и собирал материалы по его истории. В это время им издается «Сказание о чудотворной иконе...», посвященное 250-летию пребывания Иверской иконы Божьей Матери на Валдае¹², а также готовятся материалы для его книги «Жатва жизни»¹³. При этом необходимо заметить, что С.А. - Нилус был принят о. Иосифом в Иверском монастыре в период организованных на писателя гонений и травли, в тот момент, когда у него не было ни крова над головой, ни дружеской поддержки¹⁴. Тем значительнее кажется участие в его судьбе иверского настоятеля.

В августе 1907 года Нилусы покидают Валдай, переехав для жизни и духовного труда в Оптину пустынь. Все годы жизни в Оптиной пустыни писатель не забывает о «богоспасаемом и богобоязненном Валдае», поддерживая постоянную переписку с настоятелем Иверского монастыря архимандритом о. Иосифом. Из трех сохранившихся нилусовских писем¹⁵ одно написано о. Иосифу в 1908 году спустя несколько месяцев после отъезда Сергея Александровича из Валдая, другое в 1910-м, третье в 1912-м, за два месяца до возвращения в Валдай, в тот момент, когда вновь начинается травля писателя¹⁶. Нилус просит о. Иосифа не забывать его в своих молитвах.

В мае 1912 года Нилусы вновь приехали в Валдай, где прожили вблизи Иверского монастыря в постоянном общении с о. Иосифом до 1917 года¹⁷. Сам по себе этот факт служит достаточно ярким материалом к характеристике о. Иосифа.

Весьма значимым (и поэтому бережно хранимым) для архимандрита было письмо от А.А. Заболотского (1876–1938 гг.)¹⁸. Письмо отправлено в декабре 1915 года командиром роты 222-го пехотного полка А.А. Заболотским из Киева в канун тяжелых боев. Из текста письма ясно, что они с о. Иосифом состояли в переписке и только что полученное Анатолием Алексеевичем из Иверского монастыря письмо было для него очень важной моральной поддержкой. Перед самой отправкой на фронт Заболотский женился на дочери священника Короцкого Тихоновского монастыря о. Порфирия Прилежаева Анне, с которой по-

знакомил его С.А. Нилус, ставший затем крестным отцом родившейся у них дочери Насти. В 1920 году А.А. Заболотский был рукоположен епископом Вениамином в священники и служил в городе Рославле Смоленской губернии, а с 1924 года — в Бологое Валдайского уезда¹⁹.

Сохранилось два письма епископа Валдайского Иосифа о. Анатолию, в которых звучат пастырские наставления, строгие и полные заботы о ближнем и об устройстве храмов. В письме от 24 мая 1929 года о. Иосиф благословляет на ремонт часовни и разъясняет условия отъезда священника в отпуск. На вопрос о. Анатолия относительно причастия лиц, живущих без церковного благословения, епископ дает весьма строгие рекомендации, делая исключение всем тяжелобольным, а также «сокрушающимся о таком житии и приносящим чистосердечное раскаяние»²⁰.

На письме епископа Иосифа от 20 марта 1930 года сделана пометка А.А. Заболотского: «Это последнее письмо Е. Иосифа»²¹. Письмо короткое, трудночитаемое. В нем он благодарит о. Анатолия за присланные гостинцы, благословляет его, супругу Анну Порфирьевну и детей, давая свои наставления: «Добрый о. Анатолий! В облачении ходить по приходу во избежание различных недоразумений следует избегать, и облачаться в ризу только в домах, где будете читать Св. Евангелие, и тогда можно служить только в епитрахили (по болезненному состоянию)...»²¹

Эти два последних письма о. Иосифа хранились в семье А.А. Заболотского, умершего в ссылке в 1938 году.

В числе тех писем, что хранились у самого о. Иосифа, в фондах Валдайского музея имеется письмо, отправленное архимандриту Иверского монастыря о. Иосифу из Новгорода 11 апреля 1914 года епископом Алексием, будущим патриархом Алексием I²².

Важным материалом к биографии о. Иосифа служат письма и телеграммы к Новгородскому епископу Алексию и от него относительно ранения архимандрита Иосифа во время восстания в Валдае 15 июля 1918 года. Как правило события этого дня и судьба о. Иосифа различными источниками преподносятся весьма противоречиво. Самой достоверной, видимо, была информация, собранная у Новгородского епископа.

В телеграмме епископу Алексию от наместника Иверского монастыря о. Аркадия говорится: «Утром понедельника после реквизиции хлеба в монастыре случайно ранен во время перестрелки отец архимандрит Иосиф, ехавший в лодке с представителями милиции в Валдай для успокоения взволнованного происшествием народа»²³.

Тотчас же последовал запрос епископа благочинному I-го Валдайского округа протоиерею Троицкого собора о. Михаилу Никольскому с просьбой донести о произошедших в монастыре событиях. Но телеграмма о. Михаилу не была вручена по причине ее задержания военно-революционным штабом, о чем епископа известила почта.

17 июля 1918 года братия Иверского монастыря отправила епископу рапорт, полученный им 20 июля: «Имеем честь смиреннейше донести Вашему Преосвященству, что

2 (15) июля в четыре часа утра в обитель нашу прибыла советская власть для реквизиции хлеба. Взяв хлеб, они пригласили о. настоятеля сопровождать хлеб в г. Валдай по озеру на лодке, и близ берега у г. Валдая гражданами была открыта оружейная стрельба, во время которой о. настоятель ранен пулей в левый бок, ниже сердца. Положение больного признано врачами серьезным, и находится он в настоящее время в больнице в г. Валдае»²⁴.

Весьма важно свидетельство известного русского журналиста М.О. Меньшикова (1859–1918 гг.), жившего в этот период в Валдае. 16 июля 1918 года он делает запись в дневнике: «Вчера в Валдае вспыхнул народный бунт, который к вечеру уже был погашен. Красноармейцы, выписанные из Демянска, решили-таки отобрать у монастыря его запас хлеба. Приехали ночью с пулеметами, начали разбивать ворота, обстреливать колокольню, предполагая, что звонарь звонит наверху (а он дергал веревкой в малый колокол снизу). Когда слышались выстрелы, приозерное население проснулось, бросилось на выручку. Не столько валдайцы, сколько, кажется, усердствовали зимогоры и мужики из ближайших деревень. (Правда, расстреляют за организацию восстания совершенно не имевших к этому отношения публициста М.О. Меньшикова, генерала В.А. Косаговского, а также бывшего среди восставших купеческого сына Н. Савина — **Н.Я.**) Разграбили склады оружия, никем, правда, не охраняемые... Уже поздно днем, около 3, когда я шел с почты..., я видел банды человек по 15, по 20, несшие ружья (кто по два, кто три) со штыками и без штыков, старые, заржавленные, поломанные, очевидно, не годящиеся к употреблению, и при этом общее было сетование, что патронов нет. Эх, Россия! Курьезнее этого «восстания» и вообразить трудно, но дело осложнилось кровавым случаем. Народ принудил красноармейцев вернуть 48 п. хлеба в монастырь, но когда те ехали на лодке и везли архимандрита, чтобы, прикрываясь им, благополучно выкрутиться из беды (велели ему встать на лодке: в тебя, мол, архимандрита, стрелять не станут), с берега защитники монастыря бацнули из пулемета, и бедный о. Иосиф был тяжело ранен в бок. Едва ли выживет... Вечером прибыли уже латыши в качестве усмирителей, сегодня объявлено военное положение, будут обыски, поиски похищенного оружия и расстрелы...»²⁵

В тот же день в письме к О.А. Фрибес М.О. Меньшиков пишет о кровавых событиях в Валдае и «маленьком народ-

ном восстании в простонародном стиле», сообщая нисколько подробностей этого дня. Относительно архимандрита Иосифа в числе прочего замечает, что во время перестрелки ему разбило три ребра и легкое²⁶.

Попытки реквизиции хлеба у монастыря были и ранее²⁷. Накануне рокового восстания (11 июля) тысячная толпа баб и мужиков отстояла монастырский хлеб, которым кормилась вся округа. Монастырь давал хлеб всем нуждающимся. В том числе и семья М.О. Меньшикова спасалась от голода монастырским кормлением. Публицист замечает, что архимандрит мечтал подкормить народ до 25 июля, если не реквизируют остатки хлеба. Отец Иосиф говорил, что хлеб народный, крестьяне его пожертвовали монастырю с условием, чтобы он кормил богомольцев²⁸. Настоятель так и поступал.

В письме О.А. Фрибес от 17 июля 1918 года М.О. Меньшиков в дополнение к предыдущему посланию сообщает, что архимандрит, которого он навещал в больнице, жив и даже есть надежда на его выздоровление, если не будет перекардита. И далее продолжает: «Если выздоровеет, то вы обязаны приехать в Валдай и навестить этого праведного монаха, который чуть было не сделался мучеником за народ и церковь»²⁹.

Весьма характерна приписка, сделанная М.О. Меньшиковым к предыдущему письму, адресованному О.А. Фрибес: «В народе уже говорят, что архимандрита ранили не из пулемета, а большевик (находившийся с ним в лодке — **Н.Я.**) бацнул ему в бок из револьвера. Жалеют очень»³⁰.

Люди жалели его и как любимого пастыря и как страстотерпца, именно «мученика за народ и церковь». Правда, при этом к биографии о. Иосифа прибавляется элемент легендарности. Уже при его жизни начали рождаться многовариантные народные предания о событиях 15 июля 1918 года и о роли в них иверского архимандрита. С течением времени, когда уже не оставалось непосредственных очевидцев случившегося, варианты легенд становились все фантастичнее и противоречивее. При этом особый интерес представляет точка зрения людей, своими глазами видевших происходившее в Валдае в тот день.

Сохранились воспоминания об этом событии военного комиссара по хозяйственной части П.И. Сергеева, принимавшего участие в реквизиции хлеба у монастыря 15 июля. Он пишет о том, что монастырь выдавал жителям ежедневно по 1–2 кг хлеба. Успокоившись, узнав про это, решил «прекратить кусочничество» и изъять хлеб в пользу

М.О. Меньшиков. 1910 г.

государства. Но враги революции, как пишет П.И. Сергеев, распустили слух о том, что грабят монастырь. Когда лодки отчалили от монастырского берега, продразверстники заметили на валдайском берегу собравшийся по колокольному набату народ и подумали, что это их торжественно встречают. В знак приветствия дали ружейный залп вверх. В ответ с валдайского берега застрочил пулемет, при этом архимандрит, по словам П.И. Сергеева, был легко ранен. Лодки с зерном повернули обратно в монастырь. П.И. Сергеев вызвал войска. Прибывшие латыши подавили восстание³¹.

Сохранились воспоминания Ф. Поташкина, служившего рассыльным в уисполкоме и оказавшегося очевидцем событий 15 июля 1918 года в Валдае. Он рассказывает, как мужики грабили никем не охраняемые склады с оружием, о такой сильной перестрелке между местными жителями и продразверстниками, которые, по его словам, прибыли из Новгорода, что невозможно было пройти по улицам. Ф. Поташкин ошибочно утверждает, что стоящего в лодке архимандрита Иосифа (красноармейцы при этом для безопасности легли на ее дно) восставшие застрелили для того, чтобы разжечь гнев верующих³². Так же как и М.О. Меньшиков, исполкомовский рассыльный говорит о том, что настоятель, стоя в лодке, пытался что-то кричать людям, желая остановить бойню³³.

При этом издания по истории Валдая 1970–1980-х годов безосновательно утверждают, что почву для вооруженных выступлений готовили монахи Иверского монастыря³⁴, вводя в заблуждение горожан, спровоцированных на разгром оружейных складов и не дававших произвести «изъятие излишков хлеба, упрятанного духовенством в Иверском монастыре...»³⁵

В 1993 году была опубликована небольшая статья И.В. Гурьянова, полностью посвященная воспоминаниям об отце Иосифе³⁶. В ней помещено весьма ценное личное восприятие автора, видевшего епископа Валдайского Иосифа в мае 1922 года и запомнившего его проповедь, которую он произносил так негромко, что люди слушали её, затаив дыхание.

Но в статье И.В. Гурьянова, вспоминавшего события более чем семидесятилетней давности, есть принципиальные неточности в датах. В описываемый момент о. Иосифу было не 50, а 60 лет. Изъятие же хлеба, перестрелка и ранение о. Иосифа происходило не в 1922 году, а в 1918-м. Ранен он был, по свидетельству очевидцев, не в правую руку, как утверждает И.В. Гурьянов, а в левый бок.

Казалось бы, мелкие неточности, которые впоследствии признал и сам автор, в данном случае весьма принципиальны, так как в 1918 году о. Иосиф не был епископом, а в 1922-м, являясь епископом, он не был уже настоятелем Иверского монастыря. Монастыря как такового не существовало (хоть богослужения в его храмах, принадлежавших «коллективу верующих», по-прежнему продолжались до конца 1920-х годов), на его основе была создана Иверская трудовая артель, которую возглавлял иеромонах Иверского монастыря о. Никита³⁷.

В изданиях по истории Иверского монастыря, вышедших в 1990-е годы, указанные ошибки были не только закреплены, но и обросли новыми неточностями и откровенным вымыслом. Как варианты легенд о так называемом монастырском восстании это было бы интересно. Но когда исследовательская небрежность и недобросовестность выдается за явный исторический факт, это не прибавляет чести не только автору издания, но и невольно оскорбляет память о. Иосифа, отличавшегося особой искренностью и правдивостью, скромностью и строгостью по отношению к себе. Присовокупление ему несуществующих и выдуманных современными авторами страстей вовсе не говорит о мере уважения к его личности. Ему хватало своих, реальных, печалей, радостей и испытаний...

В материале, опубликованном в 1997 году в журнале «Наше наследие»³⁸, по причине исследовательской неопытности автора произошло совершенно невероятное смешение дат, событий, фактов и легенд, выросших в новую, ничем не объяснимую небылицу об о. Иосифе, в которой (вслед за непроверенными данными И.В. Гурьянова) ранение архимандрита Иосифа отнесено не к 1918-му, а к 1922-му году, и не во время изъятия хлеба у монастыря, а якобы во время ареста (?) настоятеля. При этом автор пишет: «Настоятель епископ Иосиф был арестован и отправлен на лодке в Валдай. В лодке он был тяжело ранен и выброшен в воду, но по милости Божией не утонул. Его подобрали на берегу верующие горожане и выходили...»

Необходимо сказать, что после ранения 15 июля 1918 года о. Иосифа совершенно легально и при участии валдайского начальства и всех жителей лечили в больнице. А верующие горожане, в том числе ныне живущая в Валдае хранительница архива епископа Иосифа Л.П. Мальцева, лично знавшая его и жившая с ним в одном доме, категорически опровергают приведенную выше цитату как совершенно вымышленную. Но тем не менее, она практически дословно была повторена в публикациях 1999 года, подготовленных к изданию такими, казалось бы, опытными исследователями как Н.Н. Жервэ³⁹ и В.А. Доброва⁴⁰. Книги этих авторов широко продаются в Иверском монастыре, распространяя ложные сведения о епископе Иосифе.

К числу курьезных историй по поводу ранения о. Иосифа следует отнести и рассказ Е. Концевич, приведенный, правда, со ссылкой на слухи, о том, что во время крестного хода о. Иосиф был ранен камнями и положен в связи с этим в больницу...⁴¹

Умирал о. Иосиф в доме П.Ф. Вахрушева на Образцовой горе в Валдае, где прожил последние годы жизни⁴². Из окна его комнаты открывался, наверное, самый красивый вид на Валдайское озеро и монастырь.

4 декабря 1930 года. Его Высокопреосвященство епископ Иосиф в Валдае отправлял богослужение в честь праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Через десять дней (14 декабря 1930 года) его не стало⁴³. При этом вслед за публикацией И.В. Гурьянова во всех названных изданиях 1990-х годов ошибочно называется и дата смерти о. Иосифа — как 27 декабря 1930 года.

Имея истинно христианское смирение и скромность, он завещал похоронить себя как простого монаха. Задолго до этого (и до всех монастырских треволнений) М.О. Меньшиков, давая характеристику о. Иосифу, называл его не как-

нибудь, а «хорошим монахом»⁴⁴. Его похоронили возле церкви Иоакима и Анны на городском кладбище Валдая, и к его скромной могиле и по прошествии 70-ти лет после его смерти все приходят и приходят люди.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Новгородские епархиальные ведомости. 1906. № 50. С. 1491.
- ² НГМ-кп-36427 (7-32)
- ³ НГМ-кп-36427 (12)
- ⁴ НГМ-кп-39425 (7)
- ⁵ НГМ-кп-36427 (27, 28)
- ⁶ Неизвестный Нилус / Сост. Р. Богдасаров, С. Фомин. Т.1. М., 1995. С. 32.
- ⁷ НГМ-кп-36427 (8)
- ⁸ НГМ-кп-36427 (14,15)
- ⁹ НГМ-кп-36427 (23,26)
- ¹⁰ НГМ-кп-36427 (7)
- ¹¹ Яковлева Н.П. Валдайские письма С.А. Нилуса //Тезисы докладов и сообщений итоговой научной конференции. Новгород, 1997. С.29–30.
- ¹² Нилус С.А. Сказание о чудотворной иконе Божьей матери Ея Иверского явления и о чудотворной иконе Иверской, что в Богородичном Иверском Валдайском монастыре Новгородской епархии. Сергиев Посад, 1908.
- ¹³ Нилус С.А. Жатва жизни. Пшеница и плевелы. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1908. С. 87–92.
- ¹⁴ Стрижев А.Н. К Нилусу //К свету. 1993. № 3–4. С. 4, 9–10, 21.
- ¹⁵ НГМ-кп-36427 (19-21)
- ¹⁶ Дневник послушника Николая Беяева //Неизвестный Нилус. Т.2. С. 280–301.
- ¹⁷ Стрижев А.Н. К Нилусу... С. 13; Жевахов Н.Д. Воспоминания. Т.2. М., 1993. С. 328.
- ¹⁸ НГМ-кп-36427 (25)
- ¹⁹ Заболотский Н.А. К столетию со дня рождения о. Анатолия Заболотского (1876–1976гг.) // Личный архив профессора богословия Н.А. Заболотского, г. Женева. С. 11–12.
- ²⁰ Там же. С. 14–15.
- ²¹ Там же. С. 15.
- ²² НГМ-кп-36427 (13)
- ²³ Письма патриарха Алексия своему духовнику. Сретенский монастырь, 2000. С. 173.
- ²⁴ Там же. С. 173–174.
- ²⁵ Меньшиков М.О. Материалы к биографии // Российский архив. Т.IV. М., 1993. С. 167.
- ²⁶ Там же. С. 260–261.
- ²⁷ ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 27.
- ²⁸ Меньшиков М.О. Материалы... С. 165.
- ²⁹ Там же. С. 261.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Воспоминания П.И. Сергеева // Личный архив П.И. Сергеева, г. Валдай. С. 3–4.
- ³² Поташкин Ф. Страничка истории Валдайской //Ленинский путь. 1967. № 6628. 11 марта.
- ³³ Меньшиков М.О. Материалы... С. 167.
- ³⁴ Истомина Э.Г., Красноречьев Л.Е. Иверское чудо. Л., 1982. С. 44.
- ³⁵ Истомина Э.Г., Николаев А.Н. Валдай. Л., 1979. С. 45.
- ³⁶ Гурьянов И.В. Настоятель епископ Иосиф // София. 1992–1993. № 4. С. 9–10.
- ³⁷ ГАНО. №. 481. Оп. 1. Ед. хр. 427. Л. 6–7.
- ³⁸ Глеб, иеродиакон. Жребий // Наше наследие. 1997. № 42. С. 35.
- ³⁹ Жервэ Н.Н. Валдайский Иверский Богородицкий Святоозерский монастырь. СПб, 1999. С. 37.
- ⁴⁰ Доброва В.А. Иверский Валдайский монастырь. Былое и современность. 1999. С. 25.
- ⁴¹ Неизвестный Нилус... Т. 1. С. 33.
- ⁴² Яковлева Н.П. Дом Вахрушева // Ленинский путь. 1990. №33 (10142). 17 мая. С. 4.
- ⁴³ Запись акта о смерти епископа Валдайского Иосифа (Николаевского). № 103 от 14 декабря 1930 г. // Архив отдела ЗАГС Администрации Валдайского района. Книга № 316. 1930–1932 гг. Л. 54.
- ⁴⁴ Меньшиков М.О. Материалы ... С. 165.

ЕЗЫ, ИЛИ О ТОМ, КАК ЛОВИЛИ РЫБУ В СТАРИНУ

Рыбные промыслы Кирилло-Белозерского монастыря в XV–XVII веках

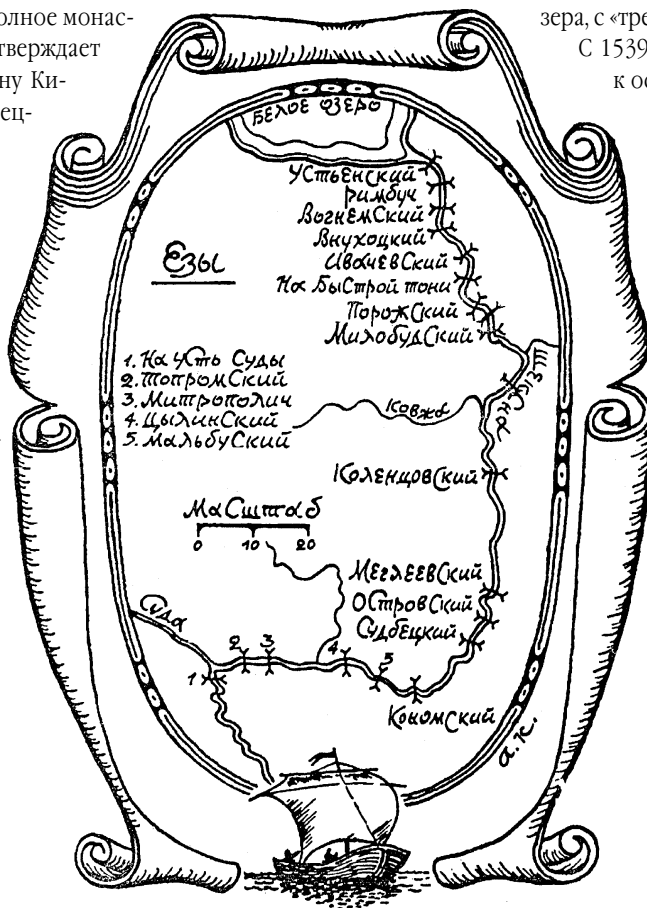
Одним из основных «промышленных предприятий» Кирилло-Белозерского монастыря в XV–XVII веках, по мнению Н. Никольского, исследователя монастырской истории, были рыбные ловли¹.

Рыбной ловлею монастырь стал заниматься еще во время жизни преподобного Кирилла. В житии святого рассказывается о его ученике Германе, любившем ловить рыбу удочкою в Северском озере. Это озеро попало в состав монастырских владений, видимо, с пожалования князя Андрея Дмитриевича, сына Дмитрия Донского. Какое-то время оно использовалось для рыбной ловли совместно с княжескими рыбаками. Впоследствии, еще до 1427 года, оно перешло в полное монастырское владение. Это подтверждает жалованная грамота игумену Кириллу о «запрещении городецким рыбным ловцам ловить рыбу в монастырском озере». Помимо Северского озера при Кирилле монастырь владел обширным Уломским (современное название Заулумское) озером. Право на владение им долгое время оспаривалось у Кирилловской обители Ферапонтовскими старцами, но грамотою 1451 года было оставлено за обителью. Вероятно, какое-то время озеро также использовалось совместно с другими рыбаками, так как известна жалованная грамота верейского и белозерского князя Михаила Андреевича игумену кирилловскому Кассиану (1448–1469 гг.) с привилегиями на «подледный лов» в Уломском озере «раньше слободщика Желобинской слободки Ив. Шапова». В 1668 году Уломское озе-

ро приказали переписать на «обиход царя» на том основании, что старые обветшавшие грамоты, предъявленные кирилловскими старцами, не имели заверений «прежних царей и государей»². В XVIII – начале XX веков Заулумское озеро вновь находилось в составе монастырских угодий³. Еще в середине XV века в совместное владение монастыря и И. Дмитриева попало Ивецкое озеро. В XVI веке озерные владения тоже значительно пополнились. Езовые книги 1585 года называют монастырские озера: Лозкое, Словенское, Мелкое, Глубокое. В начале XVII века дополнительно к ним поступает еще рыбный оброк с трех небольших озер села Кемы — Покровского, с Кергоозера, с «трех леших озер» и ряда других⁴.

С 1539 года монастырь приступает к освоению обширнейшего озера округи — Белого⁵. Белое озеро на протяжении длительного времени находилось в государственной собственности. Монастыри, жители города Белозеро, крестьяне прибрежных сел и деревень получали право ловить в нем рыбу на определенных государством условиях — плате оброка рыбой или деньгами. Единицей такого обложения зимой был невод, а летом — лодка, вмещающая определенное количество рыбаков.

С середины XV века рыбные владения Кирилло-Белозерского монастыря появились на реке Шексне⁶. Река Шексна славилась в XV–XVII веках обилием ценных пород рыбы: белуги, осетров, стерляди. Ловля этой рыбы проводилась в основном на езах. Езы и удобные места для ловли рыбы рядом с ними —

Езы на реке Шексне по данным Писцовой книги езовых дворцовых волостей и государственных оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года.

Рисунок А. Кузнецова из книги "Шексна — река Велеса". Между Порожским и Милобудским находился ез под Взвозом у ц. Николы; следующий за Милобудским — ез Шатрец

тони, являлись объектами покупки, дарения, обмена, а иногда и совместным владением различных собственников. Предметом дарения иногда были не только езы или их части, но и право ловли в течение определенного времени: «ночь» или «полночь», то есть возможность ловить рыбу на езу в течение одной ночи или полночи.

В хозяйственных документах монастыря встречаются названия Никольского, Чарьсинского, Вособинского езов. Некоторые езы прекращали свою деятельность, видимо, из-за того, что давали мало рыбы. Другие же существовали на одном месте на протяжении столетий, давая хорошие и постоянные уловы. Наибольшую отдачу имели три еза: Шатрец, под Взвозом у церкви Николы, Островский⁷. (К XVII веку ез у церкви Николы, видимо, прекратил свое существование). Писцовая книга езовых волостей 1585 года приводит описание всех шекснинских сооружений, в том числе и монастырских.

Вот как описывается Островский ез: «А в том езу было 30 козлов. А в тот ез выходило лесу большого на треть на козлы и на переклады, и навалу 80 дерев 8-ми сажен, да на осяди 50 дерев 12-ти сажен, да на грузила, и на суковатики, и на вилы среднего лесу 50 дерев 6-ти сажен. Да на том езу клетка, а выходило в нее на треть 20 бревен 2-х сажен, да на ворота клали на лето по одной сеже. А мелкого лесу на засов на треть 50 жердей. А на пором выходило боль-

ЛОВЛЯ РЫБЫ. Миниатюра
Евангелия первой половины XVI в.

шого лесу 2 колоды 12-ти сажен». В связи с ледоходом, а иногда и осенними подъемами воды, вызванными сильными дождями, езы требовали ремонта. Строительство, ремонт езов длились неделями, к работам привлекались десятки крестьян и монастырских служек. К сожалению, де-

тально описывая количество необходимых строительных материалов, приводя данные о количестве рабочих, занятых на строительстве каждого еза, переписные книги не дают информации о технологии рыбной ловли на этих необычных сооружениях. Попытаемся высказать свои предположения, основанные на анализе устройства шекснинских езов, описанных в 1585 году, и аналогичных им устройств, устанавливаемых на реках в Белозерье в более поздние времена, в том числе и в наши дни, используя сведения по ихтиологии и ловле рыбы знаменитого ученого и рыбака Л.П. Сабанеева (1844–1898)⁸.

Все езы на реке Шексне по своему устройству можно разделить на два типа. Первый характерен для нижнего и среднего течения реки. Он состоит из загородки с воротами в средней части и клетки, устроенной над ними. В зависимости от ширины реки длина этих сооружений была различной, что подтверждается наличием неодинакового количества козлов — опор для загородки в каждом езу (от 15 в Порожском до 32 в Коленцовском уездах). Ворота в езу были необходимы как для пропуска судов, так и для рыболовства. О прохождении судов через езы имеются воспоминания поляков из посольства Марины Мнишек, пливших осенью 1608 года по Шексне. Поляки отправились в путь на солидных судах, куда поместили коляски и возы с запасами⁹. Ворота в езу были нужны и для ловли рыбы, особенно ценных пород. Описные книги 1585 года постоянно указывают: «...да в воротах на лето кладут по три сежи». Количество сеж в различных езах колебалось от одной до четырех. Сежи, вероятно, были одним из основных орудий лова осетровых рыб, особенно проходных, заходящих в Шексню с Волги. Сежа изготовлялась из большой сети в виде кошеля и устанавливалась в воротах еза. В XIX веке сежа была и самостоятельным орудием лова. Она укреплялась между двумя парами толстых кольев, вколачиваемых в дно реки, причем каждая пара отстояла от другой на расстоянии от двух до пяти метров в зависимости от длины сети. Расстояние между кольями пары равнялось 70–102 сантиметрам, а вершины кольев возвышались над водой на 30–35 сантиметров и заканчивались в основном развилками. На эти колья клались две перекладыины, на них настилали доски, на которых и сидели рыбаки. Верхняя бечева сети привязывалась к верхней перекладине, то есть находилась выше уровня воды, а нижняя — к перекладине-коромыслу, лежащему на дне реки. Коромысло делали из прочной легкой еловой жерди с петлями или кольцами на краях. Кольца или петли могли легко скользить по кольям, вбитым в дно. К коромыслу вертикально крепили легкий кол с петлей на конце, которой запирался на помосте за специальный крюк-шпенек. К коромыслу последовательно на определенном расстоянии прикреплялись 5–12 сим (очень тонких нитей), которые рыболов держал в руке. Малейшее прикосновение рыбы, идущей на глубине в проход между кольями, через симы передавалось рыболову, который мгновенно сдергивал петлю. Коромысло с нижней тетивой всплывало, и рыба оказывалась пойманной в сеть.

В прозрачной воде симы можно было не использовать, так как рыболов видел заход рыбы в сежу. Можно с

уверенностью предполагать, что примерно так была организована ловля в сежи и на езах.

Ловля рыбы сежами велась круглосуточно. Контроль за заходом рыбы в эти устройства осуществляли рыболовы, сидящие «на сеже», то есть в особой «клетке», устроенной скорее всего в виде избушки над воротами еза. На изготовление такой клетки шло иногда по «60 бревен по 2,5 сажени». В результате появлялась постройка, пригодная для дежурства в любую погоду. Возможно, что из нее опускался и засов, сделанный из тонких жердей, которым во время осмотра или ремонта сежей могли перекрыть ход рыбы. Для передвижения рабочих и рыболовов вдоль еза, для ремонта, а возможно, и для закрытия ворот использовался «пором» — паром, на изготовление которого шло значительное количество бревен и досок.

Второй тип еза представлял из себя такую же мощную конструкцию с воротами на стремнине, но без клетки и сежей. Такие езы строились в верховьях Шексны, которое характеризуется очень бурными быстрым течением. Последнее и не позволяло ставить в воротах сежи и ловить ими рыбу. Возможно, что в период ловли рыбы с лодок перед езом ворота могли закрываться специальным засовом, пропускающим воду, но не рыбу.

На устройство езов, на способы ловли на них или перед ними влияли особенности жизни осетровых рыб. К тому же проходная волжская рыба существенно отличалась от оседлой шекснинской рыбы. Осетровые предпочитают самые глубокие места реки, быстрое течение, каменистое песчаное дно. При движении рыба придерживается дна и ведет скрытный образ жизни, поэтому очень редко попадает в простые сети. В классе осетровых наиболее многочисленна стерлядь, ее уловы и составляли основную часть выловленной рыбы. Она, как правило, живет в реке и море. Весной, с освобождением рек от льда, стерлядь выходит из зимнего оцепенения и начинает свой стремительный «бег» в верховья рек на нерест. Глубоких мест с быстрым течением и каменистыми грядами на реке Шексне было много, особенно в районе Иванова Бора. Нерест продолжался около двух недель и шел во время сильного половодья. После нереста отметававшие икру рыбы выходили из основного русла в пойму, в заливы, затоны, заливные озера и начинали усиленно откармливаться. Главной едой стерляди в это время становились личинки комаров, мошек и насекомое, очень распространенное в прошлых столетиях на Шексне, — метла, или поденка. Вылетая из песчаных берегов, она густыми массами кружилась над водой, часто падала в воду и становилась любимой пищей для осетровых рыб. Во время массового вылета поденки рыбаки в XIX веке на реках нередко даже специально делали заколы, около которых скапливалась плывущая по реке метла, и это привлекало рыбу. Вероятно, и у езов возникала такая же ситуация. В начале июня проходная стерлядь начинала скатываться вниз по реке и уходила в Волгу. Нерест осетров тоже проходил на глубине и в местах с быстрым течением с каменистым или хрящевидным дном. Нерест осетра очень непродолжителен, всего три-четыре дня. Севрюга в верхнее течение реки заходила очень ред-

ко, так как нерестится обычно в низовье. После нереста сразу скатывается в море, поэтому и уловы этой рыбы в езах были единичными. Белуга раньше другой красной рыбы входила в реки. Первое время шла подо льдом. Нерест у нее начинался после осетров и продолжался около месяца¹⁰. Все эти особенности хода осетровых прекрасно знали шекснинские рыбаки и учитывали их при устройстве езов. Кроме проходной красной рыбы была и своя оседлая шекснинская рыба, которая длительное время жила в Шексне и приобретала со временем своеобразный желтоватый цвет и особый замечательный вкус.

В связи с этими особенностями основная масса осетров и небольшое количество севрюг и белуг заходили в нижнюю и среднюю часть Шексны и попадали частично в езы. Государственные чиновники тоже об этом знали и оброк с нижних — Судьбицкого, Коленцовского, Милоблицкого езов назначали от 50 до 70 осетров. С езов в верховьях Шексны оброк составлял от трех до шести осетров. В то же время основную долю оброка верхних езов составляла стерлядь от 60 до 150 штук. Кстати, даже в XIX веке лучшим местом для ловли стерляди считались верховья Шексны от истока до села Иванов Бор, то есть верхняя часть реки на протяжении 45 верст. Стерлядь, пойманная в этом месте, отличалась даже от другой шекснинской. Кроме превосходного вкуса она имела более светлый цвет спин-

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ. Миниатюра из рукописи XVII века Жития Александра Свирского.

ки и желтое брюхо. Видимо, об этом типе рыбы написал в стихах Гавриил Державин «Шекснинская стерлядь золотая»¹¹.

В верховьях Шексны весной лед таял быстрее, вероятно, из-за близости озера и быстрого течения. В это время

стерлядь была еще не готова метать икру, но от зимнего оцепенения она пробуждалась, выбиралась из ям, где зимовала, и начинала расходиться по всей ширине реки. В эти дни и начинался ее главный лов, называемый погоней или погонной ловлей. Рыбаки собирались к истоку Шексны и оттуда постепенно спускались вниз по реке. Ловили стерлядь особого рода ставными сетями, называемыми погонными мережами. Сети ставились по «удобным местам», считавшимся наиболее уловистыми. Стерлядь запутывалась в тонкие прочные сети и становилась добычей рыбаков. Погоня продолжалась до тех пор, пока выпадающие в Шексну ручьи и протоки, разлившиеся от таянья снега, не замутят чистую зимнюю воду. Этим временем и заканчивается главный в году лов этого вида рыбы¹². В летний сезон ловили стерлядки уже немного — она редко попадалась в невод и рюси. Весенний лов хорош еще тем, что в уловы попадало много рыб-икрянников, так как лов велся еще до нереста.

Мы не случайно так подробно остановились на способах ловли стерляди во второй половине XIX века. Аналогичный лов был и в XVII столетии, только с некоторыми особенностями, связанными с езовой ловлей. Ранний выход стерляди из зимнего оцепенения способствовал большим ее уловам на верхних езах и около них. Езы в данном случае служили не только орудием лова, но и препятствием на путях движения рыбы, а также границами рыбных владений. Рыба ловилась большей частью с лодок сетями. Езовые книги 1585 года сообщают, что у монастырского еза «у Николы на Взвозе было 8,5 тоней, расположенных вниз по течению, и 6 тоней, идущих вверх по течению. А ловили те тони двумя неводами». Облавливание тоней и было погонной ловлей в XV–XVII веках, это фиксирует и Жалованная царская грамота 1675 года, сообщающая о погонной ловле с десяти лодок. Вероятно, хорошо ловилась у езов и проходная волжская стерлядь, которая после нереста выходила в заливы, затоны и откармливалась личинками насекомых. Около езов скапливалось и большое количество поденки, которая также привлекала изголодавшуюся во время нереста рыбу. Летом стерлядь держалась самых глубоких мест и быстрого течения, поэтому редко попадала в обычные сети, но заходила в ворота еза, устроенные на стремнине, и оказывалась пойманной в сежи. Отмечавшие икру осетры, севрюги, белуги тоже попадали в эти устройства. В XVI–XVII веках езы всегда вызывали удивление у иностранцев. Генрих Штаден, посетивший Московскую Русь в 1564–1576 годах, писал: «По реке Шексне нет городов или замков, но по дну забиты забои из бревен, на них ловится осетр, который идет из Каспийского моря и направляется к Белоозеру»¹³. В Дневнике Марины Мнишек, написанном одним поляком из ее свиты в 1608 году, отмечаются все «язы» — заграждения, которые строят на этой реке для ловли осетров. Поляки отметили, что «больших и лучших осетров, чем в этой реке, не знают»¹⁴. Однако такие грандиозные сооружения в какой-то степени затрудняли судоходство на реке, а иногда и значительно поднимали уровень воды. Так, из грамоты царя Алексея Михайловича

1662 года известно, что «крестьяне Белозерского уезда двorcовых езовых волостей в реке Шексне на Бору Иванова голова и кузнецких порогах выше царских и патриаршеских и монастырских езов каменные и деревянные учинили многие езы и ловят на себя красную и белую рыбу и воду в реке и Белоозеро заперли стоит вода над теми их езами в порогах на сажень и больше, а вниз не течет и монастырские и крестьянские покосы и пашенную землю подтопили, а ниже тех езов потопа нет»¹⁵.

Как долго на Шексне просуществовали езы, нам неизвестно, но, вероятно, уже в начале XVIII столетия они стали явным тормозом для развития судоходства. Особенно это стало нетерпимым после основания Петербурга и изменения направлений грузовых потоков в сторону новой столицы. Ловля осетровых рыб на Шексне продолжалась, но уже только с лодок «погоней». В этом же столетии изменилась и вся система собственности на рыбные промыслы. Из рук государства, монастырей она перешла к крестьянам, жившим по берегам реки. Однако сбыт рыбы, а затем и ловля ее постепенно сконцентрировались в руках отдельных скупщиков, держателей садков, владельцев специальных судов для перевозки рыбы в живом виде в Москву и Петербург. В 1753 году рыбные ловли на реке Шексне и в Белом озере были отданы в арендное содержание рыбопромышленнику Терентию Резвому с сыном, который и устанавливал цену на рыбу. Постепенно в зависимость к нему попали все крестьяне-рыболовы¹⁶.

Во второй половине XIX века крупным рыбным промышленником-откупщиком стал крестьянин Осенный, живший недалеко от Горицкого женского монастыря. Он откупил рыбные тони на сорокапятиверстном пространстве от истока. В Горицкой слободе у него были устроены садки для красной рыбы. В них рыбу держали до окончания весенней погони, а затем в судах-прорезах доставляли в Петербург¹⁷. Большие лодки с рыбой тянули по рекам и каналам лошади или бурлаки. К пароходам такие суда не присоединяли, так как быстрое движение усыпляло рыбу, и она теряла товарный вид.

Деятнадцатое столетие стало закатом знаменитого стерляжьего промысла на реке Шексне. Строительство, реконструкции Мариинской водной системы, шлюзы, плотины, распространение туэрного пароходства, постоянные работы по углублению, спрямлению судового хода сделали реку невыносимой для любящей чистую воду осетровой рыбы. Уже в начале XX века осетры, стерлядь очень редко стали попадать в рыбацкие сети.

Крупные рыболовные сооружения — езы, характерные для Шексны, со временем трансформировались в небольшие сооружения: заколы, перегородки, запруды, котцы, язки. Они ставились уже на малых несудоходных реках. Некоторые такие сооружения встречаются на реках в северной части Кирилловского района и до сих пор.

В XVI–XVII веках в Кирилло-Белозерском монастыре проживало до 200 монахов, до 400 слуг, большое количество военных людей и мастеровых. Рацион их питания состоял из значительного количества рыбных блюд. Рыбу

широко использовали в качестве начинки для пирогов, со сметками варили щи. Белозерский снеток славился белизной и замечательным вкусом. В свежем и сушеном виде он широко использовался для приготовления первых и вторых блюд. В сушеном виде он занимал небольшой объем и хорошо сохранялся. В связи с этим старались заготовить его в расчете на два-три года, а когда свои уловы были незначительными, то и покупали, нередко в большом количестве.

В монастыре ценили и любили рыбу. На второе готовили иногда сразу три вида рыбы и подавали на стол в обед в одном блюде, рассчитанном на двух иноков. Вечером опять подавалась рыба, чаще всего лещи, жаренные со взваром и перцем. Употребляли в пищу рыбу жареную, вареную, соленую, вяленую. Готовили и довольно редкие кушанья как тавранчук или «караван с рыбой в сковородах из голов осетра или снетков»¹⁸.

Наличие большого количества рыбных угодий давало возможность поставлять к монастырскому столу почти постоянно свежую рыбу. Однако держали ее и про запас.

Опись 1601 года сообщает о трех каменных рыбных погребах, находящихся позади игуменских келий, и перечисляет запасы: «52 бочки судочины и лещины, 25 семг да 30 осетров длинных волжских и шехонских, да тридцать пуд с полпудом икры черные». Хранилась рыба не только в ледниках — «А на ледниках два сушила деревянные переделаны на двое. А в одном сушиле запас пластей лещевых, и язевых, и щучьих, стерляжьих 1682 пласти, да 900 прутьев семги, да 17 осетров волжских вислых, да новые 65 осетров шехонских, 30 чети молю заозерского, 5 чети сушу мелкого, 3 чети снятков пирожных, 1500 пучков вязиги...»¹⁹.

Осетров, стерлядь старались сохранить в живом виде. С этой целью использовали садки. Монастырское Сиверское озеро благодаря своей глубине, обилию родников славилось прозрачностью воды. В старину в непосредственной близости от монастыря на озере «устроены были загородки-сажалки для осетров и стерлядей» в виде свайных сооружений-загородок. От места промыслов до монастыря или садков рыба доставлялась в прорезных судах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до вт. четв. XVII в. Т.1. СПб., 1910. С. 110.

² Там же.

³ Смирнов И.А. Кирилло-Белозерский монастырь в 1764–1924 гг. // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда. 1997. С. 59.

⁴ Никольский Н.К. Указ соч. С. 110.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Там же. С. 110–111.

⁷ Там же. С. 114.

⁸ Сабанев Л.П. Рыболовный календарь.

Труды по рыболовству. М., 1992.

⁹ Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 133.

¹⁰ Краткие сведения о привычках осетровых рыб даются автором по работе Сабанеева Л.П. Жизнь и ловля пресноводных рыб. Т.1 С. 222–227. Т.2. С. 302–308, 311–331.

¹¹ Кузнецов А. Шексна — река Велеса. Вологда. 1999. С.13.

¹² Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1875. С.24.

¹³ Кузнецов А. Указ. соч. С. 12.

¹⁴ Дневник Марины Мнишек. С. 123.

¹⁵ Никольский Н.К. Указ. соч. С. 116.

¹⁶ История северного крестьянства. Т.1. С. 190.

¹⁷ Исследование о состоянии рыболовства в России. С. 24.

¹⁸ Судаков Г.В. Монастырская трапеза в XVI веке // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда. 1998. С. 88–93.

¹⁹ Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. СПб., 1998. С.217.

Виола ГУЩИНА

«ЗВАНЫ ОСТРОВА ДА ЭТИ КИЖСКИЕ»

История острова Кижь уходит в глубину веков. Предками современных кижан были русские переселенцы из Новгорода. В X–XI веках они начали осваивать северные края, заселенные финно-угорскими племенами: корела и весь.

Напоминанием о вепско-карельских племенах и сейчас являются названия соседних деревень: Курба, Кэзаранда, Тулвуя, Чёлмужи, Яндомы, Къжи... Все эти нерусские названия как отзвук древнейшей истории Обонежья. Къжи. Къжат. Къжисуари. В переводе с вепско-карельского наречия слово обозначает — «ъгрище». По всей видимости, в языческие времена, когда местные люди обожествляли природу и животных (главным образом, лося и медведя), здесь устраивались языческие мольбища с жертвоприношениями, ритуальными песнями и обрядовыми плясками. Недалеко от острова Кижь расположен Южный Олений остров — некрополь неолитической эпохи. Рядом с Кижями — на острове Рбдколье — разыгрывались колдовские мистерии, сохранившиеся в местных преданиях. Следы святилищ первобытного человека со временем были уничтожены. Духовенство веками изживало языческие обряды с их «бубенным плясанием, свирельными звуками, плясаньем сотониным» (7). На бывших языческих капищах вырастали христианские храмы. Первые культовые постройки на острове Кижь не сохранились. Новые малозаселенные земли привлекли новгородцев обилием пушных зверей в дремучих дебрях лесов, многочисленными озерами, богатыми рыбой; земля с залежами руды, а также водными путями к Белому морю... Энергичные, предприимчивые новгородцы корчевали леса, обзаводились пашнями и покосами. Земледелие здесь давалось нелегко: слишком камениста карельская почва («камушков у нас — хоть убейся, а водущки — хоть залейся»). Сведения о заселении острова Кижь выходцами из Новгорода содержатся в причитаниях крупнейшей сказительницы XIX века И.А. Федосовой:

Наступили басурманы превеликие.
Разорили они славный Новгород.
Все тут придались в посиверну сторонушку
На званы острова да эти Кижские (1).

В XII веке земли древней Карелии вошли в состав Новгородской феодальной республики. Одной из мер укрепления своего влияния на карел новгородцы считали христианизацию края. Но с трудом проникал в сознание язычников «свет веры Христовой».

Первое упоминание о крещении карел относится к 1227 году, когда новгородский князь Ярослав Всеволодович — отец Александра Невского — послал священников «крести множество карел...» Но и в 1535 году архиепископ новгородский и псковский Макарий сообщал Ивану Грозному: «...много северных мольбищ идольских на северных землях», «...живы языческие верования корелы» (6).

Потребовалось более 500 лет, чтобы христианская религия стала господствующей на Севере. Но еще и сейчас во время экспедиций по Карелии на вопрос: «Бабушка, а вы верите в добрых и злых духов?» — можно услышать: «Эвон, милая, вокруг тебя-то их сколько витает!»

Постепенно, но прочно утверждалась на древних землях Карелии духовная и мирская власть новгородцев. К середине XV века духовенство и новгородские бояре сосредоточили в своих руках почти все земли. Обширные владения монастырей и бояр назывались «боярщинами». *Знаменитой вдове новгородского посадника Исаака Марфе Борецкой (Марфа Посадница) принадлежало свыше 700 деревень, из них 29 — в Кижском погосте.*

Погост был основной административной единицей в Новгороде. Новгородская Уставная грамота князя Святослава Ольговича 1137 года повелевала: «...кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потягнет в свой погост; так пошло в Новгороде» (3).

Древняя история Кижей в период с XI по XV века являлась частью истории Новгорода — крупного политического, экономического и культурного центра. «Дух новгородского веча в XV–XVI веках веял в Обонежских обителях», — писал Е.В. Барсов (4).

Следы новгородского пребывания в Кижях прослеживаются и в настоящее время в виде случайных находок. Так, например, в 1988 году на огуречной грядке в огороде на острове Кижь была найдена свинцовая вислая печать обычного типа с изображением на одной стороне креста и над-

письмо «Печать Игната Михайловича». Игнат Михайлович был в XV веке владычным наместником в Обонежье (8).

Печать хранится в фондах музея «Кижь» (инв. № 2937). Но приближался конец новгородской вольности. Набирала силу и крепла Москва. В 1478 году Великий Новгород и все его земли, в том числе и Обонежская пятина, были подчинены Москве. Устанавливались новые порядки. Вотчины у новгородских монастырей и бояр были отобраны. Спасский Кижский погост стал именоваться «черной», «оборочной» волостью. Доходы с государственных деревень поступали непосредственно в казну. Впервые Спасский погост в Кижях был описан в 1496 году московским писцом Юрием Сабуровым (2).

В XV веке в Заонежье большинство деревень состояло из одного-двух дворов. Небольшие участки земли позволяли вести хозяйство силами одной патриархальной семьи, иногда достигавшей 30 человек. Облик северных домов поражает своими размерами. В них под одной крышей объединены жилые и хозяйственные помещения: избы, горницы, сени, кладовые, сарай и внутренний двор с хлевом для скота.

В условиях сурового климата такие дома были очень удобны для жизни.

Северный дом со стороны двора выглядит особенно суровым — «стоит бычище», но по фасадной линии плотники смягчали суровость мощных бревенчатых средств многочисленными окнами — «проклеваны бочища». Данный вид жилища назывался «новгородским». Таким образом, в этих краях в тесном контакте зародился своеобразный сплав финно-язычной и славянской культур. Это нашло отражение в самобытности заонежского диалекта, выплеснулось в создании уникальных памятников деревянного зодчества — ярких образцах особого, «прионежского типа».

Заонежье с давних пор называлось «Исландией русского эпоса». Здесь во второй половине XIX века столичные фольклористы впервые услышали былины в исполнении живых рапсонов: Т.Г. Рябинына — основателя четырех поколений исполнителей былин, народной поэтессы И.А. Федосовой и великолепного исполнителя-импровизатора В.П. Щеголенка. Современные музыковеды отмечают в былинах Т.Г. Рябинына наличие «вепско-мелодической строфы», что также свидетельствует о глубоком взаимодействии двух культур славянского и финно-язычного происхождения.

Из всего вышеизложенного видно, что возникновение Кижского архитектурного ансамбля в Заонежье — явление не случайное. Оно было обусловлено высоким духовным потенциалом коренного (вепско-карельского) и пришлого (славянского) населения. Кижский архитектурный ансамбль состоит из 22-главой Преображенской (летней), десятиглавой (зимней) церковью и колокольни, объединенных бревенчатой оградой на каменном основании. Не сра-

зу, а на протяжении 180 лет (с 1694 по 1874 годы) создавался уникальный архитектурный комплекс. В его архитектуре слышны отголоски язычества, праздничность православия, суровый аскетизм старообрядчества, явно улавливаемый намек на барокко, дыхание культуры коренных обитателей этих мест — карел и вепсов.

В 1990 году Кижский архитектурный ансамбль был включен ЮНЕСКО в список Всемирного культурного наследия одновременно с Московским Кремлем, Красной площадью, а также историческим центром Санкт-Петербурга.

Так достойно оценили потомки творение деревенских зодчих, мастеров топора. В настоящее время Кижский ансамбль представляет единственный из сохранившихся комплекс, созданный по принципу «многоглавие рядом с многоглавием». Идея создания музея на основе Кижского погоста зародилась в 1929 году и прослеживается на протяжении 37 лет (с 1929 по 1966 годы). С 1929 года Преображенская церковь использовалась со дня Пасхи до 14 октября с целью проведения богослужений и одновременно организации экскурсий по разъяснению назначения и использования церковного культа. Церковь превратилась в храм-музей. В 1936 году Кижскому сельсовету рекомендовалось взять под охрану церковь-музей (9). В феврале 1937 года церковь Преображения была включена в Список молитвенных зданий, имеющих историческое значение (10). Постановлением Комиссии по культуре при Президиуме ЦИК КАССР от 13.02.1937 года Преображенская церковь была закрыта (11). Для отправления религиозных обрядов верующим была оставлена вторая (зимняя) Покровская церковь, которая использовалась для проведения богослужений и в послевоенные годы. Постановлением Совета Народных Комиссаров № 604 от 2 октября 1945 года территория Кижского погоста была объявлена государственным заповедником (12). На первом этапе (1945–1950 годы) идея создания музея рассматривалась как конкретная практическая мера, способная сохранить обреченную на гибель часть наследия деревянного зодчества, которая подвергалась опасности полной и бесследной утраты. Ведущим критерием для подбора объектов — экспонатов была определена архитектурная уникальность и типичность, соответствующая традициям народного деревянного зодчества. На протяжении 10 лет (1950–1960) Кижский погост существовал на правах отдела Управления по делам архитектуры при Совете Министров Карело-Финской ССР, не являясь самостоятельной хозяйственной единицей. Период с 1961 по 1965 годы связан с организацией отдела «Кижь» как филиала Государственного краеведческого музея (13). Официальное открытие отдела «Кижь» состоялось 10 июня 1961 года. Распоряжением Совета Министров РСФСР от 14 июля 1965 года на острове Кижь с 1 января 1966 года был создан Государственный историко-архитектурный музей на правах самостоятельной административной единицы (14).

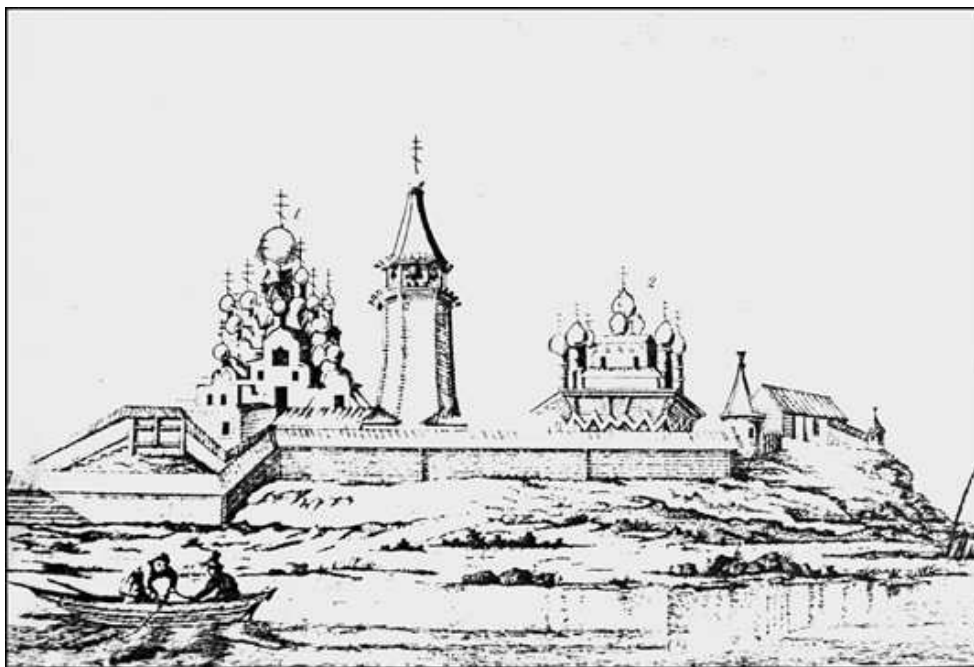
В 1969 году Государственный историко-архитектурный музей «Кижи» был реорганизован в Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи» (15). Территория музея расширилась от границ каменный ограды Кижского погоста до масштабов современного состояния с охватом территории в 54 гектара, включая обширную охранную зону в размере 9990 гектаров.

Десятилетие с 1949 по 1959 годы вошло в историю Кижского погоста как годы «великой реставрации», проводимой под руководством московского архитектора А.В. Околовникова. В результате реставрации кижские церкви были освобождены от позднейших «благотепных поновлений» в виде тесовой обшивки на срубах, железного покрытия на куполах и штукатурки на стенах и потолках. В таком «модном» наряде церкви простояли почти 150 лет, начиная со столетнего возраста. После реставрации церкви обрели свой прежний вид: сосновые срубы вновь задышали легко и свободно, купола — мягко засветились свежим осиновым лемехом. Но время оставило свои тяжкие раны на старых бревенчатых срубах. Их устранение — проблематично.

Ученые давно пытаются разрешить сложные вопросы борьбы с коварными жуками-древоточками и разными видами поражения древесины, превращающими древние бревна в мелкий порошок. В 1958 году Кижский архитектурный ансамбль был выдвинут на международную защиту. 13 августа 1980 года в связи с аварийным состоянием Преображенская церковь была закрыта. Тогда же, в 1980 году, начался демонтаж церковного интерьера: был разобран иконостас, состоящий из 102 икон северного письма; сняты полы, потолки, убрана внутренняя, страховочная, кровля. В 1984 году в интерьер Преображенской церкви введен

жесткий металлический каркас с целью укрепления конструкций и для дальнейшей реставрации. Но работы были приостановлены в связи с разработкой нового проекта инженерного укрепления бревенчатых срубов. В ожидании реставрации Преображенская церковь находится в закрытом виде 20 лет. Вопрос о способах ее реставрации обсуждался специалистами России и других стран на протяжении более 50 лет, начиная с 1949 года. Как видим, внимание со стороны ученых к состоянию церкви велико. Концепция реставрации Преображенской церкви, разработанная совместными усилиями специалистов Москвы, Санкт-Петербурга, города Кирова (Вятка) и музея «Кижи», предусматривает максимальное сохранение подлинных конструкций церкви способом переборки сруба без его полной раскатки с использованием специальных подъемных приспособлений, необходимых для замены ослабленных бревен здоровой древесиной. В настоящее время проектные предложения находятся на стадии утверждения. Появилась надежда, что в третье тысячелетие церковь Преображения Господня войдет с новыми свежими силами. Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи», как известно, основан в 1966 году, но работы по сохранению и реставрации наиболее ценных объектов деревянного зодчества начались намного раньше. Первый памятник — крестьянский дом Опишнева — был перевезен на остров в 1951 году. На небольшом пространстве Кижского острова представлены церкви, часовни, дома, бани, амбары, кузницы, мельницы (водяные и ветряные). Они перевезены на остров Кижи из разных деревень Карелии и помогают воссоздать тот исторический фон, который сопутствовал Кижскому погосту в прошлом. Экспози-

ция музея знакомит посетителей с древней культурой карел, вепсов и русских, охватывая исторический период со второй половины XIV века до настоящего времени. Самый почтенный по возрасту памятник музея — церковь Воскресения Лазаря, датируемая второй половиной XIV века — древнейший памятник деревянного зодчества на территории России. В экспозиции она занимает особое место, помогая проследить путь становления мастерства зодчих — от простейшей клетки до

Видъ Кижскаго погоста съ западной стороны; въ правомъ углу, сверху
1. Спасъ Преображеніи 2. Крестовъ престолнаго Богородицы

многоглавой композиции Кижского ансамбля.

Впечатление о Кижях становится значительно полнее и глубже после знакомства с памятниками «кижского ожерелья» — так поэтично названы небольшие часовни в деревнях, живописно раскинувшихся вокруг острова, — Корбе, Подъельниках, Волкострове и Воробьях.

Богат и мудр строительный опыт зодчих. Они понимали и ценили пользу и красоту дерева, хорошо знали его технические, конструктивные и декоративные возможности. Музей «Кижи» хранит прекрасные образцы народного творчества: вышивки, ткачества, резьбы и росписи по дереву.

В понятие «Кижи» включен сложный комплекс, в который входят не только памятники архитектуры, археоло-

гии, но и уникальная природа, многогранная хозяйственная деятельность, туристические потоки, сохранение крестьянской культуры. Красочные фольклорные праздники, Дни народного ремесла, престольные и часовенные богослужения дополняют и воссоздают фрагменты прошлого.

Музей «Кижи» — молод. Ближится его 35-летие — 1 января 2001 года. С 1995 года на острове возрожден православный приход. 4 июня 2000 года в Покровской церкви впервые в истории Кижского погоста состоялась Патриаршая литургия, которую провел Патриарх Всея Руси Алексий II.

Возвращение к истокам веры и познание прошлого даруют людям надежду на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсов Е.В. Причитания Северного края. М., 1882. С. XII–XIII.
2. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 годов. Л., 1930. С.9.
3. Остров Кижи. Путеводитель. Петрозаводск, 1968. С. 12–13.
4. Ополовников А.В. Кижи. М., 1970. С. 17–18.
5. Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись 1495–1717 годов. № 1055. М., 1972. С. 116.
6. Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского средневековья//Вопросы истории. 1974. № 1. С. 25.
7. Тюрников И.П., Фролов А.И. Кижи. Петрозаводск, 1983. С. 11.
8. Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV веков. Хронологические комментарии. М., 1991. С. 247.
9. ЦГАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 14/83. 1936. С. 22.
10. Там же. Ф. 689. Оп. 5. Д. 14/83. 1937. С. 38.
11. Там же. Ф. 689. Оп. 5. Д. 14/83. 1937. С. 20–20 об.
12. Там же. Ф. 1394. Оп. 5. Д. 43/216. 1945. С. 7–9.
13. Там же. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 28/260. С. 1.
14. Распоряжение Совета Министров РСФСР от 14/VII-65 г. № 2618-Р; Постановление Совета Министров КАССР № 406 от 11/VII-65 г.; Приказ Министерства культуры КАССР № 1 от 4/I-66 г.
15. Распоряжение Совета Министров РСФСР от 30 апреля 1969 г.

Ирина ЩУКИНА

БЕЛОЗЕРСКИЙ КАНАЛ

В августе 1996 года исполнилось 150 лет с тех пор, как первое судно прошло по Белозерскому каналу.

Белозерский обводной канал — незначительный участок знаменитого Мариинского водного пути. Его протяженность немногим больше 63 верст (67,05 км), но он оказал значительное влияние как на развитие Мариинской системы, так и всего Белозерского края.

Участок системы в районе истока Шексны с множеством отмелей и порогов был очень неудобен для судоходства. У истока реки Шексны находилась отмель — «Брод»,

Посад Крохино. Шлюз Императрицы Марии Федоровны

которая во время шторма могла погубить любое судно. Проведение судов через Белое озеро также было небезопасным. Путешествие под парусами полностью зависело от погодных условий. Часто благоприятную погоду ожидали по несколько дней. По мелководному озеру могло проходить не каждое судно.

Судоходство на Белом озере сосредотачивалось в руках белозерских и крохинских жителей, владевших знаменитыми «белозерками» (лодки, приспособленные для плавания по капризному и часто бурному Белому озеру). Число таких лодок достигало четырехсот. Ранней весной отправлялись «белозерки» в Рыбинск, где грузились и шли через Белое озеро в Вытегру или Вознесенье. Там груз перегружался с них на другие более дешевые и легкие суда, которые направлялись к Петербургу. «Белозерки» же возвращались в Крохино, где брали новую партию груза с судов, пришедших с низовий Волги, непригодных для путешествий по Белому озеру.

Строились лодки «белозерки» из соснового, елового и осинового леса, которого в белозерье достаточно. «Белозерки» были очень прочные и устойчивые, вмещали большое количество груза, имели киль. Длина лодки достигала 21 фута (6,4 м), высота бортов — семи футов (2,13 м), осад-

ка с грузом — одного фута (около 30 см). Стоимость судна составляла примерно 1,5 тыс. рублей. Центры изготовления таких лодок располагались в бассейне Белого озера, по рекам Вологде, Сухоне и их притокам. Кроме Мариинской системы «белозерки» использовались для перевозки грузов по Северной Двине. Крохинские и белозерские судопромышленники (Капарулины, Балдины, Сукины, Поздынины и другие) владели не только подобными лодками, но и другими мелкими судами, которые перевозили грузы как от Рыбинска до Крохино и по Белому озеру, так и от Вознесенья до Петербурга. Будучи монополистами, они быстро богатели, многие из них становились владельцами крупных капиталов, местное мещанство (горожане) ходило в лоцманах и шкиперах («шкипаях» — как говорили тогда в Белозерске), зарабатывая при этом за навигацию соответственно около 300 или 100–150 рублей ассигнациями. Должности эти были весьма престижными. Лоцман считался первым человеком на судне, ему подчинялась вся команда. Шкипер представлял хозяина, практически являясь его поверенным.

Многие жители города Белозерска и посада Крохино занимались перегрузкой товара, постройкой судов, выделкой оснастки и кованых припасов, использовавшихся при строительстве судов, и мелкой торговлей. Проводка судов и судостроительный промысел приносили хорошие доходы населению, что способствовало экономическому развитию Белозерска и Крохино. Особенно оживленно было здесь в период навигации (навигация на реке Шексне и Белом озере продолжалась 170–180 дней).

Конструктивные недостатки Мариинской системы частично были устранены после прорытия Белозерского канала, расчистки порожистых мест и введения на реке Шексне туерного и буксирного пароходства. О необходимости строительства обводного канала указывалось еще в отчете комиссии Департамента водных сообщений, которая, проведя обследование в 1811–1812 годах состояния Мариинской водной системы, сделала вывод: «... должно устроить каналы для обхода Онежского и Белого озер, без шлюзов, копая их только 6 футов (1,8 м) ниже горизонта озерных вод. Проекты сих каналов уже сделаны и опробованы», но по неизвестным причинам сооружение Белозерского обводного канала было задержано.

В начале XIX века белозерское купечество обращалось с прошением к императору, указывая на трудности судоходства по Белому озеру. На что Александр I ответил через графа Румянцева, «что для процветания торговли — охотно окажет городу всякую помощь, какую только позволят

обстоятельства». Надеясь на государственную поддержку, белозерское городское общество в 1815 году приняло решение о прорытии обводного канала, издержки на строительство которого предполагалось покрыть пошлиной, налагаемой на проходящие барки. Решение на строительство последовало 22 марта 1818 года. В 1819 году начальник Округа Внутренних Сообщений Г.М. Саблуков представил полный проект перестройки канала. В это же время создана Комиссия Белозерского канала, под наблюдением которой начались работы по его сооружению. Его предполагалось начать на границе Белозерского и Кирилловского уездов, на Шексне, обогнуть западный и южный берег Белого озера и окончить на реке Ковже. Для этого прорублена двойная аллея через лес и сделан кювет для отвода воды, но работы были прерваны.

В 1830-е годы белозерское купечество вновь ходатайствовало о прорытии канала. Велась длительная переписка и споры между заведующим работами и местной администрацией по трем проблемам: где устраивать начало канала, проводить ли его через Белозерск или вести мимо, строить со шлюзами или без них. Белозерское городское общество на строительство канала получило от казны ссуду 4,5 миллиона рублей под 4 процента годовых. В ведомстве представителя путей сообщения в Белозерске была создана строительная комиссия из трех человек — представителей от Главного управления путей сообщения, губернского правления и городского общества. Пошлину, которой предполагалось обложить суда, проходящие по каналу, решили направлять на его содержание и ремонт. (За 30 лет эксплуатации канала Белозерск получил чистой прибыли 84 тысячи рублей).

К строительству канала приступили в 1843 году. Его протяженность 63,25 версты (около 67 км), ширина по дну 8 сажень (около 17 м), глубина — 1 сажень (2,13 м). Запитка канала водой производилась из рек и озера. При впадении рек, подпитывающих канал, устраивались водопуски. Для укрепления болотистых низких берегов, в том числе набережной в Белозерске, проложены фашины (маты, связанные из прутьев). Воды канала были подняты выше уровня Шексны на 13 футов (около 4 м) и Ковжи на 6 футов (около 2 м). На Шексне было построено два шлюза: «Безопасность» и «Удобство», на Ковже шлюз «Польза». Уровень воды в канале был значительно выше уровня воды в Белом озере, поэтому казалось, что суда, идущие по каналу, плывут над озером. Пропускная способность канала — до 60 тысяч судов за навигацию.

Белозерский обводной канал хотя и обезопасил судоходство, но быстро обмелел до восьми четвертей (немного больше 1 м) и местами сузился до 4,5 сажень (около 10 м). Повороты канала сделаны очень крутыми, поэтому судам было сложно огибать мысы. Усложняли движение караванов судов и разводные мосты (лавы — как называли их белозеры), располагавшиеся на самих поворотах. Особенно неудобен был узкий подъемный мост в посадке Кро-

хино. Безлесные участки дамбы открывали канал северным ветрам. Очень страдал от северного ветра участок канала от Верегонца до Белозерска в 6 верст (6,4 км). Ударами волн озера бечевник (берег, по которому шли когда то бурлаки, тянувшие бечевой баржи) размывался и был в плохом состоянии. Ветер же делал невозможным движение судов на этом участке. Неудачно выбрано и начало канала у местечка Чайка. Вход в канал представлял серьезные неудобства, особенно при ветре с озера, пристань Чайка не годилась и для стоянки судов. Шлюзы, построенные в пятидесятых годах, обветшали и устарели в техническом отношении. Все это замедляло и затрудняло движение судов и требовало реконструкции системы.

По проекту переустройства Мариинской системы Белозерский обводной канал предложено расширить по дну до 11 сажень (около 23 м) и углубить до 12 четвертей (около 2 м) при двойных откосах. Бечевник предлагалось сделать удобным для конной тяги. Два шлюза на Чайке заменить одним «Безопасность», перестроить шлюз «Польза». Увеличить размеры шлюзов: длина — до 45 сажень (96 м) и ширина — 5 сажень (около 11 м). Шлюзы были деревянные на свайном основании. Вход в канал из Шексны и после реконструкции оставался неудобным, так как судно должно было сначала подниматься вверх и, спускаясь по течению, поворачиваться, если не мешал ветер. Реки, подпитывающие канал водой, намывали песок и ил, чем постоянно уменьшали глубину и ширину канала. Канал требовал внимания. Для поддержания глубины в 1 сажень необходимо было постоянно проводить землечерпальные работы. На открытых участках канала дамбу засадили деревьями и кустами.

Посадили бульвар и против города Белозерска. На бе-

Белозерск. На Белом озере

регу озера устроили лодочную станцию, где были лодки городского общества и частного владения. В сад через канал вел подъемный мост, построенный в 1846 году. Бульвар между водопуском и подъемным мостом засажен цветами и декоративными кустарниками. Сад был и остается любимым местом отдыха горожан. По воскресеньям здесь играл духовой оркестр пожарной команды (начальник команды — И.Д. Грошников). Празднично одетые горожане

катались на весельных и парусных лодках по озеру и прогуливались по бульвару. На берегу стояли ларьки, в которых продавали легкие напитки, леденцы на палочках, пряники и другую мелочь. На спортивных площадках играли в мяч и в городки. Молодежь купалась в озере и канале, а смельчаки подныривали под плоты (гонки — как называли

Белозерский обводной канал. Городской сад, начало XX в.
Негатив А. Хохрякова

их белозеры), которые тянули буксиры к Волге. У водоспуска шумели мальчишки, предаваясь опасной забаве: ныряли в струи водоспуска, которые увлекали их в озеро. В центре бульвара на трех гранитных ступенях — обелиск, который венчал российский герб. На бронзовых пластинах надпись: «Белозерский канал сооружен повелением Государя императора Николая Павловича в 1846 году», сверху изображение короны и орла, с другой стороны: «Канал сей сооружен в управление путями сообщения и зданий Генерал-Адъютанта Графа Клеймихеля».

В Белозерске зимовало до 1500 судов, в летнюю пору у причала стояло до 300 барок с разнообразными грузами: хлеб, соль, сахар, виноградные вина, чай, кофе, посуда, ткани и другие товары, которые везли из Москвы, Петербурга, Ярославля, Вологды, Рыбинска... Часть товаров продавали в Белозерске, а другие везли по воде дальше.

Бурлаки про канал говорили: «работы больше, заботы меньше», с постройкой канала суда совершали путь медленный, но безопасный, меньше стало аварий, убытков у купцов, увеличился грузопоток. Казалось бы, сооружение канала должно было благотворно влиять на хозяйственно-экономическую жизнь края, так как его строительство решило ряд технических вопросов. Но этим, к сожалению, не смогли в полной мере воспользоваться жители Белозерска и его окрестностей. Строительство судов практически прекратилось, плавание по каналу стало доступным для менее прочных судов, чем знаменитые «белозерки». Их сменили унжаки — длинные деревянные лодки (40–50 метров длиной) барочной конструкции и большой грузоподъемности (100–150 тонн). Стоило такое судно около 350 рублей. Довольно быстро унжаки стали самым рас-

пространенным типом судов по всей Мариинской системе. Строили их главным образом на реке Кеме. Служило такое судно 1–2 рейса. В конце навигации их продавали в Петербурге на дрова, на вырученные деньги судовая команда покупала лошадей, сани и возвращалась домой по санному пути. Позднее унжаки заменили барками, которые были значительно удобнее для буксировки пароходами.

Так как канал начинался в местечке Чайка, расположенном в устье реки Чайка в 16 верстах (около 17 км) от истока Шексны и ниже Крохино на 9 верст (около 9,5 км), торговый капитал крохинцев остался не у дел, они потеряли намного больше, чем выиграли от прорытия канала. И сегодня в Белозерске бытует легенда о том, что якобы землемеры, размечавшие трассу Белозерского обводного канала, попросили у прижимистых крохинских мужиков взятку, а те отказали. В результате землемеры наметили трассу канала от Чайки, оставив Крохино и Каргулино в стороне.

Крохинская пристань, устроенная самой природой, могла принять до 600 судов и с постройкой канала уступила Белозерской пристани первенство. Изменился и уклад жизни Белозерья. Все это нашло отражение в песне, которую в 1909 году записали братья Соколовы. В песне называется фами-

лия знаменитого подрядчика Гладина.

*Ее Гладин копал,
А граф Клеймихель помогал.
Белозерская канава
Парусам прежним убава.
Мы не думали того,
Что опустеет Крохино
Да и Каргулино село.*

Отказавшись от лодок «белозерок», некоторые дальновидные предприимчивые купцы покупали пароходы. Песни называют и фамилии белозерских купцов-судовладельцев, которые после постройки канала приобрели пароходы:

*Белозерские купцы
Оне по-прежнему удалыцы.
Капаруля да Балдин
Не посмотрели на расходы
Да закатали пароходы.
Пароходы на парах,
Пассажиры в нумерах.*

Между купцами-предпринимателями развернулась жестокая конкурентная борьба, также нашедшая отражение в незамысловатой народной поэзии:

*Пассажиры все путина
За десяточек поэтина (полтина)*

*Капаруля Балдина
Довел до костыля,
А Балдин-то Капарулю
Доведет до коробули.*

Кроме упомянутых в песне пароходов Капарулина и

Балдина по каналу и реке Шексне ходили пароходы купца первой гильдии Ф.А. Сукина. Один из них был назван в честь сына — «Леля Сукин». После революции 1917 года пароход был переименован и еще долго служил людям. Работали на Шексне, Ковже и Белозерском обводном канале и пароходы череповецких купцов: Милютин, Журавлева, Королева, Оловянникова, Котельникова, Красникова, Шихманова и других судовладельцев. Пароходы перевозили разнообразные грузы и пассажиров, многие мужчины Белозерска и населенных пунктов, стоящих по трассе канала, были заняты на обслуживании канала и других гидротехнических сооружений Мариинской системы, работали в судоремонтных мастерских и на пароходах. И сегодня в Белозерске живут и работают представители старых династий речников: Китовы, Капустины, Горины, Карпунины, Карповы, Богдановы, Клюковкины и многие другие.

Прорытие канала, отказ от использования специальных судов привели к устранению местной монополии. Белозерские и крохинские судовладельцы не выдержали конкуренции. Былые капиталы быстро растаяли. Да и основное население края от прорытия канала проиграло. Лоцманских и шкиперских услуг больше не требовались, отпала надобность в проводке судов через опасные пороги и бурное Белое озеро.

Белозерск стал местом сбора рабочего люда из Белозерского и других уездов Новгородской губернии, а также и других регионов России. Рабочие, нанявшиеся для тяги судов, сами избирали себе «ватмана» и заключали договор с судопромышленником или купцом. Конечный расчет проходил по окончании навигации также в Белозерске. А так как белозерские предприниматели открыли в городе множество питейных заведений и винных лавочек, то большая часть заработанных денег переходила в их руки.

С постройкой канала резко выросла интенсивность судоходства на системе, соответственно вырос и товарооборот. К 1870 году на Мариинку приходилось около 70 процентов всех водных перевозок Европейской части России.

Строительство канала и его эксплуатация повлияли на состояние окружающей среды. Для ремонта дорог, бечевников, строительства «унжаков» и барж требовалось много леса, который чаще всего вырубали поблизости. Практически были оголены берега рек с южной стороны Белого озера. Значительно поднялся уровень воды в устьях рек, подпитывающих канал, что вызвало подтопление окружающей территории. Плодородные заливные земли превратились в болото. Появление обводного канала отрицательно сказалось и на запасах рыбы в Белом озере.

Выстроенный канал не был идеален и в техническом отношении. Вход в канал со стороны реки Шексны неудобен, шлюзы узкие, недостаточно укрепленные берега быстро размывались течением впадающих рек. Очень скоро потребовалась реконструкция. Такой вывод сделала комиссия Санкт-Петербургского отделения императорского общества содействия русскому торговому мореходству. В конце XIX – начале XX веков часть работ по реконструкции Мариинской системы была проведена.

Таким образом, в истории Белозерья появление обводного канала оценивается неоднозначно. Это событие во многом изменило привычный уклад жизни, местные купцы и мещане вынуждены были искать выход из сложной ситуации в которой они оказались.

Водоспуск в Белозерске, начало XX в.
Негатив А. Хохрякова

ВОСЕМЬ СТОЛЕТИЙ СТАРОРУССКОЙ ОБИТЕЛИ

Архитектура Спасо-Преображенского монастыря

Все, кто посещал этот замечательный город, несомненно, обратили внимание на живописную группу тесно стоящих культовых зданий на правом берегу Полисти, неподалеку от «Нового моста». Сейчас это почти центр города, прежде же это было уединенное место, околлица. Перед нами древнейший в Старой Руссе (и один из самых древних на Новгородской земле) Спасо-Преображенский монастырь. В его храмах запечатлены все основные вехи многовековой истории города. В прошлом году исполнилось 800 лет с момента освящения первой каменной монастырской постройки — церкви Спаса, ровесницы Нередицы. Архитектура ансамбля весьма интересна, а между тем серьезная литература на эту тему отсутствует. Попробуем в какой-то мере восполнить этот пробел.

Драматичная судьба Старой Руссы, десятки раз разоряемой набегами агрессивных соседей, войнами, предопределила бедность источниковой базы, острый дефицит документов по ранней истории. Это касается как города в целом, так и его монастырей и храмов. Этот недостаток можно преодолеть разными путями — более внимательным изучением имеющихся материалов, привлечением новых видов

источников. В данном случае мы имеем возможность привлечь богатый материал натурных исследований памятников, полученный в процессе реставрационных работ 1960-х годов.

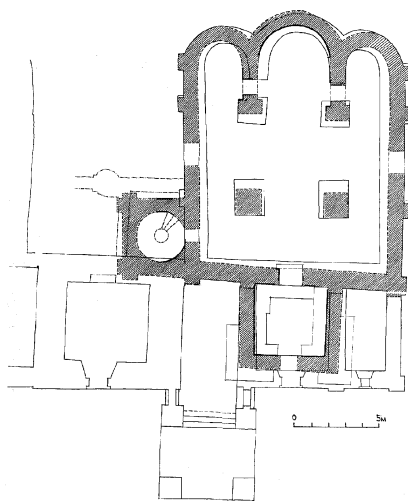
Сведения об основании обители и первых годах ее существования содержатся в летописях, там же можно найти сообщение о перестройке главного храма в XV веке. Кроме этих летописных статей о дальнейшей судьбе монастыря нет никакой полезной информации вплоть до XVII века. Неизвестны его экономическое состояние, строительная история, состав построек и прочее. В период «шведского разорения» монастырь, как и все другие храмы и дворы, сильно пострадал, хотя трудно говорить об этом конкретно. Есть некоторые сведения о возобновлении обители, а затем снова, до конца XVIII века, — белое пятно. Начиная с XIX столетия история монастыря прослеживается уже достаточно подробно. При учреждении духовных штатов (1764 г.) Спасо-Преображенский монастырь причислен к третьему, самому низкому классу, то есть в этот период он не благоденствовал. В XIX веке экономическое положение стало улучшаться, в 1830 году обитель причислена ко второму классу,

в 1892 году — к первому. В начале XX века она уже одна из самых известных и почитаемых в епархии. Здесь хранилась чудотворная икона Старорусской Богоматери (возвращена из Тихвина в 1888 году), находилось духовное училище. В это время архитектурный комплекс монастыря был весьма значительным: три древних каменных храма, колокольня, собор Старорусской иконы Богоматери (1889–1892 гг.), часовня, многочисленные каменные, полукладовые и деревянные здания обители и духовного училища, окруженные кирпичной стеной.

Вскоре после Октябрьской революции монастырь был закрыт. Большинство его построек вплоть до Великой Отечественной войны оставались целы, хотя некоторые были разобраны и на

Панорама монастыря с северо-востока. Дореволюционная фотография

Церковь Спаса. Реконструкция плана на XII в. Чертеж В.А. Полова

русские храмы были реставрированы.

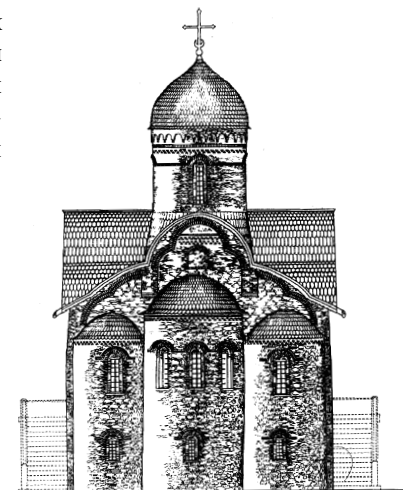
В настоящее время от древнего монастыря сохранилась компактная группа из трех каменных церквей и колокольни, также уцелели стоящий южнее собор Старорусской иконы Богоматери, до неузнаваемости перестроенный под спортивную школу, и два каменных корпуса XIX века (поздних построек мы здесь касаться не будем). Несмотря на бездумную довоенную и послевоенную градостроительную политику, еще не все испорчено в Старой Руссе: весьма выразительный, собранный, оригинальный по силуэту храмовый комплекс монастыря с некоторых точек обозревается издали, притягивает к себе, манит подойти поближе. Не будем сопротивляться этому желанию и познакомимся с замечательным архитектурным ансамблем.

Об основании монастыря новгородские летописи сообщают следующее: «В то же лето (1192 г. — **В.Я.**) в Русе сърубиша церковь на острове, Мартирии игумен, в имя святого Преображения, и створи монастырь, и бысть прибежище крѣстьяном»¹. Для сравнения укажем, что в этом году близ Новгорода основан Хутынский монастырь и закончено строительство каменного храма Петра и Павла на Сильнице. Личность Мартирия весьма значительна, хотя известно о нем немного. На следующий год он избран по жребию новгородским архиепископом, продолжил довольно активную строительную деятельность своего предшественника Гавриила, после смерти погребен в Софийском соборе, а позднее канонизирован. Не совсем понятно именование Мартирия игуменом в момент основания обители. Существует предположение, что он был игуменом в одном из новгородских монастырей и, будучи уже в этом сане, положил начало монашеству в южном пригороде Новгорода. В 1194 году Русса сгорела; погибла, видимо, и деревянная церковь Спаса. В 1198 году Мартирий строит в основанном им монастыре каменный храм: «Заложи церковь камяну в Русе Святого Преображения боголюбивы архиепископ Мартирии; нацѣша делати месяца мая в 21..., а коньцѣша месяца июля в 31, на святыя Улиты; и святы церковь на Успение Святеи Богородици, и створи праздник честѣн и службу створи...»² На следую-

их месте, почти рядом с храмами, началось строительство четырехэтажных жилых домов, основательно искаживших панораму ансамбля. Война принесла городу страшные разрушения, которые в полной мере испытали и древние здания. В 1960-х годах, за сравнительно короткий срок, все старо-

ший год храм был расписан фресками и, видимо, освящен вторично («исписаша церковь в Русе святого Спаса владычню в монастыри»)³. В летописном сообщении кроме самого факта возведения первой в городе каменной постройки заслуживают внимания еще две подробности. Во-первых, из цитаты следует, что работы проведены за один сезон, за два с небольшим месяца; это давно вызывало законные сомнения некоторых ученых. В других регионах подобный феномен «срочного», «ускоренного» строительства неизвестен, в Новгороде летописи об этом упоминают, хотя и не часто. В свете последних данных ведущий исследователь русского зодчества П.А. Раппопорт пришел к выводу о достоверности летописных известий, о возможности за один сезон провести основные строительные работы⁴. В основе этого, вероятно, — отлаженная подготовка и организация строительного цикла, высокая квалификация и опыт мастеров, изобилие строительного материала. Во-вторых, летопись под этим же годом сообщает о сооружении под Новгородом церкви Спаса на Нередице (также за один сезон) и закладке каменного храма Ильи Пророка на Славне. А под следующим годом — об одновременной росписи Спасских церквей (на Нередице и в Русе). По мнению ученых, это свидетельствует о существовании в конце XII века двух строительных и двух живописных артелей в Новгороде, о расцвете этих ремесел⁵.

Что же можно сказать об архитектуре древнейшего храма Старой Руссы? В полном объеме постройка Мартирия не сохранилась: в середине XV века она, видимо, из-за ветхости разобрана почти до земли и на «старой основе»

Церковь Спаса. Восточный фасад. Реконструкция Т.В. Гладенко на XV век

возведена заново. Однако при натурных исследованиях остатки здания XII века обнаружены и определены некоторые его типологические черты и особенности. Уцелели фундаменты и нижние участки стен на высоту до 1,8 м⁶. Таким образом, нам известны план церкви, ее размеры, некоторые архитектурные приемы и конструкции; сравнивая эти данные с параметрами сохранившихся одновременных храмов, можно строить предположения и об объемно-пространственной композиции и декоративном решении. По основным признакам церковь Спаса органично вписывается в рамки новгородской архитектурной традиции последней трети XII - начала XIII веков: это постройка средних размеров, почти квадратная в плане (16,4x13 м), с тремя алтарными апсидами, четырьмя столбами-опорами внутри, трехчастным членением фасадов лопатками, двумя или тремя вхо-

дами, квадратным притвором с западной стороны, минимальным использованием декора. Все эти показатели находят близкие соответствия в новгородском зодчестве этого периода (церкви Благовещения на Мячине, Петра и Павла на Сильнице, Спаса на Нередице и др.) Можно было бы с полным основанием отнести памятник к «типу Нередицы» и утверждать, что их внешний облик был идентичен или близок, поскольку храмы в ту пору мало отличались друг от друга. Однако есть один момент, который не позволяет это сделать. В 1984 году в шурфе у северо-западного угла здания была обнаружена характерная кладка XII века. Выяснилось, что найдены остатки лестничной башни, примыкавшей снаружи к основному объему, по которой попадали на хоры. Эта архитектурная форма хорошо известна в древнерусском зодчестве, начиная с самых древних построек; в Новгороде башни имелись у крупных соборов XI – начала XII веков (Софийского, Благовещенского на Городище, Георгиевского, Рождественского в Антониеве монастыре), то есть они характерны для «княжеского» периода монументального строительства. С 1130-х годов в практику входят внутри-

новном княжеского заказа — соборе Благовещения на Городище 1103 года, Софийском соборе (пол XII–XIII веков), а также церкви на Нередице. Надо полагать, красивый, эффектный, разноцветный пол также воспринимался как престижная форма.

Наличие лестничной башни затрудняет реконструкцию первоначального облика памятника. Сохранившиеся в Новгороде башни имеют не только функциональное, но и декоративное значение и даже какой-то, еще не совсем понятный идейный смысл: все они архитектурно выделены, повышены и увенчаны главой с крестом. В двух случаях, видимо, для уравнивания композиции поставлена дополнительная глава и над противоположным углом здания, что функционально не требовалось (соборы Антониева и Юрьева монастырей). Возможно, то же могло иметь место и в Русе, в таком случае здесь стояла уменьшенная копия древнего трехглавого новгородского собора. Нужно особо отметить типологическую близость нашего памятника и собора Антониева монастыря: почти точно совпадают их основные габариты (ширина, размер подкупольного квадрата и,

следовательно, диаметр барабана), ритм лопаток южного и северного фасадов, форма восточных столбов (Т-образные в сечении), размещение лестничной башни. Может быть, Мартирий, создавший первую обитель в Русе, сознательно ориентировался на собор Антония Римлянина, одного из основателей новгородского монашества. Если наши рассуждения верны и образцом для церкви Спаса послужил Рождественский собор, то можно полагать, что она была высокой, устремленной вверх, стройной, трехглавой. Все же надежных данных слишком мало для научной реконструкции храма на XII век. Ясно одно: памятник был замечательным, уникальным для своего времени, с интересной, запоминающейся композицией. Уже одно только

Панорама монастыря с северо-востока. Фото до реставрации

стенные лестницы, а башни появляются как исключение, в каких-то особо значимых зданиях; в Новгороде, например, это не дошедший до нас, но известный по археологическим раскопкам, изображению на иконе, упоминаниям в летописях, огромный, почитаемый и во многом загадочный собор Бориса и Глеба в Детинце 1167–1173 годов. Судя по всему, лестничная башня считалась «престижной», «парадной» формой, и ее появление в конце XII века у сравнительно небольшого храма явно говорит о желании заказчика подчеркнуть его особое значение как первой и единственной в городе культовой постройки, как своего детища, о стремлении прославить Русу, соперничая с Новгородом. Этот вывод подтверждает еще одна деталь мартириевой церкви. В шурфах, заложенных внутри в 1960-х годах, обнаружены фрагменты первоначального пола из керамических плиток с цветной поливой. Подобные нарядные полы зафиксированы в новгородском зодчестве у нескольких древних храмов, в ос-

сочетание лестничной башни и западного притвора (кстати, единственный пример в русском зодчестве) создавало неожиданные, эффектные ракурсы, сложную игру объемов. Мартирий хотел произвести впечатление и это ему удалось. Здесь уместно отметить один любопытный факт. Вплоть до 1371 года летописи больше не сообщают о возведении в Русе церквей. Получается, что постройка Мартирия почти 200 лет оставалась единственной в городе (правда, может быть имелись небольшие деревянные церкви). В результате сложилась редкая ситуация: монастырский храм долгое время служил одновременно и общегородским и все верующие стекались в обитель, нарушая ее покой.

Как свидетельствуют летописи, в 1442 году последовала решительная перестройка храма: «Того же лета постави боголюбивый архиепископ Новгородчкыи владыка Еуфимей святого Спаса Преображение в Русе, на старой основе, а быша пособници новгородци и рушани; и свершена бысть

сентября месяца в 13 день... и свяща ю сам на праздник Въздвижения честнаго креста...»⁷ Заказчик перестройки Евфимий II (Вяжицкий) — один из ярчайших деятелей в истории феодальной республики, идеолог новгородской самостоятельности, самобытности, старины в борьбе против набирающей силу Москвы. Почти 30 лет его правления — это цепь непрерывных усилий по возрождению местного патриотизма, прославлению богатой истории и культуры Новгорода. С этой целью Евфимий проводит целую серию мероприятий, которые иногда условно называют «реставрациями»: обветшавшие древние храмы разбирают и строят заново «по старой основе», повторяя при этом главные особенности (план, высоту, силуэт). Таким образом было перестроено более десятка памятников, некоторые из которых сохранились⁸. Однако в нашем случае «реставрации» не произошло: здесь повторен лишь план предыдущей постройки, а ее основной объем возведен в соответствии с бытовавшими тогда архитектурными канонами — уже без лестничной башни, с трехлопастным завершением фасадов, с довольно насыщенным декоративным оформлением. Вероятно, к этому времени «реставрационная» концепция владыки еще не созрела.

Церковь Спаса в редакции Евфимия сохранилась на значительную высоту, до верхних сводов. Данных для графической реконструкции достаточно и она выполнена архитектором Т.В. Гладенко (западный и восточный фасады). На первый взгляд памятник органично вписывается в новгородскую архитектуру последней трети XIV — первой половины XV веков, принадлежит к числу так называемых «классических храмов». Однако при внимательном рассмотрении заметны новшества, свидетельствующие о повороте к новому канону, новому стилю, и появились они, скорее всего, именно в Русе. Эти нововведения заключаются в следующем: разделение здания на два этажа деревянным перекрытием; устройство порталов второго яруса для входа в соборно-церковь; устройство деревянных крылец для подъема к этим порталам; появление нижнего ряда окон для освещения подцерковья; ликвидация хор; видоизменение декора; усиление тенденции к пирамидальной композиции объемов (в данном случае это делается за счет сужения и утонения лопаток в верхних частях); столбы получают переменное сечение (в подцерковье — квадратные, выше — круглые), что делает интерьер просторным, «зальным». Этот новый стиль, у истоков которого стоит церковь Спаса, в полной мере проявился в таких новгородских постройках как храмы Двенадцати Апостолов, Симеона Богоприимца и других, но был прерван ликвидацией боярской республики. Таким образом, и второй этап в биографии нашего памятника оставил заметный след в истории русского зодчества и связан с именем выдающегося деятеля, русского святого.

Следующий строительный период, как и у большинства зданий Новгородской земли, обусловлен событиями Смутного времени и «шведского разорения» и последующим восстановлением. По свидетельству всех дореволюционных авторов (использовавших, вероятно, монастырский архив), возобновление церкви Спаса и строительство двух других каменных храмов и колокольни относится к 1628–1630 го-

дам⁹. Эта дата вызывает некоторое удивление. После ухода шведов Новгородская земля находилась в запустении, обезлюдела, своих строительных артелей не было, крупные работы не велись. Оживление экономики приходится на середину — вторую половину XVII века, более ранние сведения о масштабных работах в Новгородском регионе нам не известны. Спасо-Преображенский монастырь предстает неким исключением, «первой ласточкой» возрождения Новгородской области. Удовлетворительного объяснения этому феномену пока нет; надо полагать, здесь сыграли роль и царские пожалования вотчин, и целенаправленные денежные вклады¹⁰, и доходы от соляных варниц.

При восстановлении главный монастырский храм кардинально перестроен, хотя зодчий старался по возможности сохранить все старые части, а новые элементы использовал с учетом предшествующей архитектуры. Были разобраны и возведены заново все верхние части (барабан, своды, арки), западные столбы, углы четверика надложены и вместо трехлопастного завершения сделано модное тогда палаточное (многофронтонное), междуэтажное перекрытие стало сводчатым, увеличен в размерах притвор, изменены форма и расположение проемов, декора. Некоторые участки фасадов евфимиевского времени остались нетронутыми (окна на восточном фасаде, вкладные кресты, многие декоративные детали), и это сочетание мотивов XV и XVII веков придает памятнику особое своеобразие. Зодчий сохранил (но преобразовал) и основную идею старой постройки — динамизм композиции за счет сужения и наклона к центральной оси верхних частей. Данная перестройка — яркий пример умения допетровских мастеров модернизировать здание, гармонично сочетая старое и новое.

Через сравнительно небольшой промежуток времени последовал еще один ремонт, существенно изменивший облик памятника. В источниках о нем нет никаких сведений, вся информация получена в ходе натурных исследований. Судя по характеру некоторых деталей (наличников окон), перестройка проведена в 1690-х годах. В это время вместо палаточного покрытия сделана четырехскатная кровля, расширены и выделены богатыми наличниками отдельные окна, другие, наоборот, заложены, уничтожены некоторые детали декора. В результате этих работ облик здания не стал лучше: утрачены многие выразительные элементы наружного убранства, более бедным стал силуэт.

С северной стороны к притвору церкви Спаса примыкает четырехъярусная колокольня типа «восьмерик на четверике». Натурные исследования показали, что она возведена одновременно с этим притвором, то есть подтвердили ее датировку 1628-м годом¹¹. Обращает на себя внимание завершение в виде двух рядов кокошников и барабана с главой, не характерное для колоколен. Действительно, перед нами не обычная колокольня, а так называемый храм «под колокола» или столпообразная церковь (или просто «столп»). Это выяснилось при исследовании здания, когда на восточной стене второго яруса были обнаружены заложенные алтарные богослужебные ниши, а в северной стене — сквозная шахта, проходящая сквозь верхние ярусы; последняя предназначалась для подъемного механизма ку-

Храм «под колоколы». Фото 1983 г.

рантов, которые размещались на северной грани яруса звона (звонница — также «престижная» форма — часто устанавливались в подобно-го рода постройках). Эта небольшая по площади церковь не упоминается в документах, не известно, когда здесь прекратилась служба, мы не знаем даже ее наименования. Нижний этаж «столпа» использовался для хозяйственных нужд и не сообщался с верхними ярусами. Второй этаж (собственно церковь) перекрыт сферическим сводом на тропках (купол), что характерно для подколокольных храмов, имеет входы с двух сторон и сообщается с верхними ярусами посредством внутрискладной лестницы. Храмы «под колоколы» — интереснейший тип построек, которых в России осталось крайне мало, а те, что уцелели, как правило, не сохранили подлинных верхних частей. В этих сооружениях много загадочного, серьезно изучать их начали лишь в последние годы. До сих пор ведутся споры о их происхождении. До недавнего времени считали, что первой такой постройкой была столпообразная церковь в Московском кремле («Иван Великий»), возведенная итальянцем Боно Фрязиным в 1508 году¹². Сейчас можно считать доказанным, что она сооружена по образцу своей предшественницы 1329 года¹³, а в начале XVI века тип здания был «канонизирован» и вызвал массу подражаний. В Новгороде известно несколько подобных построек: огромная церковь Григория Армянского в Хутыньском монастыре 1535–1536 годов, погибшая в XVIII веке, но известная по археологическим раскопкам, описаниям и изображениям; церковь Антония Великого в Антониевом монастыре, точно не датированная, также не сохранилась; южный придел церкви Никиты Мученика середины XVI века (сохранился кроме верхней части)¹⁴. Из всех новгородских столпообразных храмов (а возможно, и российских) памятник в Старой Руссе дошел до нас в наиболее полном объеме: здесь уцелели значительные части первоначального завершения (кокошники, следы верхнего свода) и только барабан был утрачен и при реставрации воссоздан «по аналогии». Фасады «столпа», в отличие от более ранних построек, решены довольно лаконично, декор использован умеренно: здесь все просто и целесообразно, мощно и внушительно.

С северной стороны к колокольне примыкает третья каменная постройка комплекса — церковь Рождества Христо-

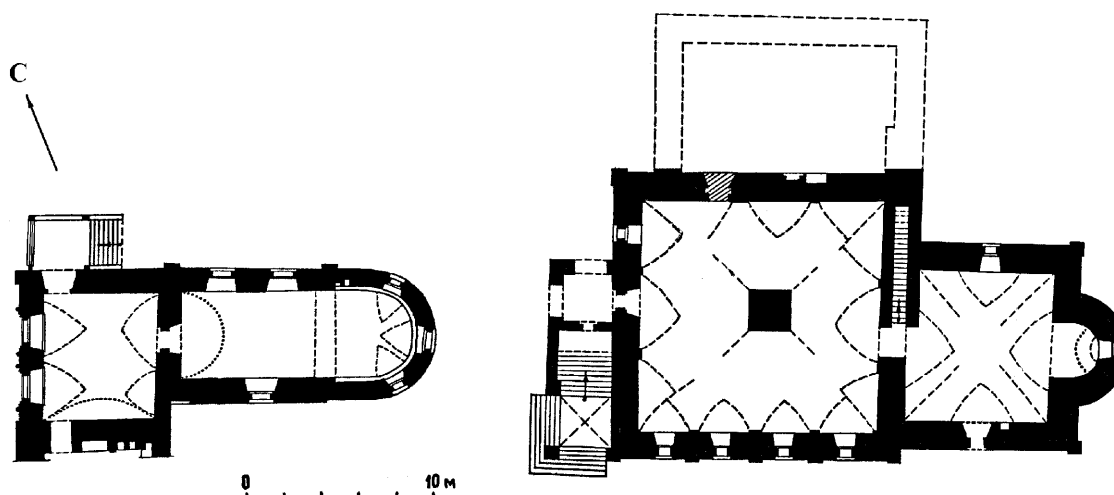
ва, притвор которой на втором этаже сообщается с храмом «под колоколы». В литературе по вопросу датировки памятника существует путаница. Почти все авторы, упоминавшие о нем, приводят противоречивые сведения. Один из первых авторов, архимандрит Макарий, например, пишет: «Сей храм, как значится в церковной монастырской описи построен около 1620 года, по истечении трех лет от бывшего шведского нашествия. При учинении в 1625 году описи города Старой Русы, храм сей уже существовал. По летописи, сохранившейся на дщице (дощечке — В.Я.), значится, что сия церковь построена вместе с колокольней, при поправке главного Преображенского собора...»¹⁵ Видимо, следует понимать, что в 1620 году срублена деревянная церковь Рождества, а около 1630 года она заменена каменной. Этот вывод подтверждают натурные данные, которые показывают, что храм пристроен к уже существовавшему «столпу»¹⁶.

Церковь Рождества представляет собой еще один редкий тип культового зодчества. Эта предельно простая по архитектуре постройка включает в себя небольшой бесстолпный двухэтажный (с подцерковьем) основной объем, сильно вытянутую апсиду, равную ему по ширине, и широкий западный притвор; последний необычно ориентирован — он поставлен перпендикулярно основному объему и обслуживает одновременно входы в церкви Рождества и «под колоколы». Все решено максимально просто, но рационально: все шесть помещений на первом и втором этажах перекрыты цилиндрическими сводами с распалубками, имеют хорошо продуманное освещение и систему запорных устройств (двери с засовами, ставни), все объемы покрыты обыкновенными двускатными кровлями, чуть повышенный четверик церкви выделен маленькой глухой главой; декор практически отсутствует за исключением лицевого фасада притвора, где по контрасту с другими стенами мы видим два широких богато оформленных окна и пояс нишек с изразцами (то есть декор на памятнике также использован рационально и экономно). Интерьер церкви — светлый, высокий, уютный. Все говорит о том, что в каменном храме повторена композиция деревянной «клетской» церкви, вероятно, его предшественницы 1620 года. Подобные небольшие клетские храмы были широко распространены, их и сейчас можно встретить на Севере или в музеях деревянного зодчества; однако, их копии в камне в XVI–XVII веках нам больше не известны.

На северном фланге ансамбля, в 8 м от Рождественского храма, стоит еще

Церковь Рождества. Вид с юго-востока. Фото нач. 70-х гг.

Планы ц. Рождества и ц. Сретения с трапезной

одна интересная постройка — церковь Сретения. Датируется она по письменным источникам и по строительным материалам тем же временем — около 1630 года. Памятник представляет еще один тип здания — монастырскую трапезную с храмом. Подобные сооружения начали активно строить на Северо-Западе с 1530-х годов. Они имелись почти в каждой обители (каменные или деревянные в зависимости от финансовых возможностей), однако до нас дошли очень немногие — в монастырях Антониеве, Духове, Хутынском, Михалицком, Клопском, Воскресенском на Красном поле. Каждая из этих построек состоит из двух основных объемов — большой двухэтажной трапезной (внизу кухня,верху — трапезный зал) и примыкающей с востока более высокой, бесстолпной, также двухэтажной церкви, часто без апсиды. Трапезная обычно — квадратная в плане, с массивным столбом посередине, на который опирается система сводов с распалубками. Одна из особенностей нашего памятника заключается в асимметричной, но более развитой композиции: храм расположен не строго по продольной оси трапезной, а несколько сдвинут к югу; кроме того, с северной стороны к трапезной примыкал двухэтажный братский корпус, разобранный в конце XVIII века. Вторая особенность — весьма лаконичное по сравнению с трапезными XVI века декоративное решение. Стены почти лишены украшений, монументальны, пластичны, несколько суровы; немногочисленные детали убранства сосредоточены на западном фасаде (обработка каменного крыльца), в верхних частях стен церкви и на барабане. Правда, нужно учитывать, что завершение фасадов храма утрачено в XIX веке при устройстве четырехскатной кровли. Нет сомнений, что оно было весьма живописным, вероятно, в виде двух рядов треугольных кокошников — как на стоящей рядом колокольне, церкви Троицы Духова монастыря или Никольском приделе

церкви Никиты Мученика в Новгороде. В старорусской трапезной была хорошо продумана система отопления — дым от кухни по специальным каналам обогревал верхний зал и кельи¹⁷. Как и на главном храме обители и, отчасти, на колокольне, здесь также на фасадах заметна тенденция к пирамидальности (легкий наклон стен, сужение лопаток).

Сравнительный анализ показывает, что архитектура памятника ближе всего трапезной Клопского монастыря, сооруженной в 1570-х годах, возможно, по заказу Ивана Грозного: почти точно совпадают их размеры и плановое решение (только трапезная в Клопском монастыре чуть шире из-за большей толщины стен и ее композиция симметрична), характер сводов в церкви и одностолпной палате, наличие одной апсиды, расположение и форма окон в алтаре; эти параллели, несомненно, многочисленнее, но постройка в Клопском монастыре сильно искажена переделками и не изучалась подробно. Можно с большой долей уверенности утверждать, что именно она послужила образцом для нашего памятника.

Церковь Сретения с трапезной. Вид с северо-запада. Фото 1980 г.

Итак, перед нами редкий пример неплохо сохранившегося ансамбля, возведенного в числе первых на Новгородской земле после Смутного времени, задуманного и осуществленного в едином архитектурном ключе. Здесь мы видим традиционные для древнерусского зодчества асимметричную композицию, сочетание разновысоких объемов, острый, богатый, живописный, постоянно меняющийся силуэт. На небольшой территории представлена значительная часть типов культовых зданий XVI–XVII веков: здесь и монастырский четырехстолпный храм (который часто называют собором), и миниатюрная «клетская» церковь, и столпообразный храм «под колоколы», и трапезная церковь; мы как бы листаем учебник по истории архитектуры. Несмотря на столь разную типологическую принадлежность и масштабность, все здания связаны воедино творческим замыслом зодчего, повторяющимися архитектурными мотивами (заметная пирамидальность объемов, кокошники в завершении «столпа» и, вероятно, церкви Сретения, поясб из фигурных нишек и др.), образуя цельный, гармоничный комплекс. В связи с этим возникают вопросы: кто этот талантливый мастер и откуда трудолюбивая артель? Вряд ли это были новгородцы или рушане — после шведов область была разорена, строительное дело находилось в упадке. Все крупные работы в регионе в XVII веке, авторство которых установлено, проводились пришлыми артелями. Они приглашались из Поволжья, Подмоскovie, Тверского края. Однако в архитектуре старорусского монастыря слишком много «новгородского», местного. Поэтому можно осторожно предполагать работу артели скорее из Северо-Восточного региона (Белозерье), с которым были более тесные связи; эта интересная тема требует дополнительных исследований.

К сожалению, в XVIII–XIX веках гармония ансамбля и отдельных его построек была искажена или разрушена. Все храмы монастыря были капитально переделаны. Ни о ка-

ком уважении к старой архитектуре уже не было речи, основными принципами при ремонтах были унылый прагматизм и геометрическая правильность, «регулярность». На каждом здании разновысокие кровли объемов выровнены для удобства под один уровень, при этом разобраны повышенные части (церковь Сретения) или, наоборот, надложены пониженные. Уничтожен верх «столпа» и надстроен еще один ярус с куполом и шпилем. Вместо верхних сводов церкви Рождества сделаны плоские перекрытия. Все старые окна растесаны или заложены, новые старались делать широкими, одинаковыми, расположенными строго симметрично. Большая часть декора сбита или заштукатурена. Древнее ядро монастыря втиснуто в прокрустово ложе классицизма, искажено многочисленными новыми пристройками, его памятники лишены каких-либо признаков старины и индивидуальности. Примерно в таком виде здания простояли до Великой Отечественной войны.

Разрушения военных лет были огромны. Утрачены все деревянные конструкции (главы, кровли, перекрытия и пр.), имелись большие пробоины и трещины. Особенно в ужасном состоянии, практически в руинах, находились трапезная и церковь Рождества. Поскольку к реставрационным работам смогли приступить лишь в 1961 году, состояние памятников к этому времени еще более ухудшилось и оценивалось как остроаварийное. Научным руководителем работ по комплексу монастыря была назначена Тамара Викторовна Гладенко, один из ведущих новгородских реставраторов. Ввиду сильных разрушений здесь невозможно было использовать «классический» метод реставрации — скрупулезные обмеры, натурные исследования, составление проекта, его обсуждение, доработка и осуществление. Многие циклы приходилось совмещать, работать «штурмом». Срочно требовались укрепление сохранившихся частей, которые грозили обрушением, заведение связей, разборка зава-

Панорама монастыря с запада. Чертеж Т.В. Гладенко

лов и одновременно — локальные исследования. Само состояние памятников диктовало очередность работ. После выведения зданий из аварийного состояния можно было заняться их планомерным изучением.

С некоторыми перерывами реставрация продолжалась до 1973 года. Объем проведенных работ потрясает, не менее поражают их результаты. Несмотря на кардинальные перестройки и разрушения удалось обнаружить почти все древние формы и восстановить их. Особенно показательна реставрация церкви Спаса. Здесь найдены значительные следы всех пяти строительных этапов, четко прослежено изменение облика храма после каждого из них, сделаны графические реконструкции. Поскольку памятник оказался «многослойным», включающим в себя архитектурные элементы разных эпох, реставрировать его на одну «оптимальную» дату было невозможно. Было решено взять за основу третий строительный период (1628 г.) и раскрыть или сохранить более ранние и более поздние формы. После реставрации фасады приобрели информативный характер, на них читается вся архитектурно-строительная биография памятника. Например, на южном фасаде присутствуют формы XV века, начала и конца XVII века, на северном — XV, XVII и XIX веков. Остатки первоначальной кладки можно видеть в интерьере. В целом в облике доминирует архитектура начала XVII в., которая примиряет, смягчает некоторую пестроту и эклектизм разновременных элементов. Только для восстановления притвора данных было недостаточно.

«Столп» (как и остальные постройки) реставрирован на первоначальную дату (1628 г.). Верхний ярус XIX века ра-

зобран, по сохранившимся следам восстановлены два ряда кокошников, декор, интерьер. Спорной (сделанной по аналогии) остается лишь форма барабана и главы. В церкви Рождества по натурным данным реставрированы своды, оконные и дверные проемы, декор; как и в предыдущем случае, оспорена может быть только форма барабана. В церкви Сретения и трапезной восстановлены первоначальные своды, проемы, декор, интерьер, западное крыльцо. На северной стене выявлены следы стен и распалубок примыкавшего братского корпуса, а в уровне земли валунами отмечена конфигурация плана. Для реставрации завершения храма натурных данных было недостаточно, поэтому восстановлена четырехскатная кровля, существовавшая до войны.

В целом, реставрация Спасского ансамбля Т.В. Гладенко проведена на высоком уровне, квалифицированно, убедительно, плодотворно. Это тот редкий случай, когда после вмешательства реставраторов все аспекты памятников (исторический, художественный, функциональный, градостроительный) значительно усилились, получили большее раскрытие, и при этом не утрачен ни один ценный подлинный фрагмент. Даже с позиций современных знаний трудно найти какие-либо промахи или ошибки, невозможно представить, что можно было бы сделать лучше. После окончания реставрационных работ мы можем любоваться самым древним, самым выразительным ансамблем Старой Руссы, представшим почти в первозданной красоте. И не только любоваться, но и читать эту своеобразную архитектурную энциклопедию города. Что мы и попытались сделать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. С. 40.

² Там же. С. 43.

³ Там же. С. 44.

⁴ Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси X—XIII вв. СПб., 1994. С. 115.

⁵ Булкин В.А. Архитектурно-строительная ситуация в Новгороде конца XII — начала XIII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Л., 1987. С. 217—223.

⁶ Подробнее о церкви Спаса см.: Ядрышников В.А. Церковь Спаса в Старой Руссе — современница Нередицкого храма / // Новгородский исторический сборник. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 158—184.

⁷ Новгородская первая летопись... С. 422.

⁸ Подробнее об этом см.: Ядрышников В. Первый русский реставратор? // Новгород, 1993, № 37.

⁹ Макарий, архим. Церковно-историчес-

кое описание города Старой Руссы... Новгород, 1866. С. 42; Полянский М.И. Иллюстрированный историческо-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород, 1885. С. 300—301; Сергей, иером. Летопись Старорусского Спасо-Преображенского первоклассного мужского монастыря... Новгород, 1896. С. 15, 124—125.

¹⁰ Например, есть сведения, что в 1628 году сам игумен монастыря Иосиф дал вклад «200 рублевиков» на поминовение — огромную по тем временам сумму (Сергий, иером. Летопись... С. 128).

¹¹ Гладенко Т.В. Научно-реставрационный отчет по памятнику архитектуры XVII века — столпообразной «церкви под колоколами» 1975 г. // Архив ОГК ОИПИК. Р-1621. Л. 1.

¹² Кавельмахер В.В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Колокола: История и современность. М.,

1985. С. 63.

¹³ Кавельмахер В.В., Панова Т. Д. Остатки белокаменного храма XIV века на соборной площади Московского Кремля // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 66—83.

¹⁴ Подробнее о новгородских «столпах» см.: Ядрышников В. «Под колоколами» // Новгород, 1994. № 8.

¹⁵ Макарий, архим. Церковно-историческое описание... С. 48.

¹⁶ Гладенко Т.В. Научно-реставрационный отчет по памятнику архитектуры XVII века церкви Рождества Спасо-Преображенского монастыря в городе Старая Русса. 1976 г. // Архив ОГК ОИПИК. Р-3263. Л.1.

¹⁷ Гладенко Т.В. Отчет о реставрационно-восстановительных работах... по памятнику архитектуры XVII века церкви Сретения с трапезной палатой... в г. Ст. Русса. 1976 г. // Архив ОГК ОИПИК. Р-1040. Л. 19—20.

Людмила СЕКРЕТАРЬ

СУДЬБА ДВУХ НОВГОРОДСКИХ МОНАСТЫРЕЙ — АНТОНИЕВА И ЮРЬЕВА — В 1920-1930-е ГОДЫ

Рождественский Антониев монастырь — один из древнейших в Новгороде — был основан в 1106 году выходцем из Западной Европы Антонием Римлянином. Сохранившийся до настоящего времени архитектурный ансамбль представляет собой уникальное явление в русской архитектуре.

В различные исторические периоды судьба монастыря складывалась по-разному. Она то благоволила к обители, то посылала испытания и беды: пожары, эпидемии, разгромы. В

ние земского отдела; церкви и другие культовые постройки — либо закрывались, либо передавались «коллективам верующих», ценные вещи отбирались отделом народного образования, неценные оставались верующим, серебро и золото отправлялось в банки или казначейства. Трудоспособных монахов ставили на учет на Бирже труда, нетрудоспособных оставляли в ведении отдела социального обеспечения.

«Ликвидация» началась с Деревяницкого и Антониева монастырей. Антониев был закрыт в марте 1920 года². В обители тогда проживало 11 монахов и игумен Тихон. Из них трое были оставлены для проведения церковных служб в двух храмах (Рождественском соборе и церкви Сретения), которые остались действующими. Монастырские и семинарские здания (в 1740 году в монастыре была открыта духовная семинария, из стен которой вышла блестящая плеяда священнослужителей, учителей, ученых) были переданы в отдел народного образования³. В 1920 году здесь открылся институт народного образования, преобразованный вскоре в педтехникум, а затем в пединститут. В 1920-е годы на территории монастыря разместились и Дом юношества, другими словами, приют для беспризорных, которые работали в устроенных для них столярных мастерских.

В конце 1920-х годов начинается новый этап борьбы с православием — тотальное закрытие действующих храмов в бывших монастырях и приходах.

В 1929 году в Антониевом монастыре была сделана попытка «ликвидировать» церковь Сретения с трапезной палатой. На собрании учеников Дома юношества 4 декабря было составлено письмо следующего содержания: «Ученики производственных мастерских Дома юношества категорически настаивают перед Окружным исполнительным комитетом Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов о закрытии и передаче нам прилегающей к Дому юношества второй церкви Антоновского монастыря. Для одурманенных религией старушек хватит и одной церкви. А вторая церковь нам нужна для мастерских. Мы, бывшие беспризорники, попав в Дом юношества, получаем здесь квалификацию и знания. Нас здесь всего 70 человек, а к нам осенью просилось 150 человек наших товарищей, продолжающих находится на улице. Эти же наши товарищи имеют такое же право стать

Антониев монастырь. Дореволюционный снимок. На первом плане — разобранная в 1930-е гг. колокольня над южными св. воротами. СНРПМ. Архив

1570 году по указу Ивана Грозного была казнена вся монастырская братия во главе с игуменом Геласием. Дважды в монастырских стенах хозяйничал неприятель: в 1611 году, когда шведы захватили Новгород, и в годы Великой Отечественной войны, когда главная святыня монастыря — Рождественский собор — была превращена в склад и походную кухню.

Но, пожалуй, самыми трагичными в истории обители оказались 1920-1930-е годы.

1920 год стал для новгородских монастырей поистине зловещим: они все были закрыты (в терминологии тех лет «ликвидированы»). В соответствии с постановлением VII съезда Советов в феврале 1920 года была избрана комиссия для ликвидации монастырей, в которую вошли представители отделов народного образования, труда и социального обеспечения, земельного и других¹. Комиссия выезжала на места и распределяла монастырское имущество следующим образом: земля, хозяйственный инвентарь, скот передавались в веде-

сознательными гражданами Советского Союза и активными строителями социалистического строительства, и отказ им в приеме был выдан лишь отсутствием помещения»⁴.

23 декабря 1929 года начальнику районного административного отдела поступило письмо за подписью помощника начальника окружного административного отдела по общему церковному отделу Бриллиантова с обвинением в том, что он «не знает точно, что у него по церковному вопросу имеется и делается»⁵.

В марте 1930 года Президиум окружного исполкома принял решение о закрытии Сретенской церкви и передаче ее районному исполкому⁶.

Районные власти вывесили на территории монастыря объявление о немедленном закрытии храма, если верующие не возьмут его в пользование⁷.

29 июня 1930 года «коллектив верующих» принял по договору от старшего милиционера административного отдела Крысанова в бесплатное пользование церковь Сретения с имуществом⁸.

Ранее — в феврале 1930 года — Антониевское объединение верующих во главе с его председателем П.А. Нарвским было официально зарегистрировано в районном административном отделе и заключило договор о передаче ему в пользование собора Рождества Богородицы с имуществом⁹.

Действующими два храма бывшего Антониева монастыря оставались до 1932 года. В 1930-е годы органы советской власти проводили целенаправленную кампанию по «ликвидации» храмов и церковного имущества.

10 мая 1932 года было принято постановление о закрытии соборов, а 27 мая ликвидационная комиссия приступила к практическому осуществлению постановления. Имущество, исключая часть предметов искусства, отобранных музеем, Новгородский райисполком передал Госфонду¹⁰. Малоценные с точки зрения комиссии вещи сжигались или оставлялись размещившимся в храмах организациям. В помещениях Антониева монастыря и семинарии в то время находились институт и школа кустарного ученичества, насчитывающая до 1000 учащихся¹¹. Церковь Сретения после закрытия передали пединституту для клуба и мастерской, обязав его сделать ремонт здания. Собор Рождества Богородицы оказался в ведении музея, приделы и паперть — Архивного бюро. Здесь разместили архивы¹².

1930-е годы оказались зловещими и в другом отношении. Государственные органы предпринимают попытки физического уничтожения монастырских построек. Вначале разборкой занималось военное ведомство, затем Электросетьстрой. Эти действия мотивировались необходимостью использования материала для нового строительства. В 1932 году Комиссия по вопросам культа приговорила к «слому» ряд построек, в том числе колокольню Антониева монастыря, построенную в 1806 году над

южными святыми воротами на месте надвратной церкви XVII века в честь Иоанна Предтечи¹³.

В 1934 году Президиум Новгородского райисполкома утвердил предложение о разборке каменной ограды. Вскоре ограду осмотрела комиссия и нашла, что часть ее уже сломана, часть находится в ветхом состоянии и что в случае разборки необходимо построить новую деревянную ограду¹⁴.

Колокольня и ограда были разобраны, но в целом монастырский ансамбль удалось сохранить.

Второй древнейший монастырь — Юрьев, — основанный в начале XII века новгородскими князьями, занимал исключительное положение среди новгородских обителей. И в княжеский период, и после установления республиканского правления монастырь играл весомую роль в политической жизни Новгорода. Архимандрит Юрьева монастыря, являясь главой черного духовенства, участвовал в важных государственных делах. Самая богатая новгородская обитель являлась средоточием культурных ценностей (первоклассных произведений искусства, рукописных книг и т. д.) В XIX веке Юрьев монастырь после некоторого упадка вновь вошел в число богатейших монастырей России. Древняя ризница, благодаря стараниям покровительницы монастыря графини Анны Орловой-Чесменской, а также вкладам государей и других высокопоставленных особ, обогатилась в это время драгоценными предметами церковного культа.

После революции в жилых корпусах Юрьева монастыря органы советской власти разместили Дом инвалидов им. Я. С-вердлова. Инвалидный дом в 1920 году пополнился переселенцами из аналогичного заведения в Клопском монастыре¹⁵. После упразднения новгородских монастырей в 1920

Юрьев монастырь. Дореволюционный снимок

году у Юрьевской обители конфисковали капитал в сумме 777 125 рублей¹⁶.

Начиная с этого времени, богатейшая монастырская ризница подверглась невиданному разграблению. В 1921 году наркомпрес А.В. Луначарский телеграфировал в губисполком:

«Немедленно воспретите увоз вещей Юрьева монастыря... Уже вывезенные вещи верните. О принятых мерах прошу меня срочно уведомить»¹⁷. Но ничто не могло предотвратить процесс расхищения церковных ценностей.

10 января 1922 года была образована специальная комиссия по изъятию имущества из Юрьева монастыря во главе с неким Пакуном.

Потиры из ризницы Юрьева монастыря

Заведующий Губмузеем выразил протест против действий этой комиссии, которая игнорировала музей. Вывозимые вещи не фотографировались и не подвергались экспертизе¹⁸. В 1930-е годы из монастыря было вывезено 15 вагонов мрамора и так называемой золоченки — золоченого покрытия куполов Спасского и Георгиевского соборов¹⁹.

До 1928 года в бывшем монастыре продолжали действовать в качестве приходских два храма: Георгиевский и Спасский. Церковные службы в них отправляли оставленные здесь два монаха²⁰. В 1928 году Спасский собор был закрыт и использован под мастерскую инвалидного дома. А в 1933 году его передали учебно-производственному хозяйству № 4 им. Свердлова для размещения клуба, столовой или другой организации²¹. Вскоре и Георгиевский собор вместе с колокольной передали в ведение музея как памятник искусства первой категории. В 1930-е годы под руководством профессора М.К. Каргера в соборе был осуществлен комплекс археологических и реставрационных работ.

4 июля 1932 года Президиум райисполкома постановил разобрать угловые башни, примыкающие к южному корпусу (в юго-восточной находилась церковь Михаила Архангела), и северо-западную, а также Воздвиженский собор. Это постановление утвердили на заседании Облисполкома (протокол от 7 июля 1932 года). Эти постановления поддерживали работники музея и профессор Каргер²².

Разборку угловых башен южного корпуса производил в 1933-34 годах 72-й кавалерийский корпус. При разборке в

1933 году, как следует из акта, был нанесен ущерб учебно-производственному хозяйству № 4 им. Я. Свердлова: испорчены гряды, парники, измята рассада²³. Не закончив работу, военные ушли, оставив на территории бывшего монастыря груды битого кирпича и мусора.

Воздвиженский собор, также приговоренный к разборке, в 1933 году по просьбе руководителей Дома инвалидов передали им для размещения столовой, клуба или другого заведения²⁴.

Но в 1934 году вновь встал вопрос о разборке Воздвиженского собора и северо-западной башни для нужд Электросетьстроя. В мае райисполком заключил договор с этой организацией. Но договор, по-видимому, был вынужденной мерой со стороны местных властей, которые, с одной стороны, не имели права препятствовать проводившейся государством очередной кампании, а, с другой стороны, всячески сопротивлялись ее осуществлению.

Борьба оказалась упорной и замаскированной различными предложениями, выдвигаемыми руководством дома инвалидов и райисполкомом.

Летом 1934 года представители Электросетьстроя, имея на руках все документы, прибыли в Новгород с твердым намерением погрузить строительные материалы на баржи. Очень удобным для транспортировки оказывался материал от разобранных зданий Юрьева монастыря.

11 июня того же года Президиум райисполкома вынес новое постановление, запрещающее «ломку северо-восточной угловой церкви», начатую Электросетьстроем, мотивируя это скуденностью жилых и хозяйственных помещений, за-

Митры из ризницы Юрьева монастыря

нимаемых инвалидным домом, и возможностью распространения тифа²⁵.

28 июня представитель Электросетьстроя обратился в районный финансовый отдел с жалобой на директора инвалид-

ного дома, который заявил, что «не допустит разборки церкви и хочет ехать в Ленинград». Записка заканчивалась такими словами: «Как видно, у Вас действительно кто-то занимается игрой на два фронта, а это приводит к огромным убыткам Электросетьстроя»²⁶.

11-м июля датируется письмо в адрес райисполкома из Электросетьстроя с грозным обвинением его и руководства инвалидного дома в саботаже. Инвалидный дом претендовал на хорошо сохранившиеся здания с просторными помещениями. Подвальный этаж Воздвиженского собора использовался под кузницу, верхний — под склад. В северо-западной башне жили инвалиды. Руководство инвалидного дома, поддерживаемое райисполкомом, предложило оборудовать в соборе электроустановку, при этом водонапорный бак разместить в центральном куполе. Электросетьстрою предлагалось ограничиться разборкой четырех угловых куполов. В северо-западной башне директор инвалидного дома В. Николаев предложил разобрать восьмериковое завершение, а два этажа использовать под жилье²⁷.

Дело дошло до разбирательства в арбитражном суде 29 декабря 1934 года, на котором выступал председатель райисполкома Валлит²⁸. Арбитражный суд приговорил районный финансовый отдел выплатить 3152 руб. 50 коп. Электросетьстрою²⁹.

В итоге Воздвиженский собор был сохранен и передан инвалидному дому, а на северо-западной башне утрачено только завершение. Кроме того, в 1930-е годы были разобраны купола Спасского собора, располагавшегося напротив западного входа в Георгиевский собор.

После передачи колокольни музею, она продолжала использоваться инвалидным домом для собственных нужд. В 1934 году заведующий церковным столом райисполкома М. - Берновский и уполномоченный обкомполитпросвета Вайнштейн, осмотрев колокольню, признали недопустимым размещение в первом ярусе мертвецкой. Они обнаружили здесь гроб с телом усопшего инвалида³⁰.

Музей и инвалидный дом с собственным хозяйством

Икона «Богоматерь Неопалимая Купина» в серебряном окладе (Юрьев монастырь)

продолжали сосуществовать в стенах бывшего монастыря до 1941 года.

Прошли годы. Пришло осознание катастрофических для страны последствий целенаправленного разрушения культурного наследия прошлых веков. Изучение данного периода в истории России должно послужить уроком для будущих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ликвидация монастырей в Новгородском уезде // Звезда. 1920. № 44. 27 февраля.

² Ликвидация монастырей в Новгородском уезде // Звезда. 1920. № 48. 3 марта.

³ Ликвидация монастырей в Новгородском уезде // Звезда. 1920. № 82. 18 апреля.

⁴ ГАНО. Ф. Р-138. Оп. 3. Д. 24. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Д. 70. Л. 26.

⁸ Там же. Д. 24. Л. 12–14.

⁹ Там же. Д. 70. Л. 2–5.

¹⁰ Там же. Д. 89. Л. 159.

¹¹ Там же. Л. 106.

¹² Там же. Л. 157.

¹³ Там же. Д. 89. Л. 72.

¹⁴ Там же. Д. 93. Л. 218.

¹⁵ Ликвидация новгородских монастырей // Звезда. 1920. № 274. 2 декабря.

¹⁶ Ликвидация новгородских монастырей // Звезда. 1920. № 183. 15 августа.

¹⁷ ГАНО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 1319. Л. 72.

¹⁸ ИИМК РАН. Ф. 51. Д. 259. Л. 3.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-138. Оп. 3. Д. 89. Л. 220.

²⁰ Там же. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 242.

²² Там же. Д. 95. Л. 3.

²³ Там же. Д. 89. Л. 49–50; Д. 93. Л. 167, 215.

²⁴ Там же. Д. 89. Л. 242; Д. 95. Л. 48.

²⁵ Там же. Д. 95. Л. 27.

²⁶ Там же. Л. 25.

²⁷ Там же. Л. 4, 14.

²⁸ Там же. Л. 51.

²⁹ Там же. Л. 60.

³⁰ Там же. Ф. Р-269. Оп. 1.

Татьяна ДАНЬКО

ПОЧТА — ГОРОДСКАЯ И ГУБЕРНСКАЯ

В начале XIX века почтовый департамент входил в структуру Министерства внутренних дел России. С 1820-х годов начался процесс обособления громоздкого почтового ведомства, который завершился преобразованием в 1830 году почтового департамента в самостоятельное Главное управление почт.

На территории Новгородской губернии деятельность почтовой службы возглавляла Новгородская губернская почтовая контора, которая подчинялась Санкт-Петербургскому почтамту. Подведомственными конторе учреждениями на 1827 год были городские почтовые конторы — Валдайская, Боровичская, Устюжно-Железнопольская и Старорусская, а также городские почтовые экспедиции — Крестецкая, Белозерская, Кирилловская, Соминская, Череповецкая, Чудовская, а также Демянское почтовое место.

В состав служащих почтового ведомства губернии входили почтмейстеры и экспедиторы, почтальоны и канцелярские служащие, сторожа и станционные смотрители.

Определялись в почтовое ведомство, как правило, выходцы из семей почтовых служащих. В соответствии с указом 1823 года дети почтальонов и прочих почтовых служащих, поступившие в это ведомство на службу из отставных чинов по собственному желанию, принадлежали исключительно почтовому ведомству, а указом 1827 года и те дети, которые родились после увольнения почтового служащего, также приписывались к почтовому ведомству. Таким образом, дальнейшая служба молодых людей уже предопределялась заранее. Дети нижних почтовых служащих, «воспитываемые на иждивении почтового ведомства», поступали на службу в канцелярское звание. Получив первый чин, они не имели права оставить службу или перейти по собственному желанию в другое ведомство до истечения шестилетнего срока, кроме как «по причинам неизлечимой болезни или увечья, и, следовательно, совершенной к службе неспособности». Например, Санкт-Петербургским департаментом в 1827 году было определено: «Илью Коновалова, сына умершего Ус-

тюжно-Железнопольского почтальона Коновалова, принадлежащего почтовому ведомству, по способности к почтальонской должности, определить в Ямбургскую почтовую экспедицию почтальоном, с жалованием по 70 рублей с обыкновенными амуниционными деньгами, о чем ему объявить привести на верность службы к присяге, потом, обмундировав его здесь надлежащею амуницією и, снабдя оружейными вещами, командировать для исправления должности в Устюжно-Железнопольскую почтовую контору и отправить в Новгород, предписав Новгородской почтовой конторе, чтобы она по явке Коновалова в оную, снабдя надлежащим наставлением, отправила его к месту его службы в Устюжну».

На 1831 год почтмейстером Новгородской губернской почтовой конторы был коллежский ассессор Федор Иванович Покровский, его помощником — надворный советник Андрей Иванович Державин. Должность Крестецкого почтмейстера исполнял Василий Семенович Кривцов, Тихвинского — капитан Осип Родионович Тимофеев; Демянской почтовой конторой заведовал Федот Евдокимович Иванов. Из «почтальонных детей» почтмейстером Боровичской конторы был 28-летний Александр

Дементьевич Поляков, сын станционного смотрителя; Валдайской — Павел Лаврентьевич Халчинский, из дворян. Старорусская почтовая контора находилась под началом почтмейстера Якова Ивановича Юдина, который был участником Отечественной войны 1812 года, имел медали «В Память 1812 года» и «За взятие Парижа».

В формулярном списке почтмейстера Новгородской губернской почтовой конторы Ф.И. Покровского, в который вносились все записи о передвижении по службе, указывалось, что родом он «из священнических детей», начинал службу в Новгородской духовной консистории копиистом, затем канцеляристом. После этого последовало перемещение в почтовое ведомство: в Каргопольской почтовой конторе он был копиистом. В результате повышения по службе и перевода в Новгородскую губернскую почтовую контору Ф.И. Покровский исполнял обязанности сначала бух-

Титульный лист дела канцелярии Новгородского губернатора «Об учреждении в Новгороде городской почты». 1871 г. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2623. Л. 1а.

галтера, затем помощника почтмейстера, а с 1831 года стал почтмейстером губернской почтовой конторы.

Служащими губернской конторы значились также экспедитор, два сортировщика и восемь станционных смотрителей.

Как правило, большинство почтальонов уездных почтовых учреждений были из дворян, а отставные унтер-офицеры определялись в должности почтовых сторожей. В награду за труды, усердие и хорошее поведение возможны были перемещения по службе на вышестоящие должности.

Располагались почтовые учреждения уездных городов не в самых удобных зданиях и помещениях. В 1827 году инспектор почт, действительный статский советник Доливо-Добровольский предписывал Новгородской почтовой конторе составить смету на перестройку новгородского казенного почтового дома. Была выделена сумма в 49 000 рублей из средств почтового департамента. Строительство планировалось на три года. Почтовый инспектор предлагал произвести разные переделки и перестройки таким образом, чтобы затраты на работу не превышали разумные нормы: в верхнем этаже дома предполагалось разместить почтмейстера, его помощника и одного канцелярского служителя, в среднем «распространить контору с потребными для нее удобствами», разместить здесь бухгалтера, несколько канцелярских служителей и унтер-офицера «для ближайшего присмотра», а нижний этаж «возвысить, что при переделке всех полов, потолков и рам весьма удобно сделать». С первоначальным планом переделки нижнего этажа, предусматривающим изъятие из-под пола 12 вершков земли, Доливо-Добровольский не согласился, поскольку «живущие в нем от сырости, бывшей почти в подвалах, терпеть будут вред... Углубление будет вредно не только для строения, но и для здоровья самих жителей, ибо оные и теперь почти в земле».

Уездные почтовые конторы размещались, как правило, не в специально приспособленных домах, а в зданиях или помещениях по найму. Так, Старорусская почтовая контора располагалась в доме купчих Дарьи Балахонцевой и Пелагеи Сумотчиковой, и договор об аренде был заключен на четыре года.

Бывали случаи, когда отношения между учреждениями почтовых ведомств и его клиентами были не самые уважительные и вежливые, и тогда необходимо было вмешательство вышестоящих организаций. Главнотначальствующий над почтовым департаментом в 1827 году сообщал почтдиректору в Санкт-Петербург: «Доходит до сведения моего, что некоторые почтмейстеры вместо того, чтобы вежливостью и угождением публике заслуживать благорасположение и уважение оной, обращается с приходящими в конторы и грубо, и непристойно, берут весовые деньги за письма по производству, притесняют подателей до того, что некоторые письма свои для отправления принуждены выдают посылать в другие города, дабы избавиться неприятностей от них делаемых. Желая, чтобы зло сие прекращено было, я поручаю Вашему превосходительству сделать подтверждение всем вверенной Вам дирекции почтмейстерам и экспедиторам, дабы они в обращении с публикой были сколь возможно вежливее, никаких своевольных поступков, а тем паче злоупотреблений себе не позволяли,

но исправляли бы оную на точном основании предписанных им правил, под опасением строгого взыскания». Определено было это предписание для точного исполнения и послано циркулярно, в том числе в Новгородскую почтовую контору и другие почтовые учреждения губернии.

Особая роль в XIX веке отводилась мундиру почтовых чиновников. Описывается в документах он таким образом: «Почтовое ведомство имеет Высочайше утвержденный мундир темно-зеленного сукна с бархатным воротничком и обшлагами — штатные с золотым шитьем по должности ими занимаемыми, а прочие — без шитья». В 1827 году вводились новые вицмундиры чиновникам — почтальонам, смотрителям почтовых станций, канцелярским служащим и сторожам. Большая часть этих чиновников занималась механической работой: «счетом ассигнаций и всяких монет; засылкою оных в пакеты, мешки, кожаные узлы, укупоркою их в мешки и бочонки; свидетельством разнородных посылок; ежеминутным всего того печатанием, штемпеливанием и пломбированием, изготовлением больших постпакетов; укладкою в почтовые сумы и чемоданы». Вицмундир состоял из темно-зеленного фрака с черным бархатным воротничком и обшлагами и с желтыми пуговицами с изображением государственного герба «по форме нынешней серебряной монеты, с прибавлением на сих пуговицах под орлом двух почтовых рожков. При сих фраках носить панталоны суконные темно-зеленные сверх сапогов, жилет светло-палевый и шляпу круглую, а шпаг не иметь...».

В XIX веке по территории Новгородской губернии проходили многочисленные почтовые тракты, на которых располагались почтовые станции. Только на шоссе «между столиц» располагались почтовые станции в Бронницах, Зайцеве, Крестцах, Яжелбицах, Новгороде, Подберезье, Спасской Полисти, Чудове, Померанье и Тосно, при этом расстояние между соседними составляло от 21 версты (Новгород–Подберезье) — до 34 (Крестцы–Яжелбицы).

Подряды на почтовые перевозки по трактам и содержание почтовых лошадей выкупали ямщики, о чем они заключали договоры с учреждениями почтовой службы. Например, старорусский мещанин Семен Соловухин в апреле 1832 года обращался в Новгородскую губернскую почтовую контору с прошением о выплате прогонных денег, в котором объяснял, что «прошедшего 1831 года содержал он за Крестецкой и Зайцевской ямы на станции в городе Старая Русса 15 почтовых лошадей, но... прогонных денег ниоткуда не получал».

Сопровождали почту при перевозке почтальоны, и они же несли полную ответственность за ее сохранность. Известны были случаи потерь почтового багажа, виною чему были халатное отношение к службе или пьянство. При потере почты проводилось расследование и взыскивалась сумма из жалования виновных. Деньги отсылались в приказ общественного призрения. Если же такие оплошности со стороны почтальонов или станционных смотрителей повторялись, то их переводили на другую, нижестоящую должность. Возможны были кражи почтовых пересылок по той причине, что некоторые почтовые учреждения отправляли денежную и простую корреспонденцию «в столь ветхих и негодных чемоданах и сумках, что не имеют они внутренних холстинных подкладок, во многих местах чи-

нены заплатками, которые вовсе истерлись и зашты... толстою незасмоленной бечевкою, с таковою притом несправностью, что удобно из них могла бы случиться пропажа вложений».

В ноябре 1835 года вице-директор почтового департамента Е. Кривошапкин подписал приказ об обязанностях почтовых служащих. Станционным смотрителям и почтальонам, писарям, почткомиссарам и ямщикам предписывалось исполнение целого ряда правил работы:

- По прибытии на станцию почтальон обязан был остаться при почте, а ямщика или почтаря послать за смотрителем.

- Освидетельствование почты... производили по подорожной смотритель, писарь или почткомиссар.

- Они же наблюдали за сохранностью почты, чемоданов и сумок, печатей и штемпелей...

- При обнаружении повреждений отметка делалась в подорожных и станционной книге, поврежденные места зашивали, а если они значительны, то смотритель сам препровождал почту до первой станции и передавал следующему станционному смотрителю.

- Отмечалось в подорожной и состояние почтальона, на случай если он пьян.

- Строжайше предписывалось «почтальонам, ямщикам и почтарям, чтобы они дорогою нигде, а паче у питейных домов, не останавливались, а если бы почтальон к тому понуждал ямщика, то сей должен объявить о том смотрителю, который непременно обязан донести о сем начальственному почтамту или губернской почтовой конторе».

- Ямщики и почтари на дороге не сменялись и лошади не переменялись.

Правила эти не предусматривали никаких исключений и объявлялись служащим, «дабы незнанием оных никто не мог отговариваться».

В архивном фонде Новгородской губернской почтовой конторы сохранились журналы заседаний почтовой конторы за 1840-е годы, которые подписывал почтмейстер Покровский. В них записывались все распоряжения по личному составу почтовых служащих: о перемещении по службе, об отпусках и увольнениях и пр.

При увольнении со службы, в том числе «в исполнении своей обязанности нерадивым и замеченным неоднократно нетрезвым», служащий получал жалование, амунитные деньги на день увольнения, при этом «отбирались медные и оружейные вещи и невыслужанная амунития». Иногда служащие «из-за неисправности в исполнении своих обязанностей» наказывались штрафом. Повышения или перемещения по службе определялись «добропорядочным поведением и хорошими способностями» или по семейным обстоятельствам. Увольнение на пенсию проводилось согласно желанию служащего «за старостию лет и слабостию здоровья» подать в отставку и предписанием почтовой конторы о назначении ему пенсии. Случались и чрезвычайные происшествия, расследование которых отражалось в журналах губернской почтовой конторы. Одним из них было «О наказании почтальона Андреева за противозаконный поступок розгами». Такому наказанию почтальон подвергался за целый ряд проступков: во-первых, он ехал с почтой из Новгорода в Старую Руссу без подорожной и без ямщика, во-вторых, «заезжал в лавочку выпить водки и

купить табаку». Оказалось, что когда Андреев ямщика стал «посылать к скорейшей езде, ... то ямщик причинил ему удары, вырвал подорожную из сумки и сам ушел, предоставля ехать далее самому». По всем правилам следовало бы исключить такого почтальона из почтовой службы и передать его суду. Но, «принимая в уважение поступок сей в первый раз, при собрании почтальонской команды в пример другим наказание розгами, со строгим подтверждением быть от подобных могущих повлечь несчастные случаи поступков воздержанным и дабы прочим почтальонам было сие известно в присутствии конторы прочитать».

В 1837 году в губернскую почтовую контору поступил ряд циркулярных предписаний относительно социального обеспечения почтовых чиновников. Так, главноначальствующий над почтовым департаментом уведомлял Новгородского почтмейстера о ценах на содержание больных служащих почтового ведомства в гражданских больницах, медикаменты и погребение умерших, причем суммы эти следовало заимствовать из почтовых доходов, «показывая оные по ведомости о расходах особо статьею». Еще один циркуляр в адрес Новгородской почтовой конторы уведомлял о возможности определять сирот или детей нижних почтовых служащих в специальное учебное заведение при Московском почтамте. Это училище, открытое в 1831 году, готовило канцелярских служащих почтовых контор и почтальонов.

В 1840-е годы роспись расходов по почтовым местам делилась на такие статьи, как жалование, содержание почтовых домов и канцелярские расходы. Теперь уездные почтовые конторы делились по классам (категориям). К первому относились конторы в Валдае, Устюжне, Тихвине и Старой Руссе, ко второму — Боровичская и Крестецкая, к третьему — Череповецкая, Соминская и Чудовская, к четвертому — Демянская, Кирилловская, Белозерская и Мшгская. Число станционных смотрителей по всей губернии составляло 40 человек, на содержание которых выделялось 6000 рублей.

О недопустимо малых расходах на содержание почтовых домов свидетельствует многолетняя переписка о перемещении новгородской почтовой станции из дома, прошедшего в полную ветхость, в новое здание. Впервые смотритель новгородской почтовой станции Князев обратился с рапортом в 1847 году в Губернскую почтовую контору: «В доме, занимаемом станцией, комнаты, где я помещаюсь с семейством моим и ямская пришли в совершенную ветхость, так что во время дождей происходит течь, от чего штукатурка с потолков обваливается и даже самые потолки от ветхости сгнили и грозят падением, а также и печи в доме от давнего исправления их в топке опасны...» Это прошение и письмо почтмейстера Покровского были направлены Новгородскому губернатору фон-дер-Ховену. До 1852 года продолжалась переписка между Губернской почтовой конторой, губернатором, губернским архитектором и палатой государственных имуществ. Наконец, Новгородский дом почтовой станции был отремонтирован, но в 1852 году он «совершенно разрушен пожаром». Об этом происшествии новгородский губернатор уведомлял департамент полиции Министерства внутренних дел. В письме сообщалось, что «по Высочайше утвержденному ныне положению комитета господ министров, обустройство почтовой

гоньбы между Санкт-Петербургом и Москвою возложено на земство, ... я распорядился о найме в числе прочих и для Новгородской почтовой станции потребного помещения».

26 июня 1871 года управляющий почтовой частью в Новгородской губернии направил губернатору Э.В. Лерхе на рассмотрение письмо о необходимости открыть в Новгороде почту: «Почтовый департамент предполагает установить в губернских областных городах, где в том встречается надобность, городские почты с тем, чтобы сначала городские письма были разносимы по одному разу в день, вместе с письмами иногородними». Новгородский губернатор не только не отказался от этого полезного для города нововведения, но и внес свои предложения: ограничиться на первое время установлением в Новгороде четырех почтовых ящиков, установить их как на Торговой стороне — близ аптеки Оппенгейма и гостиницы Богдановых, так и на Софийской — по Петербургской улице у одного из угловых домов против сада и у углового дома по Чудинцовой улице; разноску писем проводить один раз в день от трех до четырех часов пополудни. Уже в сентябре 1871 года в приложении к № 33 «Новгородских губернских ведомостей» было опубликовано объявление: «Управляющий почтовой частью в Новгородской губернии имеет честь донести до сведения публики, что с разрешения Почтового департамента учреждается в Новгороде с 15 августа городская почта». Была установлена и плата за городскую корреспонденцию: с каждого письма — пять копеек, с каждого печатного, литографированного визитного или пригласительного билета — по одной копейке, и с каждого объявления, прейскуранта, циркуляра и тому подобного извещения, напечатанного или налитографированного, не более как на одном листе писчей бумаги обыкновенного формата — по одной копейке. Оплата городской корреспонденции производилась почтовыми марками по ценности соответственно весу самого отправления. Корреспонденция для пересылки по городской почте опускалась в городские почтовые ящики. Изъятие почты производилось ежедневно в 13 часов, и получали ее адресаты в этот же день не позже 17 часов. Корреспонденция недостаточно или вовсе не оплаченная адресатам не доставлялась.

В отчетах Новгородской губернской почтовой конторы и подведомственных ей учреждений расписывались доходные и расходные статьи губернского почтового ведомства. Доход состоял из почтовых сборов — за корреспонденцию, почтовые марки, штемпельные конверты, бланки для открытых писем, за денежные и ценные пакеты, посылки и узлы, за не франкированные письма, посылки и пакеты, за не вполне оплаченные письма, за обратную и дальнейшую пересылку и прочее. Были и дополнительные статьи дохода: взыскания за утраченную на почте корреспонденцию, штрафные за потаенные вложения в письма и посылки, штрафные с почтодержателя за промедление почт. Статьи расходные состояли из статей почтовых расходов, статей на счет сметного расписания (на воспитание детей лиц почтового ведомства, на содержание личного состава, на хозяйственные расходы) и специальных средств.

В 1884 году был утвержден Указ о соединении в одно учреждение почтового и телеграфного департаментов и образовании Главного управления почт и телеграфов. Открыто оно было 16 июня 1884 года. В циркулярном пись-

ме были названы причины такой реорганизации: значительные ежегодные расходы из сумм государственного казначейства на почтовое дело, которые не соответствовали получаемым от этой отрасли доходам, а также недостаточные оклады содержания служащих, особенно в местных почтовых учреждениях, «на что неоднократно обращали внимание высшего правительства и вызывали особую заботливость МВД об устройстве почтовой службы на более правильных и отвечающих современным потребностям на-

Приложение к № 33 Новгород. Губерн. Введ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Управляющий Почтовою частью въ Новгородской губерніи имѣетъ честь довести до свѣдѣнія публики, что съ разрѣшенія Почтоваго Департамента учреждается въ Новгородѣ съ 15 Августа городская почта. Плата за градскую корреспонденцію установлена: а) съ каждаго письма по 5 коп., б) съ каждаго печатнаго, литографированнаго визитнаго, или пригласительнаго билета по 1 коп. и в) съ каждаго объявленія, прейскуранта, циркуляра и т.п. извѣщенія, напечатаннаго, или налитографированнаго, не болѣе какъ на одномъ листѣ писчей бумаги обыкновеннаго формата, по 1 коп. Оплата городской корреспонденціи производится посредствомъ Почтовыхъ марокъ по цѣнности соответственнаго вѣсу самаго отправления. Корреспонденція для пересылки по градской Почтѣ опускается въ градскія Почтовые ящики, вынимается изъ нихъ ежедневно въ 1 часъ по полудни и доставляется на домъ адресантамъ не позже 5 часовъ по полудни. Корреспонденція недостаточно и вовсе неоплаченная доставляться по адресу небудетъ.

Объявление из приложения к «Новгородским губернским ведомостям» об открытии в Новгороде 15 августа 1871 года городской почты.
Ф. 138. Оп. 1. Д. 2623. Л. 4.

чалах». Сыграл свою роль и опыт западных стран, в которых к этому времени уже была проведена такая реорганизация, и в результате улучшено не только материальное положение служащих, но и значительно увеличены государственные доходы.

В соответствии со ст. 6 Указа с 1885 года необходимо было приступить к постепенному, в течение пяти лет, и последовательному преобразованию почтовых и телеграфных учреждений. Открывались такие объединенные учреждения на тех почтах и телеграфных станциях, где заканчивался срок найма помещения, и при вновь учреждаемых окончательных телеграфных станциях.

В рамках этой реорганизации учреждались телеграфные школы, куда приглашались для обучения наиболее опытные почтовые чиновники для преподавания почтовых правил, порядка и условий почтовой службы. В то же время губернаторы должны были «из подведомственных им чинов, которые вполне отмечаются своей благонадежностью, нравственностью и твердым знанием службы, назначать в упомянутые школы для изучения неизвестной

специальности так, чтобы они могли быть зачисляемы, по выдержании испытаний, кандидатами на должности начальников соединенных учреждений». Обучение это проходило «наряду с исправлением своих основных обязанностей».

С 1 октября 1885 года образовывались два почтово-телеграфных округа: Санкт-Петербургский — из губерний Санкт-Петербургской и Псковской, и Тверской — из Тверской и Новгородской. В Твери организовывалось Управление почтово-телеграфного округа второго класса, особые управления почтовой частью в этих губерниях упразднялись. Все же телеграфные линии и станции Новгородской и Тверской губерний переходили в ведение начальника Тверского почтово-теле-

Парадная форма чиновников телеграфного ведомства III класса. 1868 г. Из книги: Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России XVIII – нач. XX вв. СПб., 1999. ЦВКЛ

графного округа. В Новгороде образовывалась подведомственная Тверской окружной почтово-телеграфная контора. Управляющим был назначен действительный статский советник Марков.

На 1903 год Новгородская губернская почтово-телеграфная контора находилась в подчинении Санкт-Петербургского почтово-телеграфного округа.

Начальник Новгородской губернской почтовой конторы Спасо克林ский в 1908 году получил распоряжение из Санкт-Петербурга, в котором предлагалось немедленно собрать сведения, где именно в губернии есть необходимость открыть новые почтово-телеграфные учреждения. Для этого собирались статданные о численности населения в данном населенном пункте, его торгово-промышленное значение, расстояние до ближайшего почтово-телеграфного учреждения. Кроме того, необходимо было выяснить, «окажут ли местные жители пособие казне по отводу бесплатного помещения с отоплением и освещением, бесплатной подвозке почты и единовременному взносу 195 руб. на обзаведение учреждения мебелью и на канцелярские расходы». В свою очередь Спасо克林ский обратился в земские управы, в частности в Новгородскую уездную, с просьбой помочь в сборе этих сведений. Очень быстро, в январе 1909 года, Новгородская уездная земская управа направила ответ, в котором рекомендовала открыть почтовые и телеграфные отделения в семи населенных пунктах: в деревнях Вяжищи Трясовской волости, Раглицы Черновской волости, на станциях Батецкой Петербургско-Витебской железной дороги Самокражской волости, Ушаки Николаевс-

кой железной дороги Марьинской волости (дачное место), Бабино Николаевской железной дороги, в селах Апраксин Бор Любанской волости и Пельгоры Пельгорской волости.

Вопрос об учреждении почтово-телеграфных отделений решался изначально на крестьянском волостном сходе. Например, в феврале 1909 года крестьяне Селогорской волости собрались на сход, состоящий из волостного старшины, 12 старост, 4 волостных судей и 79 выборных крестьян от 837 дворов. Выслушав предложение земского начальника о предполагаемом устройстве в деревне Раглицах почтово-телеграфного учреждения для обслуживания части Селогорской волости, сход вынес приговор: «На содержание и пособие в расходах на открытие почтово-телеграфного отделения мы, крестьяне Селогорской волости, не имеем средств и находим за отдаленностью и плохим состоянием от д. Раглицы сообщение неудобным, а желательно было бы открыть почтовое отделение в Селе Гора при волостном правлении и корреспонденцию получать со ст. Подберезье, где мы на открытие оказали бы посильное пособие». Возможно, такой отказ объясняется и незнанием и хитростью крестьянской: неизвестно в деревне было, что за диковина такая — телеграф, за обустройство которого еще и деньги надо было платить, ведь большинство из бывших на сходе крестьян были неграмотные — из 79 только 12 смогли подписать приговор схода.

Крестьяне же, делегированные на сход Тесовской волости, имели свое мнение об учреждении телеграфной конторы: они решили ходатайствовать об открытии при Тесовском волостном правлении почтовой конторы с приемом денежной и страховой корреспонденции. Помещение для размещения почты выбирал земский начальник, учитывая предложения местных жителей о сдаче домов в наем. Он же составлял планы помещений, выделенных под почтовые отделения. В почтово-телеграфных отделениях открывались еще и сберегательные кассы, которые исполняли страховые операции.

Вновь открываемые отделения оборудовались канцелярской мебелью и другими принадлежностями, в том числе столами письменными, шкафами для книг и документов, часами, керосиновыми лампами, деревянным сундуком для хранения денежных сумм и страховой коррес-

Атрибуты чинов почтово-телеграфного ведомства: знак ведомства, герб на мерлушковую шапку, пуговицы, фуражка для почтальонов и рассыльных. 1885 г. Из книги: Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России XVIII – нач. XX вв. СПб., 1999. С. 295

понденции, табличками «Почтовое отделение», а также портретом Государя императора и иконой Спасителя. Это был обязательный набор для почтово-телеграфных учреждений.

В некоторых населенных пунктах, расположенных на удобных трактах, в которых отсутствовали почтовые конторы, устанавливались почтовые ящики для корреспонденции.

В начале XX века решался вопрос об упразднении почтовых станций на трактах, идущих параллельно железнодорожным линиям или примыкающих к ним. Предполагалось закрыть тракты Чудово–Шимск, Шимск–Медведь и Новгород–Валдай и находящиеся на них почтовые станции. В практику входила перевозка почты по железной дороге. Определялись кондииции — подряды — частным возчикам на очистку почтовых ящиков и возку почт на вокзал в Новгороде, Спасской Полисти и Подберезье и для перевозки почты от Новгорода до Бронниц и от Бронниц до Зайцева.

Открытие всех планируемых почтово-телеграфных учреждений возможно было только после утверждения в Государственной думе общего проекта развития сети учреждений почтово-телеграфного ведомства.

На 1910 год почтово-телеграфная контора располагалась на Торговой стороне Новгорода и уже не справлялась в полной мере с возросшими объемами работы почтовой службы. Статья, опубликованная в газете «Новгородская жизнь» в мае 1910 года, указывала на «неудобства, испытываемые населением Софийской части города, а также Петербургскою и Псковскою слободами, вследствие отсутствия на Софийской стороне почтового отделения, и, кроме того, на обременительность почтальонов-письмоносцев и позднее доставление ими почтовых отправлений». Доставку почтовых отправлений в городе обеспечивали шесть почтальонов, по три в каждой части Новгорода. Благодаря увеличению штата почтальонов до десяти человек ускорена была доставка почты более чем на один час и «уменьшился вес почты на каждого почтальона». В 1909 году была введена усиленная охрана почтовой конторы, а служащие, занимавшиеся сортировкой почты, были уволены. Теперь почтальоны-письмоносцы выполняли не только свои обязанности по доставке писем и газет, но и такие виды работ, как сортировка почты, проверка денежных переводов, ведение книги переводов, а должности особых почтальонов по доставке переводов были упразднены. Доставка простых отправлений в Псковскую, Троицкую слободы производилась только тем жителям, «преимущественно торговцам, которые живут вблизи городского вала. Письма, газеты и повестки всем прочим сдаются в те лавки, в которых адресаты забирают товар. Число почтовых отправлений в эти слободы незначительно, от 3 до 10 шт., а в некоторые дни ничего не бывает».

Начальник Новгородской почтово-телеграфной конторы Спасоклинский, обращаясь в Санкт-Петербургский по-

чтово-телеграфный округ, просил увеличить штат новгородской почтово-телеграфной конторы. Но Главное управление почт и телеграфов рекомендовало открыть второе почтовое отделение в городе, считая такое решение вопроса более рациональным. Для нового почтового отделения Спасоклинский подбирал здание в центре города, на Софийской стороне, и за сравнительно недорогую плату. Рассматривали несколько вариантов, но остановились на предложении арендовать дом, расположенный между домом Дворянского собрания и Петербургской улицей, который принадлежал коллежскому советнику В.В. Скобееву. В 1911 году был заключен договор между почтовой конторой и домовладельцем об аренде помещения на три года с оплатой в 450 рублей в год. При этом все переделки в доме должны были проводиться за счет самого Скобеева.

Открыто отделение было 18 апреля 1911 года, о чем сообщал на страницах газеты «Волховский листок» начальник Новгородской почтово-телеграфной конторы А.В. Орлов, сменивший на этой должности Спасоклинского. В новом почтово-телеграфном отделении работали шесть человек: пять чиновников и сторож. Служащие отделения принимали телеграммы, продавали знаки почтовой оплаты, занимались приемом и выдачей всякого рода почтовых отправлений, в том числе и заказных.

В 1910-е годы по всей губернии и в окрестностях Новгорода открывались новые почтовые или почтово-телеграфные отделения. Так, с ходатайством об открытии почтового отделения в Новоселицах обратился командир 87-го Нейшлотского полка, расположенного в Аракчеевских и Бронницких казармах. А в ответ начальнику Шимского почтового отделения на просьбу открыть новый телеграф в Шимске А.В. Орлов сообщал, что осуществление устройства телеграфа возможно было не ранее 1913-1914 годов в порядке общей очереди.

Форменная одежда почтальона
("в дорожном вооружении, с
нагрудною сумкою"). 1885 г. Из книги:
Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России
XVIII – нач. XX вв.
СПб., 1999. С. 295

«РУССКАЯ» ТОПОНИМИЯ В ЮЖНОМ ПРИИЛЬМЕНЬЕ

К югу от озера Ильмень обнаруживается компактное сгущение географических названий с корнем «рус-». Эти географические названия сосредоточены в границах бывшего Старорусского уезда Новгородской губернии или непосредственно у его границ. Одни известны только по письменным памятникам, другие используются по сей день: город *Руса*, или *Старая Русса*, села и деревни *Новая Руса* на р. Мшаге, *Новая Русса* на р. Поле, *Руса-Марев*, *Русье*, река *Порусья*, озеро *Русское* и некоторые другие. Историческим центром Южного Приильмения является город *Старая Русса*, с которого и следует начать обзор южноприильменской «русской» топонимики¹.

Старая Русса имеет славную многовековую историю. Город многократно упоминается в летописях, грамотах, берестяной письменности. Археологические исследования в Старой Руссе еще далеки до завершения. Окончательно не выяснена до сих пор историческая топография города. Возраст выявленных культурных слоев не старше X века². Древнейшее упоминание в Новгородской летописи относится к 1167 году, берестяная грамота № 526 удревает дату минимум на столетие — середина XI века. Город исконно славился как один из крупных центров соледобычи, которая осуществлялась сначала на базе естественного выхода минеральных вод, а с XIII века посредством бурения глубоких скважин. Поэтому первопричину возникновения города небезосновательно видят в появлении соляного промысла. Удобное географическое расположение «города соли» — вблизи торгового Пути «из варяг в греки» — превратило старую Руссу в один из крупнейших городов Новгородской земли. Вместе с тем Старая Русса имела существенное военно-стратегическое значение, прикрывая Новгород с южного направления.

Имя города в древнерусских письменных источниках фигурирует без вариантов — *Руса*, жители называются *рушане*. С XVI столетия постепенно укрепилось название *Старая Русса*. Новгородский краевед и историк И.Н. Вязинин, изучив многочисленные упоминания города в древней письменности, обнаружил, что впервые название *Руса* *Старая* отмечено в связи с событиями 1537 года. В этом году дядя Ивана Грозного Андрей Старицкий, преследуемый московской боярской верхушкой, побегал с небольшим отрядом к Новгороду. Не доходя до Новгорода, беглецы, как повествует летопись, «своротили к Русе Старой», но были схвачены и казнены³. *Руса* названа здесь *Старой* в отличие от двух *Новых*, появившихся к началу XVI века на реках Поле и Мшаге. Со второй четверти XIX века начинается закрепляться написание имени с удвоенной «с»: *Русса* вместо *Руса*. Так, если в официальном Почтовом дорожнике 1824 года неоднократно используется старая форма без

удвоения, то в Военно-Статистическом обозрении Новгородской губернии 1849 года многократно встречается только современное написание топонима — *Старая Русса*⁴. Смена написания была обусловлена некоторыми общими изменениями орфографических норм. В начале XIX века в Россию хлынул поток западноевропейских заимствований, многие из которых содержали удвоенные согласные. Написания с удвоением букв стали представляться более правильными, «современными». Подобная «европеизация» затронула не только нарицательную лексику, но и личные имена (ср. этимологически неоправданное «лл» в *Агафангелл*, *Валлериан*) и топонимию (ср. д. *Спасс* в Подмоскovie вместо *Спас*, рр. *Плюсса*, *Крупна* в Ленинградской и Новгородской областях вместо этимологически правильных *Плюса*, *Круна*, возводимых соответственно к диалектным словам *плюсо*, *плёсо* — «широкое, глубокое место в реке», *крупный* — «мелкий, неглубокий»). Впрочем, полевое обследование местности показало, что жители деревень в окрестностях Старой Руссы и по сей день называют город исконным именем — *Руса*. В современном Окоlorусье на диалекте говорят: «уехадче в Русу», «приехадче с Русы», «живет в Русы», — как и много столетий назад.

Название города издавна привлекало внимание многих из тех, кто интересовался началами древней русской истории, возникновением русской государственности. Внимание это не случайно. Исследователи традиционно исходили из априорного отождествления топонима *Руса* и этнических имен *Русь*, *русский*, как правило, без достаточных на то оснований. Название города истолковывали не само по себе, а использовали обычно в качестве иллюстрации при освещении такой важной, крайне запутанной, идеологически заостренной проблемы, как происхождение термина *Русь*, русского народа и русского государства. Многие века держалась мысль о том, что имена *Русь*, *Россия* обязаны происхождением городу *Руса*, а Южное Приильмие и есть то самое место, «откуда есть пошла Руская земля». В Густинской летописи (XVII в.) по поводу происхождения имени *Русь* в ряду прочих находим такую версию: «от града Русы, лежащего недалеко Великого Новгорода»⁵. В 1634 г. немецкий путешественник Адам Олеарий, назвавший Старую Русу в числе 18 знатнейших городов России, отметил, что от нее, «как некоторые думают, Россия получила свое название»⁶. Подобный взгляд разделяли видные историки прошлого В.Н. Татищев⁷, позднее Д.И. Иловайский⁸. От Татищева пошло расхожее мнение о том, что слово *Старая* в названии *Старая Руса* позволяет считать южноприильменский город предшественником Новгорода (*Нового города*). Однако дальнейшие исторические и археологические разыскания обнаружили, что Старая

Руса младше Новгорода, а слово *Старая* в названии интерпретируется по-другому (см. выше). Связь названия города *Руса* с именем *Русь* как саму собой разумеющуюся признавали и последующие поколения исследователей, но, как правило, с обратным знаком, исходя из вторичности названия города. Крупные историки советского периода (А.Н. Насонов, П.Н. Третьяков, Б.А. Рыбаков), считающие Среднее Поднепровье прародиной Руси и русов, допускали перенос термина *Русь* и топонима *Руса* с юга, с Киевщины. Название поселения *Руса*, полагает А.Н. Насонов, пришло на север вместе с властью киевского (русского) князя⁹. Академик Б.А. Рыбаков отмечает, что «само название города — *Руса* — могло быть связано с исконной *Русью*» (в понимании Рыбакова, — славянской, среднеднепровской), а сам город возник как застава на Пути «из варяг в греки», запиравшая враждебным варяжским отрядам подход к Смоленску и Днепру¹⁰. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что город, хотя он и был речной сетью связан со знаменитым водным путем, находился все-таки в стороне — на Полисти, а не на Ловати, и, следовательно, не мог служить столь же надежным форпостом, замыкавшим варягам движение на юг, как, скажем, смоленское Гнездово или Полоцк. *Руса* изначально стояла на соленых источниках — видимо, соляной промысел и сыграл решающую роль в возникновении поселения.

Известные языковеды тоже не обошли город своим вниманием. Академик А.А. Шахматов, основываясь на сообщениях средневековых арабских и скандинавских источников, тесно увязывает название города *Руса* с деятельностью скандинавов. По его мнению, скандинавы, называемые нередко в летописях *русью* или *русами*, образовали на славянском севере разбойничью колонию. Первоначальным центром колонии был основанный русами город *Holmgardr*, в переводе «Островной город». С данным утверждением следует соотнести сообщение арабских авторов Ибн-Русте, Гардизи и других о том, что «русы живут на острове». «Островным городом» русов вряд ли был Новгород, поскольку само имя Новгорода показывает, что ему предшествовал другой политический центр. «Вероятным представляется, — пишет А.А. Шахматов, — что островным городом, *Holmgardr*, скандинавы называли город, получивший позже (после основания Новгорода) имя Старой Русы». Действительно, в Русе из летописей известен топоним *Остров*, с которым нетрудно связать скандинавское *Holmgardr*; кроме того, здесь имеются и другие «русские» названия: р. *Порусья*, местность *Околорусье*, как будто указывающие на древность освоения русами-скандинавами данной местности и на древность самой Русы¹¹.

Предположение А.А. Шахматова к настоящему времени устарело. В работах современных исследователей *Holmgardr* все-таки отождествляется с Новгородом, чему есть прямые письменные свидетельства, а возникновение названия *Новгород*, сейчас убедительно объясняется безотносительно к названию *Старой Руссы*¹². С локализацией «острова русов» арабских источников остается полная неопределенность, особенно на фоне того, что топоним *Остров* (или даже *Холм*, близкий по значению) не является надежным индикатором местоположения в силу

своей широкой распространенности именно на севере (отметим, что «островная» топонимия найдется и в Новгороде, и в Старой Руссе, и в других местах Новгородской земли).

Однако независимо от сообщений иноязычных источников, порой противоречивых и неопределенных, сама концентрация «русской» топонимии в Южном Приильменье служила для многих языковедов указанием на то, где нужно искать древнейшую Русь. В этом отношении к Шахматову близок А.И. Попов. По его версии, термин *Русь* получил окончательное территориальное приращение в Правобережье Днепра в IX веке, а до этого, киевского периода данный варяжский этноним был, по-видимому, связан с северной областью — около Русы, о чем свидетельствуют топонимия и письменные источники¹³. Г.А. Хабургаев также поддерживает мнение о скандинавском (точнее — западно-финском) происхождении термина *Русь*. Он указывает на полное отсутствие топонимических соответствий термину *Русь* на Киевщине, в то время как «на севере этот термин отразился как в славянских названиях местности (например, *Руса-Старая*), так и в ономастической номенклатуре соседних народов»¹⁴. Приведенные выводы полностью разделяются авторами опубликованной в 1999 году коллективной монографии «Основания регионалистики», в которой подчеркнуто, что Южное Приильменье является, «судя по изобилию и чистоте „русской“ топонимии, одним из наиболее вероятных ареалов первоначального названия „Русь“»¹⁵. Помимо *Руссы*, названия и некоторых других поселений Южного Приильменья, таких как село *Коростынь* на Ильмене, д. *Веряско* на Ловати, рассматриваются в указанной монографии как скандинавские («русские»), указывающие на варяжские опорные пункты на Пути «из варяг в греки».

Название города *Руса* и термин *Русь* этимологически тождественными считает со ссылкой на А.А. Шахматова М. Фасмер, не вдаваясь в подробности этноисторического обоснования¹⁶. С этим мнением согласны и авторы известных топонимических словарей В.П. Нерознак, В.А. Никоненко, Г.П. Смолицкая¹⁷.

Кажущееся очевидным традиционное объяснение топонима *Руса* на базе этнического имени (с тем или иным смысловым наполнением) затрудняло появление альтернативных версий. Этнонимическая трактовка принималась обычно без учета факторов собственно топонимического порядка, на основе общих соображений о происхождении древнерусского народа, о началах древнерусской государственности. Однако признание некоторого названия этнонимом особенно нуждается в солидном обосновании — лингвистическом, культурно-историческом, археологическом. В данном случае вопрос осложнен тем, что сам термин *Русь* трактуется по-разному: известно до полутора десятков его истолкований. «Южная» гипотеза, согласно которой термин зародился в среде самого славянства, пришедшего на Ильмень с юга, недостаточно обоснована лингвистически. Наиболее доказательна в языковом отношении «северная» гипотеза, подкрепленная летописными сведениями о начале Руси: *Русь* (*Ruotsi*) первоначально скандинавские гребцы, дружинники-варяги. Но доподлинно варяжские топонимические и археологические следы в Ста-

рой Руссе и в целом в Околорусье не прослеживаются. Южноприильменские топонимы *Веряско*, *Коростынь*, даже название известной реки *Веряжа* близ Новгорода, нередко предвзято относимые к варяжским, с большей степенью достоверности истолковываются как славянские. Очаги государственности Верхней Руси, по мнению большинства современных археологов и историков (В.Я. Конецкого, Е.Н. Носова, Д.А. Мачинского и др.), находились в Поволховье и в районе Новгорода (Поозерье), а не в Южном Приильменье. Вообще для ловатской группы погребальных сопок, оставленных ильменскими словенями, характерно «отсутствие ярко выраженного местного племенного центра», в отличие от сопок в Нижнем Поволховье и других частях сопочного ареала¹⁸.

Конечно, не все исследователи, обратившиеся к выяснению истоков названия Старой Руссы, находились под «гипнозом» этнонимической трактовки. А.И. Соболевский сближал топоним с соленым источником *Руса*, этимологически связанным, по его мнению, с *русло*, привлекал и реку *Руса* в бывшей Курской губернии¹⁹. В.А. Никонов не исключал образование топонима из гидронима на *-са* с неизвестной основой²⁰. Е.М. Поспелов, основываясь на работах по балтийской гидронимии, прямо соотносит название города *Руса* с латышск. *ruosa* — «узкий луг с ручьем», или иначе «залуженная речная долина»²¹. Подробностей аргументации данное объяснение не содержит. Следует учесть к тому же, что балтийский дифтонг [uo] адаптировался на древнеславянской почве обычно в виде [о], в связи с чем следовало бы ожидать скорее форму *Роса*, а не *Руса* (ср., к примеру, старобелорусск. *кгоба*, белорусск. *габіна*, из литовск. *goba* — «вяз»).

Очевидно, что более основательные трактовки названия *Руса* и в целом южноприильменской «русской» топонимики должны в большей мере учитывать общие закономерности образования географических названий и опираться прежде всего на собственно топонимический ландшафт, то есть на взаимосвязь названий Южного Приильменья с учетом историко- и физико-географических особенностей данного района. И здесь нужно обратиться еще к одной гипотезе, которая сформулирована в полузабытой книге А. Орлова, изданной в 1907 году в Вельске²². В этой книге, содержащей в целом предвзятые, нередко наивные толкования географических названий (абсолютизируются две идеи: все реки и озера в Восточной Европе носят финские названия, все города, племена и местности поименованы по рекам), встречаются подчас тонкие наблюдения и неожиданные находки. В частности, поиски истоков Руси привели А. Орлова в Южное Приильменье. Он верно оценивает взаимосвязь названий озера *Русского*, реки *Порусы*, которая течет из этого озера, города *Старая Русса*, который стоит на *Порусье*, и приходит к следующему заключению: «Можно допустить, что река Порусья в древности называлась Русса; в таком случае озеро называлось Руссо. На нижнем течении этой реки, при впадении ее в Полисту, стоит одно из древнейших русских поселений Русса. Если в глубокую старину река называлась Русса, то, значит, поселение в точности сохранило старинное имя реки»²³. Далее Орлов делает далеко идущие выводы о том, что от

этой реки *Руссы* и пошло славянское название *Русь*, а здешнее население, «отважная горстка славян», стала той «закваской», на которой в дальнейшем поднялось и оформилось огромное русское государство.

Позднее, независимо от А. Орлова, сходная догадка по поводу возникновения топонима *Руса* от возможного гидронима *Руса*, *Русса* была вкратце изложена польскими лингвистами Я. Отрембским и С. Роспондом в связи с проблемой поиска истоков Руси²⁴. Ниже увидим, что она находит исторические, топонимические и археологические подтверждения.

Во-первых, летописные свидетельства. В Воскресенской летописи читаем: «И пришедше словене с Дуная и седище у озера Ладожьскаго, и оттоле прииде и седища около озера Илменя, и прозвашася иным именем, и нарекошася Русь реки ради Руссы, еже впадоша в озеро Илмень; и умножився им, и соделаша град и нарекоша Новград»²⁵. Избегая этноисторической интерпретации приведенного фрагмента, подчеркнем то, что он содержит упоминание о реальной реке, притоке озера Ильмень. В современном Приильменье такой реки нет, из чего следует, что летописная *Русса* сейчас называется другим именем.

Во-вторых, сама форма *Руса*. Она характеризуется простой, непронизной структурой. Такие имена образуются вне собственно топонимических моделей, они типичны для архаической гидронимии, славянской или субстратной; ср. рр. *Щадра*, *Руна*, *Пола*, *Хуба*, *Луга* и т.д. В наименованиях селений они, как правило, появляются перенесенными из гидронимии. Повторение имени водоема в имени близлежащего селения — хорошо известная ономастическая универсалия. Следовательно, гидронимический облик топонима *Руса* позволяет основательно считать его перенесенным с названия водоема, на берегах которого возник город. С этим водоемом мы склонны отождествить реку *Руссу*, известную по летописи.

В-третьих, топонимическим закономерностям соответствуют данные археологии. Так, Э.М. Мурзаев обнаружил, что поселения, возникавшие при слиянии рек, обычно получали имя притока, а не главной реки²⁶. Современная *Старая Русса* раскинулась по берегам двух рек, при впадении Порусьи в Полисть, но археологические раскопы показывают, что древний город, городской центр был расположен на Порусье, а не на Полисти. Вдоль бывшего русла реки Порусьи залегают наиболее мощные культурные слои, по которым прослеживается древнейшая застройка X-XI веков.²⁷ (В настоящее время бывшее русло *Порусьи*, называемое с конца XVIII столетия *Малашкой*, представляет собой заросшую старицу со стоячей водой; сама же *Порусья* впадает в Полисть немного южнее в черте города через канал *Перерытица*, выкопанный не позднее XVII столетия). Таким образом, именно *Порусья*, река бассейна Ловати, когда-то именовалась *Руссой*, давшей название городу.

И конечно, существенное подтверждение тому, что *Порусья* — это *Русса*, находим в гидрографии местности. Река *Порусья* вытекает из озера *Русского*, находящегося в центре огромного Рдейского болота на юго-западе Новгородской области. Название озера обусловлено бывшим именем

реки: здесь *Русское* означает «относящееся к реке *Руссе*», являющейся его истоком. Сообщение летописи о том, что река *Русса* «впадоша в озеро Ильмень» (на самом деле — в Полисть), следует считать ошибкой летописца, плохо представлявшего себе гидрографию Приильмения.

Смена имени реки, вероятно, была вызвана стремлением избежать нежелательной омонимии с именем города. Это произошло не позже XV века. В писцовых книгах 1498 года фигурирует уже современное название: «Погость Воскресеньской на Порусье»²⁸.

Итак, город *Старая Русса* обязан своим названием не этнониму, а гидрониму *Русса*. Сочетание двойных согласных [сс], возможно, этимологически оправданное в гидрониме, сократилось в древнерусском произношении топонима — *Руса* (в XIX веке оно было восстановлено в написании в силу особых причин; см. выше).

Гидроним *Порусья*, в верхнем течении реки — *Порусь*, напротив, обусловлен в конечном итоге названием города. Неудачны попытки вывести его из *Порусье* — вероятного обозначения местности по берегам р. *Руссы*; ср. *Волга* и *Поволжье*, *Мста* и *Помостье* и т.д.²⁹ Метонимические сокращения «местность» — «река» при образовании названий рек и озер нетипичны; само же написание *Порусье*, зафиксированное как имя реки на некоторых старинных планах города, — очевидная описка, повторяемая со времен Генерального межевания; ср. в более раннем источнике начала XVII века: «в реку Полисту пала р. Порусья»³⁰. Вряд ли стоит трактовать имя *Порусья* и как «река, находящаяся за Русой»³¹. Гидроним истолковывается определенно: «река, текущая по *Русе*», причем *Руса* имеет здесь скорее не локальный, а территориальный смысл. После того как город *Руса* превратился в крупный торгово-промышленный центр Южного Приильмения, его имя отразилось в наименовании значительной окрестной территории. В период Новгородской республики вся окрестная провинция стала именоваться *Русой*. Подобного типа переносы («река» — «город» — «прилегающая местность») не редкость в древнерусскую эпоху; к примеру, на р. *Луге* известен город *Луга* и существовала волость *Луга*, особая от Водской земли³²; на Верхней Волге были известны р. *Сижка* — гор. *Сижка* — волость *Сижка*, р. *Туд* — гор. *Туд* — волость *Туд* и др. Территориальное наименование *Руса* неоднократно встречается в новгородской письменности. Так, Иван III, отправившись в 1471 году в поход на Новгород, повелел вначале «пригороды Новгородские в *Русе* повоевати за озером, за Ильмерем, против города»³³, то есть в Южном Приильмении. Область *Руса* лежала с запада на восток приблизительно между реками Полой и Полистью (включая и течение Порусьи), с севера на юг тянулась от озера Ильмень до княжеской волости Буйце.

Известны и другие территориальные обозначения по названию города. В писцовых книгах появляется термин *Околорусье*, так называли местность, непосредственно прилегающую к *Русе*. Шелонская пятина делилась на *Русскую* и *Зарусскую* половины, или *Зарусье*. Добавим к этому, что и озеро Ильмень в Софийской летописи названо *Русским морем*.

Имя города *Русы*, как в зеркале, отразилось в названиях некоторых населенных пунктов Южного Приильмения.

Связано это было с солеварением. На протяжении многих столетий город был знаменит «русским промыслом» — вываркой соли. Как справедливо отмечает И.Н. Вязинин, имя *Руса* и слово *соль* прочно ассоциировались друг с другом³⁴. Развитие промысла вело к открытию новых соленых источников. Возникавшие при них поселения получали названия по главному центру солеварения — *Русе*. Так появились еще до XVI века села и деревни *Новая Руса*, или *Новая Соль* при впадении реки Мшаги в Шелонь, *Новая Руса* в верховьях реки Пола, *Русье* близ юго-западного побережья Ильмения. Древнее село *Марево* (по летописям *Морева*, *Морея*), после обнаружения в нем соленых родников и возведения варниц, стало именоваться рядом *Руса-Морево* или *Морево-Руса*. До сих пор в перечисленных пунктах местное население сберегает память о старинном промысле, кое-где сохранились вещественные остатки: засыпанные деревянными трубами, по которым подавалась соленая вода, обнесенные срубам водосборные колодцы³⁵.

Не все из рассмотренных выше названий «дожили» до наших дней. Постепенное превращение *Русы* (теперь уже *Старой Руссы*) в заштатный городок, исчезновение древних территориальных подразделений, затухание соляного промысла привело к сокращению количества «русской» топонимии в Южном Приильмении. Утратились бывшие территориальные наименования. Из «русских» названий населенных пунктов осталась только деревня *Новая Русса* на реке Поле. *Новая Руса* на Мшаге стала называться по реке, впоследствии распавшись на две близлежащие деревни — *Мшагу Воскресенскую* и *Мшагу Ямскую* (здесь в старину была крупная ямская станция на почтовом тракте из Новгорода во Псков). *Руса-Морево* снова стала *Маревом*. Деревня *Русье* со второй половины XVII века называется *Ручьи*. В данном случае мы предполагаем не переименование, а переосмысление бывшего названия, закрепленное затем в официальном написании. Произношение имени *Русье* очень близко к «цокающему» произношению слова *ручьи*: [руч'йи], кое-где встречающемуся на Новгородчине. Сходство звуковых оболочек позволило «прояснить» через общеизвестное слово смысл названия, ставшего непонятным после забвения «русского промысла».

Вернемся к летописному названию реки *Русса*, стоящему, как выяснилось, во главе угла всей системы «русских» географических имен в Южном Приильмении. Попытки истолковать древний южноприильменский гидроним имели место. А. Орлов, как было указано выше, предвзято считал его финским. Польский языковед Я. Отрембский, придерживаясь, подобно Орлову, гидронимической трактовки термина *Русь*, производя его от имени южноприильменской реки, считал *Руссу* балто-славянским гидронимом. Он возводит его к **Roud-sa*, со значением основы «красная», ср. литовский гидроним *Raudesb.* Сходные мысли позднее высказывал ономаст С. Роспонд с той лишь разницей, что считал форму *Русса* не балто-славянской, а славянской и не исключал также связи с корнем **ru-s* «плыть, течь»³⁶.

Намеченные вскользь предположения польских языковедов по поводу истоков гидронима, на наш взгляд, заслуживают доверия. Их можно дополнить новыми наблюдениями.

Последние исследования по архаической гидронимии показали, что в Южном Приильменье отмечается обилие балтийских названий крупных рек и озер, среди них *Ловать, Полисть, Пола, Полометь, Цевло, Явонь* и др. После работ В.Н. Топорова и Р.А. Агеевой уже основательно доказано, что первыми населили здешние места древние балты, а не финны и не славяне, — балты первыми и дали названия рекам³⁷. Более того, мы обнаружили, что здесь встречается даже архаическая балтийская топонимия: деревни *Цемена, Кневицы* и др. В балтийский гидронимический контекст естественным образом вписывается и гидроним *Русса*, коль скоро тождественные названия рек обнаруживаются в исконно балтийском гидронимическом ареале либо тяготеют к нему. Ср. рр. *Русса*, возможно, *Руза* в Подмоскowie, *Русска* в Верхнем Поднепровье, наряду с прусск. *Russa, Russe, Ruse-moter*, куршск. *Russe, Rosse* и др., перечисленные В.Н. Топоровым, сюда же, вероятно, р. *Русская* в границах бывшей Жомойтской земли, р. *Руса* в бывшей Курской губернии.

Гидронимы типа *Русса* достоверно этимологизируются на балтийской почве. Часть из них, очевидно, следует сблизить с литовск. *ruseti* «течь», *rusnyti* «медленно течь». Но что касается южноприильменской *Руссы*, на наш взгляд, более перспективным окажется сближение с гнездом балтийских слов от корня **rud-/raud-*: литовск. *rudas* «коричневый», *raudonas* «красный», *rausvas* «красноватый», *rusvas* «темно-коричневый», латышск. *rusa* «ржавчина», *rusls* «коричневый». Тогда название *Русса* восходит к **Rud-sa, *Raud-sa* или **Rud-(e)sa, *Raud-(e)sa*; при этом сочетание [ds] изменилось в [ss] (по закону восходящей звучности в слог).

Мы не случайно отдаем предпочтение этимологизации на основе корня **rud-/raud-*, при которой *Русса* истолковывается как «Красная» или «Коричневая река». Нам хорошо известен ландшафт *Руссы-Поруссы*, берущей начало из глухих болот Рдейской Моховщины. В среднем и нижнем течении вода, насыщенная болотной органикой, выглядит летом красно-коричневой или бурой на залитых солнцем многочисленных мелководьях. В реке много красного цвета, который сменяется черным на более глубоких участках. Подобные реки далеко не везде встречаются на Северо-Западе, но они типичны для Южноприильменской низменности. Очевидно, цветовой образ летних мелководий и запечатлели в названии древние поселенцы.

Замечательно, что параллельно этой реке, восточнее на пять-десять километров, из тех же болот течет река *Редья* с такой же гидрологической характеристикой: красная на многочисленных мелководьях. Название ее — *Редья*, в старину *Рдея* (от **rud-*), видимо, тоже балтийское, — создает для *Руссы-Поруссы* определенный гидронимический контекст, обусловленный общностью мотива именования.

В аспекте языка гидроним *Русса*, безусловно, можно считать не только балтийским, но и славянским, и балтославянским, или даже отнести к индоевропейскому гидронимическому слою. Славяне, которые в первом тысячелетии нашей эры незначительно дифференцировались от балтов по языку, знали и **rud-*, и **rus-* (из *ruds-*); ср. русск. *руда, русый*. До сих пор, помимо нового, специализированного значения *русый* — «светлый (о волосах)», у балканских славян сохранилось древнее значение слова: сербск. *рус*, словенск. *rus* — «красный, желтый», которое, надо полагать, было известно и древним славянам, пришедшим к берегам Ильменя. Гидроним *Русса* мог быть понятен, «прозрачен» для славян, вытеснивших или ассимилировавших здешних балтов. Но в этноисторическом аспекте приоритет следует отдать балтам, поскольку в этих местах они оказались раньше.

Подытоживая, отметим следующее. При этнической интерпретации топонимии необходима большая осторожность. Во-первых, сама по себе концентрация однотипных географических названий еще не является основой для этногенетических заключений, она свидетельствует зачастую о так называемых «топонимических миграциях», то есть о переносе готовых названий с одного объекта на другой, что мы и наблюдаем в Южном Приильменье. Во-вторых, следует исходить из того, что тождественные или сходные по форме топонимические элементы могут быть совершенно разны по своему происхождению. Например, элемент *рус-* интерпретируется по-разному: он действительно бывает этническим индикатором (от *Ruotsi*), он может быть балтийским, собственно русским (от *русый*), в исконном прибалтийско-финском ономастическом ареале объясняться на основе соответствующих языков (скажем, в севернорусских названиях *Русома, Русемень*). В любом случае решению задач этногенеза посредством топонимических данных должен предшествовать тщательный анализ собственно топонимии с учетом физико- и историко-географических реалий местности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подобные названия, хотя и в меньшей концентрации, рассеяны по всему Приильменью, в бассейнах рек Волхова и Мсты. В целом в Новгородском крае обнаруживается десятка два «русских» топо-

нимов, но только в Южном Приильменье наблюдается отчетливая взаимообусловленность их возникновения.

² В.Г. Миронова. Итоги и перспективы археологического изучения Старой Руссы //

Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 180–186.

³ И.Н. Вязинин. Старая Русса в истории России. Новгород, 1994. С. 55.

⁴ Почтовый дорожник, или описание всех

- почтовых дорог Российской империи, царства Польского и других присоединенных областей, в 3-х частях. СПб., 1824. С. 299, 349; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. III. Ч. 3: Новгородская губерния. СПб., 1849.
- ⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1843. С. 236.
- ⁶ А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.; издание А.С. Суворина, 1906. С. 148.
- ⁷ В.Н. Татищев. История Российская. Т. I. М.–Л., 1962.
- ⁸ Д.И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М., 1882.
- ⁹ А.Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 40.
- ¹⁰ Б.А. Рыбаков. Мир истории. М., 1984. С. 62.
- ¹¹ А.А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 55–56.
- ¹² О преемственности названий *Holmgård* и *Новгород* см.: Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты. Перевод. Комментарий / Сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон. М., 1987. С. 174–175; Т.Н. Джаксон, А.А. Молчанов. Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // ВИД. XXI. Л., 1990. С. 226–238.
- По поводу происхождения города и названия *Новгород* существует обширная литература. Наиболее предпочтительна версия, согласно которой город стал называться *Новгородом* по отношению к старому городу — Детинцу, укрепленному владычному двору. См, напр.: М.В. Горбаневский, В.Ю. Дукельский. Господин Великий Новгород // Русская речь. 1984. № 2. С. 116–120; Е.Н. Носов. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 193; В.Л. Янин. Древнее славянство и археология Новгорода // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 37–65.
- Краткий обзор существующих версий и литературу см. также: А.Л. Шилов. Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999. С. 7–15.
- ¹³ А.И. Попов. Названия народов СССР. Л., 1973. С. 59.
- ¹⁴ Г.А. Хабургаев. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979. С. 219.
- ¹⁵ Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. СПб., 1999. С. 316.
- ¹⁶ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987. С. 519–520.
- ¹⁷ В.П. Нерознак. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 161–162; В.А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 394; Г.П. Смолицкая. Топонимический словарь Центральной России // Русская речь. 1999. № 4. С. 87–88.
- ¹⁸ Н.И. Петров. Поволхове и ильменское Поозерье в IX–X вв. СПб., 1996. С. 8.
- ¹⁹ М. Фасмер. Указ. соч. Т. 3. С. 520.
- ²⁰ В.А. Никонов. Указ. соч. С. 394.
- ²¹ Е.М. Поспелов. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. М., 1999. С. 171.
- ²² А. Орлов. Происхождение названий русских и некоторых западно-европейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907.
- ²³ Там же. С. 374.
- ²⁴ J. Otrębski. Rusü // *Lingua posnaniensis*. T. VIII. 1960. S.219–227; St. Rospond. Pochodzenie nazwy Rusü // *Rocznik Slawistyczny*. T. XXXVIII/ Cz. I. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1977. С. 35–50; Он же: *Miscellanea Onomastica Rossica* // Восточнославянская ономастика. Материалы и исследования. М., 1979. С. 47.
- ²⁵ Воскресенская летопись. Рязань, 1998. С. 353–354.
- ²⁶ Э.М. Мурзаев. Речные имена в исторической и современной географии // Топонимия России. М., 1993. С. 49.
- ²⁷ В.Г. Миронова. Итоги и перспективы археологического изучения Старой Руссы... С. 182–184.
- ²⁸ Новгородские писцовые книги. Т. 5. СПб., 1905. С. 51.
- ²⁹ А. Орлов. Указ. соч. С. 374; J. Otrębski. Указ. соч. С. 222.
- ³⁰ Книга Большому Чертежу / Подг. и ред. К.Н. Сербиной. М.–Л., 1950. С. 155.
- ³¹ Г.П. Смолицкая. Указ. соч. С. 87–88.
- ³² А.Н. Насонов. Указ. соч. С. 120.
- ³³ Полное собрание русских летописей. Т. VI. С. 8.
- ³⁴ И.Н. Вязинин. Указ. соч. С. 88.
- ³⁵ Там же. С. 88, 302.
- ³⁶ С. Роспонд. *Miscellanea Onomastica Rossica*... С. 46–47.
- ³⁷ В.Н. Топоров. Балтийский элемент в Новгородско-Псковском ареале (общий взгляд) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 276–292; Р.А. Агеева. Проблемы межрегионального исследования топонимии балтийского происхождения на восточнославянской территории // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. С. 140–150; Она же. Гидронимия Русского Северо-Запада... С. 185–208.

Геннадий КОВАЛЕНКО

ШВЕДЫ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Читая описания путешествий, дневники, путевые заметки и письма шведов, побывавших в России, можно составить представление о том, что думали шведы о своем восточном соседе. Такие источники появляются в Швеции в XVI веке, а в XVII–XVIII веках счет им идет уже на десятки. Русские люди стали путешествовать по Швеции и записывать свои впечатления о северном соседе только в XIX веке, когда на фоне бурного роста европейских связей и русских, и шведов их взаимный интерес по сравнению с предшествующим периодом уменьшился¹.

Но не следует забывать о том, что образ Швеции и шведов, который начал складываться у россиян в более раннюю эпоху, был запечатлен в исторической памяти народа, в русском фольклоре — в исторических преданиях и песнях, которые являются продуктами художественного освоения исторических событий и действий исторических лиц.

К числу таких лиц принадлежит легендарный Рюрик, который согласно «Повести временных лет», в 862 году был приглашен новгородцами на княжение. В предании, записанном Е.В. Барсовым в Медвежьегорском районе Карелии, он фигурирует как Юрик-новосел из северной стороны, поселившийся сначала в Ладоге, а затем заключивший договор с новгородцами и переехавший в Новгород. Здесь он прожил несколько лет, и новгородцы полюбили его за веселый нрав и хороший разум. Запомнился он новгородцам еще и тем, что, повышая дань с половины беличьего хвоста до целой шкуры, положил начало традиции постоянного увеличения налогов, которой следовали все русские правители до Петра и после него. В целом же в Олонецком крае и в Новгороде Рюрика запомнили как «домового» хозяина.

Наряду с Рюриком, одним из немногих шведов, память о которых сохранилась в русском фольклоре, был Якоб Делагарди, который в соответствии с условиями Выборгского договора 1609 года был направлен в Россию для оказания помощи правительству В. Шуйского в борьбе с польско-литовскими отрядами. В исторических песнях и прозе он оставил след, прежде всего, как соратник «оберегателя мира крещеного», талантливого русского полководца М.В. Скопина-Шуйского, который был послан в Новгород для ведения переговоров со шведами. Вот как рассказывает об этом песня «Михайло Скопин»:

Как и будет Скопин во Новеграде,

*И берет он бумагу белую,
Писал ерлыки скорописчаты
Во Свицкую землю Саксонскую,
Ко любимому брату названому,*

Ко свицкому Королю Карлусу:

*А ты свицкой король Карлус!
А и смилуйся, смилосердися
Смилосердися, покажи милость,
А и дай мне силы на подмочь.*

*А честной король, честны Карлусы
Показал ему милость великую,
Отправляет силы со трех земель*

*Того ратного люду ученого,
А не много не мало — сорок тысячей.
Прибыла сила во Новгород,
А из Новгорода в каменну Москву.*

В этих словах отразились два важных обстоятельства. Во-первых, то, что шведы пришли в Россию как союзники по просьбе законного правительства. Во-вторых, то, что в армия Делагарди, состоявшая из профессионалов различ-

Якоб Делагарди в Новгороде. Миниатюра из рукописи XVIII века. РНБ

ных национальностей, представляла квалифицированную и грозную боевую силу.

В марте 1610 года Скопин-Шуйский вместе с Делагарди снял блокаду Москвы. Однако вскоре он внезапно заболел и умер. Делагарди, как и многие москвичи, считал, что Скопин был отравлен. Узнав о его болезни, он послал к нему своих врачей и искренне оплакал его кончину. «Пошел со двора горько плача и захлебываясь от слез, говорил: “Люди московские! Уже не увидать мне больше такого государя не только на Руси вашей, но и в моей Немецкой земле, даже и среди королей”».

Скопин и Делагарди как бы олицетворяли союз России

¹ См.: Чернышова О. Шведский характер в русском восприятии. М., 2000; Кан А. Швеция глазами русских путешественников (1817–1917) // НИИ. 1983. №4; Кан А. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 291.

и Швеции. Смерть Скопина означала конец союза. Шведы, воевавшие на стороне Скопина, выступили против русских, взяли Новгород «и в Новгороде заперлися, и многой мир-народ погубили, и в Латинскую землю превратили».

Сохранился в народной памяти и образ Карла XII — прежде всего, как достойного соперника, который в чем-то был схож с Петром I, так что однажды казаки даже перепутали его со шведским королем. «Карло был широкий, росту среднего, плечистый, настоящий был воин, да на война попал: Петр Первый ему не уступал». В кантах XVIII века их противоборство изображается как столкновение двух сильных противников — шведского льва и русского орла. В песне «Русский сон» шведский король предстает в образе черного ворона, а русский царь в образе сизого орла.

Интересно, что в северных преданиях был запечатлен такой эпизод из биографии шведского короля, как «кабала-лик (стычка) в Бендерах», когда он, отказавшись покинуть Бендеры, сражался с турецкими янычарами. Правда, место действия перенесено в Англию: «Карло не знал, куда деться, и убежал в Англию. И пишет туда Петр Первый: Выслать оттуда Карлу! — Как стали его оттуда посылать, вынуждать к езде, он трех человек своими руками убил». Когда царь узнал об этом, то усмехнулся и сказал: «Ах, Карло, Карло, где ни ходит, а везде воюет».

Историческая память народа избирательна, поэтому фольклор, как и летописи, фиксирует, как правило, какие-то необычайные события. Не случайно русские былины, песни шотландских бардов, скандинавские саги, испанские и итальянские кантаты воспевают борьбу с соседями. Вооруженное противоборство с соседями всегда находило своих певцов и, облеченное в поэтические формы, передавалось из поколения в поколение в народной памяти.

В русском фольклоре к их числу относятся военные столкновения так называемого «новгородского периода борьбы» XII–XV веков. Как отметил А.В. Елисеев, следы «народных воспоминаний» об этом периоде следует искать «в местностях, служивших или ареною для борьбы, или бывших более или менее заинтересованными ею. Такими являются губернии Олонецкая, Санкт-Петербургская и Новгородская». К их числу относятся предания о шведах, превращенных в камни и об их истреблении чудотворной силой, воспоминания о набегах чуди, шведов и финнов, о местах их погребения (могилицах и курганах), в которых скрыты несметные сокровища.

Обращает на себя внимание тот факт, что, в целом, воспоминаний о борьбе со шведами от новгородского периода на Северо-Западе сохранилось сравнительно мало. А.В. Елисеев объясняет это тем, что «в Ингрии, этой бедной и угрюмой стране не было вовсе удобной почвы для развития народных преданий». Кроме того, «постоянные войны в бассейне Невы, Чудского озера и Волхова... постоянно сметали жителей с их насиженных мест, разоряли и истребляли и без того бедное и редкое население... Под Петербургом и далеко по всем его окрестностям скопилось множество разношерстного пришлого люда, который, смешавшись с аборигенами финского происхождения, дал то смешанное население, которое мы встречаем в прежней Ингрии. Понятно, что при таких условиях невозможно было сохраниться даже тем немногим преданиям, какие до сих пор жили в этих странах».

«Несколько более, хотя тоже очень немного, осталось воспоминаний в Новгородской земле. Отчасти такую бед-

ность историческими преданиями можно объяснить тем, что новгородцы почти всегда были нападающими, а не защищающимися. Только в редких случаях, как, например, в 1310 году, шведы и финны простирали свои набеги до окрестностей Новгорода, но в большинстве случаев их вторжения до Смутного времени не заходили так далеко, а ограничивались только набегами на карелов и на города, находившиеся в Карелии и по берегам Ладоги и Финского

Предатель открывает шведам Чудинцовские ворота Новгорода. Миниатюра из рукописи XVIII века. РНБ

залива, как, например, на Корелу, Копорье, Ям, Орехов, Ладогу, Тиверский городок. Набеги эти оканчивались или отбитием шведов, или взятием и разрушением городов, за которыми следовало их возвращение и возобновление».

Из событий начала XVII века в народной памяти запечатлелись, главным образом, набеги поляков, или «панов», которых по приказу Маринки (Марины Мнишек) возили в Москву в бочках. Из Москвы они «бежали куда глаза глядят, часть добежали до Выгозера, поселились на одном острове и стали грабить народ». В данном случае речь идет о польско-литовских отрядах Барышпольца и Сидора, которые после разгрома польских войск под Москвой, пришли в Новгородские земли и поступили на службу к шведам. Осенью 1613 года они двинулись через Заонежье к Белому морю. Они воевали на стороне шведов, поэтому в народных преданиях их иногда смешивают со шведами. Так под Повенцом был записан вариант былины о набеге литовцев, в котором «политовским» королем был король Карла.

Несмотря на то, что шведское военное присутствие на Северо-Западе Русского государства (в Новгородских землях) продолжалось почти восемь лет, наиболее отрицательных характеристик удостоились все-таки поляки («гордые и гневливые ляхи», «очень злые поляки», «литва», «литовские паны»), которые были здесь около двух лет.

В преданиях, записанных в Медвежьегорском районе, рассказывается о том, как поляки, узнав, что в деревне Челмухи живет мать Михаила Федоровича Марфа Романова, «то место копали, хотели подкоп под Челмуху сделать, взорвать Челмуху то...»; а также о том, как литовские паны приходили на Семчезеро «с умыслом убить жителей и захватить имущество».

В кемском предании рассказано, как в деревне Гридино «паны порубили народ, сожгли строения, а колокол утопили в море, а самую красивую девушку подвязали под колокол. Девушка погибла».

В то время как поляки остались в народной памяти «простой разбойниками», которые «грабили все», шведы предстают все-таки в несколько ином качестве. В одном из преданий о них сказано: «Красавчики шведы, одетые нарядно, шли в Панозеро». Конечно, шведы были интервентами и вели себя соответствующим образом: «брали мелочи, забирали имущество, били, издевались всячески», «людей убили, коров убили», «согнали в церковь сорок карел и зарезали». Они брали налоги «скотом, маслом, шерстью. Кто не мог выплатить, так били, издевались», но все-таки они действуют как регулярная армия, а не разбойничья шайка.

Отметим также, что противоборство России и Швеции нигде не изображается как конфессиональный конфликт², в то время как о поляках сказано, что они «хотели Россией обладать и православие в ересь изложить».

Шведская интервенция начала XVII века получила отражение в муезерских преданиях о карельских крестьянах Роккачу, отражавших набеги шведов-руочии, и Ворне, который «в ответ на набеги шведов мстил им, преследуя до самого Оулу, убивая и сжигая их поселения; а также в псковском предании о нападении Густава Адольфа на Псков и в сказании о битве под Бронницами, в которой Делагарди разбил отряд Трубецкого, который шел на освобождение Новгородской земли.

Русско-шведская война 1656–1658 годов запечатлелась в народной памяти осадой Риги, которая не принесла славы русскому оружию. Обращаясь к царю, «солдаты новобранные» говорят: «Уж и так нам-де Рига наскучила, она скучила нам, Рига, напрокучила: много холоду-голоду приняли». На это царь отвечает им: «Не одним вам Рига та наскучила, самому мне государю, напроскучила».

Северная война, осталась в мнении народном как брань-война за спорные территории. Предание о встрече Петра I с Карлом XII на Ладожском озере начинается описанием привольного и богатого северного края, который полюбился как шведскому королю, так и русскому царю. Петр предстает не только былинным богатырем, но и повелителем моря и ветра. Он не вступает в вооруженную борьбу со шведами, а трубит в золотой рожок, и по его зову ветры собираются в тучу и начинается буря: «Пошел тут первый вал, приподнял стоймя лодки свои, а второй вал понакренил их, а третий захлестнул на век начальников».

В рассказе об уральском казаке Рыжечке война началась из-за того, что русский царь задумал отнять у шведов «несколько губерний чухонских, а им это за досаду и за великую грубу стало. Вот из-за этого-то самого дела они и дрались сряду не на живот, а на смерть».

В песне «Шереметев и Шлипенбах» рассказывается о победе русских войск под командованием Б.П. Шереметева при Красной Мызе в 1702 году:

*Не две грозные тучи на небе всходили:
Сражались два войска тут большие,
Что Московское войско со Шведским*

.....
Как расплачутся тут Шведские солдаты,

*Во слезах они чуть слово промолвят:
«Лихая де Московская пехота;
На вылазку часто выступает
И тем нас жестоко побуждает!»*

В октябре 1702 года русские войска отчаянным штурмом взяли Нотебург — старинную русскую крепость Орешек, которая 90 лет находилась в руках шведов. Расположенная на острове в истоке Невы, она считалась очень надежной, даже неприступной. Почти полторы тысячи солдат полегло под ее стенами. В песне о взятии этой крепости говорится о том, что русские солдаты, несмотря на все трудности, «победили силу шведскую, полонили город надобной», то есть взяли важный стратегический объект. Неслучайно Петр I переименовал ее в Шлиссельбург, то есть «Ключ-город».

Центральным событием Северной войны стала «Полтавская баталия», «Полтавское дело», в которой «смешалась шведская сила; распахана шведская пашня солдатской белой грудью; орана шведская пашня солдатскими ногами; боронена шведская пашня солдатскими головами, поливана пашня горячей солдатской кровью».

О победах русского оружия в Полтавской битве говорят пословицы:

- Погиб, как швед под Полтавой. —
- Петр со славой дрался под Полтавой. —
- Было дело под Полтавой. —

В одном из преданий произошло совмещение разных хронологических пластов: польско-литовской интервенции начала XVII века, Северной войны и походов Суворова. Рассказчик говорил, что речь идет о битве «под Платавой» с Литвой, войском которой предводительствовал Мазепа, а у Петра I — Суворов.

В XIX веке под Лугой было записано предание, в котором события Северной войны запечатлелись иносказательно в сказочной форме. Оно рассказывает о том, как швед и русский сватались к одной красавице, которая сказала, что пойдет замуж за того, кто сумеет овладеть ею. Швед при помощи колдуна-чухны овладел девушкой и повез ее к себе на родину. Но русский догнал его, избил, забрал невесту, а колдуна утопил в море.

За этим традиционным сюжетом о сватовстве двух соперников отчетливо проступает метафоризированная борьба русских со шведами и финнами за овладение побережьем Финского залива. Присутствие финна-колдуна не лишено этнографического значения. Для наших предков Финляндия была страной колдунов и волшебников, которые умели вызывать бурю, наводить мрак на солнце, заклинать вражеское оружие.

Исторические песни отмечают довольно гуманное отношение шведов к русским пленным. Так в одной из них Левенгаупт предлагает взятому в плен казаку Краснощек-ву «послужить шведскому царю хоть три года», на что, конечно, следует решительный отказ. В другой казацки полковники сидят за одним столом с Карлом XII. Такая картина соответствовала действительности. Источники не зафиксировали фактов жестокого обращения шведов с русскими пленными. Напротив, известен факт, что во время русско-шведской войны 1788–1790 годов, Густав III хотел послать пленных русских гардемаринов учиться в Упсальском университете, но не смог сделать этого, так как они не знали языка.

Если в песнях и преданиях о Северной войне шведам противостоит Петр I, то в исторических песнях о после-

² Только в сербских былинах («Юнацких песнях»), воспевающих Петра I, Карл XII назван еретиком. (Киреевский. М., 1870. С. 266).

петровской эпохе положительным героем предстают русские солдаты и любимые ими военачальники.

Так в солдатской песне о русско-шведской войне 1741–1743 годов показана беспомощность Елизаветы Петровны перед шведами, которые требуют возвратить им утраченные в результате Северной войны Ригу, Ревель и Нарву. Отповедь шведам дает не императрица, которая «убоялась того», а русские генералы-патриоты Потемкин и Румянцев, которые действовали уже в более позднюю эпоху. В другом варианте генералы и фельдмаршалы также пребывают в нерешительности, в то время как донской казак и солдат обещают императрице встретить «короля шведского на Тюмени (Кюмени) быстрой реке» и дать ему достойный отпор.

Своего рода общий итог русско-шведским войнам и вооруженным конфликтам подводит историческая песня, в которой дана обобщенная картина войн:

*Собирался-то большой барин
Он со всем ли войском со Российским,
Что на Шведску на границу.
Не дошедши он границы становился,
Становился в чистом поле при долине,
Российским войском изуставил,
Российскими знаменами поле изукрасил.
Как увидел шведский король:
Чтой-то в полевое за люди.
Не торгом они приехали торговати,
Или нашего городу глядети.*

*Сходилися тут двои силы:
Что шибкие громы гремели,
Что нелюты звери проревели,
Прогремели чугунные ядры.
Что между их протекли реки,
Протекли реки, реки кровавые,
Что и силы полегло, что и сметы нету.*

В этой песне нет ни победителей, ни побежденных, есть лишь реки крови, пролитой с обеих сторон, и сожаление о жертвах. В то же время в ней есть свидетельство того, что в истории русско-шведских отношений были не только войны, но и торговля и взаимный интерес.

Не будет большим прегрешением против истины сказать, что во всей Европе не очень любили соседей, особенно тех, с которыми приходилось вести продолжительные войны. Но все-таки восприятие этих соседей было различным. Если в XVII веке в Польше укрепляется стереотип шведа как свирепого солдафона и грабителя, разрушителя костелов и насильника³, то у русских людей впечатление от общения со шведами было более благоприятным. Шве-

ды в русском фольклоре — это не только давние противники и соперники, но и торговые партнеры, к которым «Новгород протоптал дорожечку», и даже союзники.

Что же касается шведского фольклора, то, как отметил А.В. Елисеев, «несмотря на семисотлетнюю борьбу с русскими у шведов осталось слишком немного собственно народных воспоминаний об этой многовековой вражде. В продолжении всего этого периода шведам приходилось воевать с русскими вне своей родины, кроме того, не слишком большой процент возвращавшихся из трудного похода на Новгородскую землю и в Московию на родину не

Осада Тихвина шведскими войсками.
Миниатюра из рукописи XVIII века. Библиотека
Хельсинкского университета

особенно благоприятствовал возникновению среди шведского народа произведений, которые бы изображали в народном духе и без того непопулярные исторические факты. Поэтическое творчество шведского народа воспело своих любимых героев, но мы не можем указать ни на одного из них, в характеристике которого сказался бы народный взгляд на древнюю борьбу с русскими».

³ См.: Тазбир Януш. Селедка вместо головы. Польский стереотип шведа // Родина. 1999. № 12. С. 118–121.

ЛИТЕРАТУРА

1. Песни, собранные А.В. Киреевским. Вып.8. М., 1870.
2. Северные предания. Л., 1978.
3. Русские исторические песни. М., 1985.
4. Исторические песни. Баллады. М., 1986.
5. Народная проза. М., 1992.
6. Елисеев А.В. Борьба Новгорода со шведами и финнами по народным сказаниям // Древняя и новая Россия. XVIII. СПб., 1880.
7. Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 1941.
8. Жигулев А.М. Исторические события в русских народных пословицах // Вопросы истории. 1961. № 5. С. 211–217.

«В НОВГОРОДЕ ОСТАЕТСЯ МНЕ ПРОБЫТЬ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ...»

Эта книга попала ко мне в руки благодаря моему интересу к усадебной дворянской культуре. Читая различные статьи об усадебных библиотеках, я не раз встречала в ссылках упоминание книги С.Р. Минцлова «За мертвыми душами». Уже само ее название как бы отсылает нас к гоголевским «Мертвым душам». И действительно, это такое же, как и у Гоголя, путешествие по усадебной России, рисующее нам типы провинциального дворянства начала XX века. Правда, предпринято оно было автором не в поисках «мертвых душ», а в поисках «мертвых друзей», как называл книги еще Кантемир, а за ним и Пушкин. Тень великого Гоголя, витая над страницами книги Минцлова, являет нам современных автору Плюшкиных, Коробочек, Ноздревых, Собакевичей. Но своеобразность произведения Минцлова в том, что пошлость и бездуховность его персонажей проявляется в особом историко-культурном и нравственном контексте — через отношение к ценностям культуры и книгам прежде всего. Для владельцев обветшавших имений остатки фамильных библиотек лишь обуза. С полнейшим равнодушием они взирают на эти некогда будившие у их предков мысли и чувства, вызывающие слезы восторга фоллианты, удивляясь, что кого-то они еще могут интересовать. Но

все чаще на пути автора — и это примета XX века — встречаются иные типы: хваткие нувориши и купцы, разбогатевшие и скупающие имения на корню со всем «хламом». Для них книги, коллекции, старая мебель — прежде всего товар, за который не грех слупить побольше с проезжего простака, надув его при случае. С большим юмором описывает автор картинку этой торговли. Вообще, весь роман его пронизан смехом, искорками юмора, ироническим отношением к целой череде колоритных типов, каждый из которых обладает своим характером, речью, повадками и манерами. Роман точно передает и книжную жизнь уездной России начала XX века, что находит подтверждение как в документальных источниках, так и в художествен-

ных произведениях того времени, рассказах А.Н. Толстого и И.А. Бунина. И хотя Минцлов так же, как и Бунин, с горечью смотрит на упадок некогда великой усадебной дворянской культуры, ему все-таки не свойственна бунинская ностальгия по прошлому, взгляд его трезво-иронический, он видит, что прежняя культура рушится, возврата к прошлому нет, но деятельно, своими усилиями, пытается спасти то, что еще осталось, то, что еще можно спасти.

Чтение этой книги, которую автор скромно назвал очер-

ками, несомненно, является пиршеством для каждого любителя чтения, для библиофила и собирателя библиотек. И эту книгу следовало бы назвать не очерком, а библиофильским романом, широко и с размахом, самобытно и талантливо рисующим нам картины русской жизни начала XX века.

Роман С.Р. Минцлова послужил для меня точкой отсчета, с которой началось мое знакомство с этой полузабытой, известной лишь в узких библиографических кругах удивительной личностью.

Знакомство это было тем более своевременным, что 2000 год является для С.Р. Минцлова юбилейным. 13 января исполнилось 130 лет со дня его рождения.

Сергей Рудольфович, родившийся в семье потомственных

интеллигентов, воспринял «родовую» любовь к книге от своего деда, выходца их Кенигсберга, Рудольфа Ивановича Минцлова — крупного историка, библиографа, библиофила, знатока и собирателя старопечатной, в основном западноевропейской книги, сотрудника Императорской Публичной библиотеки в Петербурге. Он был создателем первого путеводителя по ее фондам (СПб., 1872), автором увлекательного очерка «Книжная келья XV в. Сон наяву», создателем фундаментального библиографического указателя «Петр Великий в иностранной литературе» (СПб., 1872) и других работ, сведения о которых можно почерпнуть в родословной Минцловых, опубликованной в книге: «Книгохранилище Сергея Минцлова» (СПб., 1913. С. V–XIV).

Сергей Рудольфович Минцлов

Кроме того, Р.И. Минцлов был одним из создателей прекрасного по замыслу и исполнению стилизованного под средневековые книжные кельи так называемого «кабинета инкунабулов» Императорской Публичной библиотеки (ныне «кабинет Фауста» РНБ).

Отец Минцлова — Рудольф Рудольфович — закончил курс Императорского Петербургского лицея, начал карьеру судебного следователя, а затем был назначен членом рязанского окружного суда. Он, хоть и не был напрямую связан с книжным делом, принимал горячее участие в союзе русских писателей, во многих обществах и имел обширную библиотеку. Когда Рудольф Рудольфович, перейдя в адвокатуру, переехал в Москву, в его доме собирались не только правоведы, но и литераторы. Вот воспоминания А.Д. Амова, однокашника С.Р. Минцлова: «По субботам у Минцлова-отца собирался, так сказать, весь прогрессивный цвет Москвы: постоянно бывали С.А. Муромцев, И.И. Янжул, Н.И. Кареев, А.Н. Веселовский, Танеев, композитор Мельгунов, И.Е. Ададуров, князь Урусов и другие блестящие адвокаты, писатели и ученые. В огромном кабинете и столовой, которых стены сплошь закрывали полки с книгами, велись бурные «красные» дебаты, гремели речи и прочее. Мы, юнкера, скромно держались в стороне на этих вечерах и слушали. Минцлов-сын хмурился и через час-другой уводил нас в свою комнату. «Все фразы, фразы и фразы!» — с сердцем говорил он, поплотнее прикрывая дверь. Он был прав: ума и блеску было у именитых москвичей много, а фразами они красовались еще более!» Неугомимо работал Рудольф Рудольфович и на поприще науки, сотрудничая с «Русскими ведомостями», «Юридическим вестником», именно там вышел ряд его фундаментальных исследований по юридическим вопросам, обративших на себя внимание и за границей. Кроме того, он участвовал в работе над Энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона.

Сергею Рудольфовичу Минцлову, родившемуся в Рязани в 1870 году, предназначалась первоначально военная карьера. Учился он в Нижегородском кадетском корпусе, затем перешел в Московское Александровское училище, в котором в 80-е годы читали лекции лучшие профессора Московского университета. Историю русской литературы, в частности, читал Ф.И. Буслаев. Амов в своих воспоминаниях так рисует личностные черты Минцлова и круг, уже в то время, литературных и библиофильских интересов его: «Другого такого кипучего и всегда жизнерадостного человека я не знаю; второе свойство, резко отличавшее его от окружающих, — поразительная любовь к природе... Учиться он не любил, да и что греха таить, учили нас скучно и неинтересно: Минцлов даже не прочитывал, а, благодаря громадной памяти, наскоро проглядывая учебники, набирался из них знаний на балл «душевного спокойствия», на шестерку, и этим ограничивался. Читал он зато много и читал запоем. Едва в воздухе начинала чувствоваться весна, Минцлов превращался в мученика. Как птицу из клетки, его тянуло в заволжские дали, видные нам из корпуса, и в огромные леса, окружающие Нижний. И как только несколько просыхала земля, Минцлов все свободное время проводил на Волге, на Оке, в

лесах и даже ночевал, где приведет Бог: в кустах, в оврагах, на берегу реки под лодкой. Возвращался он загорелый с обветренным лицом, а зачастую и порядком изодраный, полный восторгов и впечатлений...

Особенно дружил Минцлов с Дмитриевским... со Степановым, Серым, Адамовым, Муратовым и Мошковым — все будущие литераторы. Организатором и душой нашего кадетского литературного кружка был Минцлов; в нем было что-то притягивающее к нему, какой-то особый такт и душевная чуткость.

...Еще в Нижнем он стал понемногу собирать книги; с переездом в Москву он окончательно увлекся этим делом уже на всю жизнь. Правда денег в его распоряжении было немного... но в то время книги в первопрестольной, а тем более на Сухаревке, были дешевы... Имея полную возможность остаться в Москве и сделать, благодаря огромным связям отца, блестящую карьеру при штабе, Минцлов вышел по окончании училища в скромный Уфимский полк в Вильну, его тянули к себе развалины замков и дремучие леса Литвы, древней колыбели его предков, и он исколесил ее пешком вдвоем с обожавшим его денщиком... Из Вильны он перевелся на Кавказ, и несколько лет провел там, отдавая все время путешествиям. На Кавказе он расстался с военным мундиром, и с тех пор началась его непрерывно-кочевая жизнь, во время которой он изъездил и исходил всю Россию. Еще в корпусе Минцлов начал увлекаться историей и археологией, а по отъезде на Кавказ посвятил им себя окончательно. Помимо литературы и исторических исследований, Минцлов много себя отдавал сцене... Много было отпущено от Бога этому человеку, только свыше забыли его снабдить честолюбием и даром пролазничества, столь необходимым в наши времена».

Воспоминания самого Минцлова под названием «В таможенном мире» рисуют нам яркие картины пребывания его в Литве. «Солнечные лучи и базарный гомон разбудили меня. Я вскочил и взглянул в окно; прямо посреди площади белела православная церковь; кругом нее, словно раки в мешке, шевелилась пестрая толпа, везде виднелись возы и передвижные лавочки; кричали люди, гуси, куры, визжали поросята, словом, была обычная картина базара. Только участники его имели совсем не обычный вид: толпа сплошь состояла из бритолицых, рослых жмудинов, в их оригинальных коротких куртках из серого и белого грубого сукна; платья и головные уборы жмудинок тоже резко отличались от русских; среди них шмыгали юркие черноволосые евреи, торговались еврейки, и только кое-где попадались глазу русские люди — кухарки и солдаты пограничной стражи.

Я надел форменный сюртук с зелеными в те времена кантами, воткнул с боку шпагу, употребляющуюся обычно потом для мешания углей в самоварной трубе, захватил в карман документы и отправился знакомиться с городом. Таможня оказалась находящейся на той же площади, наискосок от гостиницы; я узнал ее по щиту с гербом и надписью, приколоченному у подъезда. Таможня, как и единственная гостиница, занимала двухэтажный

каменный дом ... остальные домики, кроме аптеки, были деревянные... Вымощены были, слава Богу, только площадь да спуск к реке: по остальным узким и извилистым улочкам ходить и ездить можно было безопасно. Неподалеку на одной из улиц виднелась высокая, прочная стена из неотесанных валунов; из-за нее вставало мрачное здание костела; старый фруктовый сад окружал его с трех сторон. Городок, или по официальному — местечко, кончался сейчас же за костелом; косая, изрытая улица превращалась за ним в прекрасную широкую дорогу, обсаженную старыми развесистыми деревьями... Скоро домики сменились лугами и лесами. Я спросил у первого встречного, куда ведет дорога и получил ответ, что к замку графа Тышкевича... Замок уже глядел на меня своими зеркальными окнами, вьющиеся растения и густая зелень подстриженных деревьев закрывали его стены; я посмотрел сквозь высокую железную решетку на великолепно содержимый сад, на «замок»... и медленно пошел обратно». По-видимому, как впечатления от жизни в Литве и от путешествий по Польше, которые отражены в его путевых заметках под названием «В прошлых веках», так и внимательное изучение документальных исторических материалов легли в основу его художественных произведений — романов: «В лесах Литвы» (о борьбе прибалтийских народов с крестоносцами) и «Орлиный взлет». Первый опубликован в начале XX века, а второй увидел свет в рижском издательстве в 1932 году, получив при этом премию на литературном конкурсе в честь Витольда Великого. Вообще художественное, беллетристическое наследие Минцлова включает в себя более двух десятков повестей, рассказов, романов, среди них «В грозу» (о преобразованиях Петра I), «На заре семнадцатого века» (о Смутном времени). Он писал стихи, драматические произведения, бытовые комедии, с успехом шедшие в провинции, статьи, очерки, путевые заметки, автобиографические рассказы — всего более 60 названий. Был у него даже фантастический роман на манер Жюль Верна «Царь Царей». До революции в 1910 году вышло его четырехтомное собрание сочинений. Конечно, он не был писателем первого плана и свои романы адресовал в основном юношеству, но и взрослым, по свидетельству Амова, они были небезынтересны. И очень жаль, что как беллетрист он ныне забыт совершенно. В качестве одного из примеров его художественной прозы, кроме уже упоминаемых «За мертвыми душами», из доступного новгородскому читателю можно назвать рассказ «Злоумышленные голуби», напечатанный в книжке «Исторического вестника».

Ныне же С.Р. Минцлов известен кругу узких специалистов прежде всего как видный собиратель и знаток книг, крупный библиограф, составивший библиографические труды и до сих пор имеющие непреходящее значение. Книжки, с которыми Минцлов внимательно и углубленно общался, помогли ему стать подлинным исследователем и глубоким их знатоком. Парвда, и специальное образование ему, увлекающемуся историей и древностями, удалось получить. В 1895 году он закончил Нижегородский археологический институт. П. Пильский, автор вышедшего в Риге

очерка о жизни, личности и трудах Минцлова, писал: «Две биографии — жизненная и духовная — у одних сливаются, у других расходятся, у третьих противоречат. Есть расколотые существования, двойственные натуры, но встречается и редкая цельность человеческого образа, выросшего как крепкое дерево, из одного корня. С.Р. Минцлов — это почитание вечности. Отсюда его 1) любовь к старине и археологии 2) благоговейная влюбленность в книгу, это живое и никогда не умирающее свидетельство прошлого 3) мистика. Самая глубокая вера Минцлова — в историю и историчность». Конечно, в отличие от своей сестры, очень широко в свое время известной в петербургских кругах теософки А.Р. Минцловой, Сергей Рудольфович вовсе не был мистиком, но он верил, что создания человеческого духа, проявленные и запечатленные в старинных книгах и рукописях, картинах и других памятниках культуры, не умирают, а живут среди нас. Когда читаешь его «За мертвыми душами», словно ощущаешь это. Пребывая в одном из немногих бережно хранимых имений, Минцлов так описывает свои впечатления: «Были времена, когда человечеству снился волшебный сон. Жизнь и сказка сливались в одну гирлянду; дни и ночи являлись праздником красоты и изящества; будней не существовало. И все, к чему ни прикасался человек той эпохи — рукой, взглядом или мыслью, — все — от книги до стен дома, донесло до наших дней отпечаток гения. В эту эпоху утонченный Берен создавал мебель; ее прихотливо гнул Буль; Буше и Ватто отражали на ней свои светлые грезы; смелые и изящные Альконе и Клодион из бронзы создавали поэмы — часы и статуэтки; Жермен на серебре запечатлевал химеры, а Гобелен и Бове, как мечтой, зашивали коврами-картинами целые стены комнаты.

Первое впечатление получилось фантастическое. Будто волшебством меня сразу перенесло в грот из белых снегов, из синего льда, из золотистых лучей солнца — так были подобраны тона гобеленов, мебели и гиганта ковра на полу... Меня окружало подлинное прошлое...

Каменев молча наклонил голову. Ему было приятно мое восхищение.

— Знаете, ведь они должны войти сюда — дамы в фижмах и кавалеры в париках и кружевах! — я даже схватил Каменева за руку.

— Да... — ответил он. Голос его звучал убеждением. — Я их жду. Но они приходят только тогда, когда здесь нет никого!»

А вот еще один маленький отрывок, иллюстрирующий эту же мысль:

«Как описать то, что испытывает человек, оставшись наедине в большой библиотеке?

Он в огромном обществе старых знакомых. Он медленно продвигается среди толпы их, улыбается одним, делает вид, что не узнает других, радуется, восхищается встрече с третьими... Попадают любимые, дорогие друзья, слышится полузабытая, милая речь, оживает то, что давно ушло, заколыхнулось туманом...»

И еще несколько строк: «Кругом приволье. Продувал легкий свежий ветерок; справа, среди жнивья, вставала

семья из трех курганов в зеленых кустарниковых шапках: ни души не замечалось кругом.

Какая радость жить и бродить по свету!!!

Этот вечный дух бродяжничества, эта «охота к перемене мест», вдоволь поносила его по России. Где он только ни был, на каком поприще себя ни пробовал, выступая то в роли журналиста, то писателя, то сотрудника археографической комиссии, то земского деятеля. Тамбов, Уфа, Смоленск, Орел, Новгород... Да, побывал он и в Новгороде, причем не проездом, а осел здесь на несколько лет, прожив с 1910 по 1912 год. Работал он тут секретарем губернского статистического комитета и хранителем музея древностей, был участником заседаний Новгородского общества любителей древности. Именно на заседаниях этого общества горячо обсуждалась подлинность изданных Минцловым в Новгороде тиражом всего 50 экземпляров «Записок игуменьи Марии, урожденной княгини Одоевской». Они появились еще в «Губернских Новгородских ведомостях» 1849 года, и уже тогда было сомнение в их подлинности, но Минцлов не считал их подделкой и твердо отстаивал свою точку зрения.

К тому моменту, когда судьба занесла Минцлова в Новгород, его личная библиотека, упорно и успешно пополнявшаяся раритетами во время его многочисленных путешествий, представляла из себя настолько уникальное явление, что в обществе слогались о ней легенды. Опытнейший библиофил, он прекрасно понимал, как опасен и тщетен путь всеядности и универсализма. Поэтому очень рано, буквально с первых шагов на ниве собирательства он сознательно ограничил свои интересы двумя областями:

1. Историей России, причем главное внимание уделял вспомогательным историческим дисциплинам — генеалогии, дипломатике, геральдике, археографии, а также мемуарным и эпистолярным источникам.

2. Коллекцией книг, запрещенных и уничтоженных цензурой в конце XIX и начале XX веков.

Тут надо заметить, что если воспоминания, дневники, письма собирали многие, и подобные коллекции, пусть не настоль уникальные и полные, как у Минцлова, все же существовали, то что касается второй части коллекции — она была уникальна по своей сути, другой такой просто не существовало.

У Минцлова были личные связи в цензурском ведомстве. И чиновники, занимающиеся уничтожением запрещенных тиражей, утаивали для Сергея Рудольфовича два-три экземпляра из всего издания, полностью идущего «под нож», думается, не безвозмездно.

Естественное для всякого библиофила желание поделиться с миром сведениями о своих сокровищах побудило Минцлова приступить к библиографической деятельности. И первая его попытка была тут же пресечена цензурой, так как он хотел издать каталог именно на свою вторую, уникальную часть библиотеки, под названием «Редчайшие книги, напечатанные в России на русском языке». Цензор Соколов доносил до начальства, что он не может на себя взять ответственность и разрешить издание библиографического указателя, который делает попытку систематизировать

сведения о бесцензурных изданиях и запрещенных цензурой до выхода их в свет. Однако Минцлов остроумно обошел эти препоны. Он разбавил свой список множеством обычных, разрешенных книг из своего собрания, получил разрешение на издание — готовую к печати рукопись, скрепленную печатью и подписью цензора. Тогда, по свидетельству П.М. Пильского, человека близко знавшего Минцлова, и, возможно, записавшего этот рассказ с его слов, Сергей Рудольфович поинтересовался в цензурном комитете, может ли он что-то добавить в этот список? «Сохрани господи!..» — был ответ. «А вычеркнуть можно?» — «Это сколько угодно». Тогда Минцлов, вычеркнув из списка все лишнее, получил то самое издание, о котором хлопотал с самого начала — список конфискованных изданий России. Тираж был мизерный — 100 экземпляров и разошелся прежде, чем цензурный комитет спохватился. Это издание, по свидетельству Владимира Гормина, имеется в фондах НГОМЗ (Новгородского государственного объединенного музея-заповедника). Есть ли там издание, охватывающее первую часть минцловской коллекции, мне не ведомо. Но вышел в свет этот библиографический указатель именно здесь, в Новгороде, в 1911–1912 годах. Название его «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России». Более пяти тысяч названий вошло в это пятитомное издание, но тираж опять-таки был микроскопическим. Могу сослаться на свидетельство М.Л. Кулаевой, автора библиографии С.Р. - Минцлова, опубликованной на страницах журнала «Библиография» в 1992 году. *«Я листала его «Обзор...» Перед глазами вставал образ подвижника, который, как он сам пишет, годы провел за рытьем в книгах, по лавкам букинистов и антикваров разных городов, во времена разъездов по России на чердаках и в амбарах старых помещичьих усадеб Центральной России, в архивах, не брезговал грудками мусора и хлама на закрытых частных Уральских заводах, куда после смерти владельцев сваливали остатки искалеченной обстановки и библиотек. Так вот откуда они — сюжеты в его книжечке. Все это видно и с болью пережито. А труд, которому отдана четверть века, и по сей день оценивается историками как единственный, полно охватывающий библиографию русских мемуаров, написанных до начала XX века».*

Не раз еще Минцлов создавал библиографические издания, рассказывающие о своем собрании. «Опись книгохранилища Сергея Рудольфовича Минцлова» (СПб., 1905), «Книгохранилище Сергея Минцлова» (СПб., 1913). Причем описание всегда сопровождается ремарками и ценными пояснениями, описывающими как судьбу издания в целом, так и книги, принадлежащей Минцлову, — все эти издания являются уникальным опытом, плодом многолетних научных изысканий.

В годы первой русской революции Минцлов становится гибким летописцем событий, но не в совсем привычном, не в историческом, а опять-таки в библиографическом плане. Уже в мартовской книжке за 1907 год журнала «Былое» выходят его «Заметки библиографа», озаглавленные «Четырнадцать месяцев свободной печати», где он по-

мещает список конфискованных полицией книг, журналов, газет того времени. Во многих его публикациях проявляется постоянное стремление сообщать читателям сведения о своих увлечениях, поисках, находках, непременно в художественной форме. Так, заинтересовавшись нумизматикой, он создает увлекательную новеллу «Рассказы монет», археологические раскопки служат толчком к появлению романа «Похождения археолога», знакомство с Пришвиным, интересовавшимся сектами и раскопками, способствует появлению очерка «Эволюция русских сект в XVII–XVIII веках».

Эрудит, глубочайший знаток древностей, владелец не только обширной библиотеки, но и коллекции монет, фарфора, оружия, он вполне мог бы стать крупным специалистом в любой из этих областей (недаром им написано несколько работ, открывающих его секреты атрибутики антиквариата), он тем не менее в первую очередь ощущает себя беллетристом. Поэтому ничего удивительного, что главное его призвание и увлечение, книгособирательство, послужило импульсом к созданию художественного произведения, посвященного книжным поискам, — «За мертвыми душами», с которого я и начала свой рассказ о Минцлове. История его создания сама по себе не менее увлекательна, чем сама книга.

Постоянные разъезды привели к тому, что в 1916 году Минцлов оказался на посту редактора русской военной газеты в Трапезунде. Военные действия, развернувшиеся на юге страны, отрезали его от России, и после двух лет скитаний, разделив судьбу русской эмиграции, он попадает в Югославию, где живет до 1922 года. В эти годы, исполненные тоски и одиночества, чуть ли не единственной отдушиной становятся для Сергей Рудольфовича воспоминания о многочисленных, дорогих его сердцу, поездках по уездной России и о встречах с людьми и книгами. В 1921 году, когда он живет в небольшом сербском городке Земуне, книга эта рождается на свет. Первая ее часть печатается в Париже, в журнале «Современные записки», в 1927 году, а полностью выходит в Берлине в «Сибирском книгоиздательстве» в 1925 году. Лишь еще раз увидит она свет. В 1991 году издательство «Книга» выпустит в серии «Полка библиофила» изящный, с любовью сделанный томик этой книги с послесловием А.В. Блюма, с обширными примечаниями и прелестными иллюстрациями, заставками и виньетками. В предисловии к публикации в «Современных записках» автор сам рассказывает об истории ее замысла: «В 1914 году я делал в Академии наук в Петербурге доклад Библиологическому обществу о помещичьих библиотеках в России. Доклад заинтересовал собравшихся. Ко мне подошел хранитель славянского отдела Библиотеки Академии Э.А. Вольтер и сказал: — Непременно опишите, Сергей Рудольфович, ваши поездки, ценнейшая будет книга!..

..Ныне мне вспомнился малый конференц-зал Академии, заседание и слова симпатичного друга книги — Эдуарда Александровича. Он был прав! Много было сделано мною поездок, наблюдений, находок... Зарисую далеко не все, что сохранила мне память и мои записки, а лишь то, что выдалось из общего уровня и что сможет приго-

диться впоследствии для истории быта русской провинции. Описываемые поездки были совершены не подряд, не сразу, а в период времени с 1885 по 1913 год и сведены много в общие главы (фамилии описываемых лиц и названия их имений изменены)».

Конечно, представить себе написание такого произведения без дневниковых записей, только по памяти, невозможно. Подтверждением того, что такие записи имелись, служат и воспоминания «Далекие дни», охватывающие период с 1870 по 90-е годы и дневник: Урал. Новгород. Малороссия 1910–1915 г., изданный под названием «Дебри жизни». В нем Новгороду посвящено немало строк. Цитирую по публикации В. Гормина. *«Бедный Великий Новгород! Когда-то все было у него: и богатство, и Гостомыслы, и Ярославь, а теперь в нем видно только одно — оскудение. Сейчас в Новгороде насчитывается семнадцать юродивых, часть которых носит вериги и железные шапки. Нищие попадают на каждом шагу, и не знаю, кого больше встретишь на улицах — их или прохожих...»* «Оскудение» это в начале XX века преодолевалось многими людьми, и свое место в их ряду занимает и Минцлов, который, несмотря на приведенные выше горькие строчки, перед отъездом из Новгорода писал: *«В Новгороде остается мне пробыть всего несколько дней... Мне его жаль: я любил свое дело, свою старую баиню (Златоустовскую — В.Г.) с музеем и библиотекой в ней... был у меня здесь свой мир, а в Петербурге этого уже не будет!..»*

Минцлов не принял революцию. Она отняла у него не только эту Россию, исхоженную вдоль и поперек, где не было у него ни одного чужого уголка, но отняла и любимое дело. Небольшая работа, опубликованная в Берлине в начале 20-х годов, всего на восьми страницах, как всегда фантастически маленьким тиражом, беспристрастно регистрирует, чего лишилась Россия в результате всех катаклизмов начала века. «Синодик» библиотек, архивов и лекций, погибших во время войны и революции. Именно эта тоненькая брошюра раскрывает трагедию русской культуры и русской интеллигенции так, как не раскрывает ее порой какой-нибудь фундаментальный труд.

«Теперь, когда по всей Руси еще пахнет дымом костров — хочется сказать несколько слов о том, что уничтожили эти костры.

В многочисленных помещичьих усадьбах, зачастую в глуши и полной безвестности хранились замечательные сокровища. Служили они для немногих, но уже сам факт существования их свидетельствовал о высоком культурном уровне страны.

Древнейшие помещичьи библиотеки возникли у нас еще в семнадцатом веке. Известнейшими и обширнейшими из них были Куракинская и Голицынская. Восемнадцатый век принес моду на домашние библиотеки, и в редкой усадьбе не доводилось мне видеть во время моих скитаний по России книжные собрания. Видел я в помещичьих собраниях и редчайшие пергаменты и миниатюры догутенберговских времен...»

И перечень погибшего. Погибли собрания князей Куракиных (с 1650 г.), родственников Годуновых–Вельями-

новых-Зерновых — 12 тыс. книг и тысячи рукописей 1308–1908 годов; князей Оболенских — коллекция книг XVI, XVII, XVIII веков, по дореволюционной оценке 1,5 млн. рублей. Архив светлейших князей Меншиковых, находившийся у наследницы их Станицыной, которая сильно нуждалась. Продала библиотеку на вес. Манускрипты были использованы как оберточная бумага и т.д. и т.п.

К сожалению, такая же судьба ждала и коллекцию самого Минцлова. Нет, книги не были уничтожены, не сгорели в огне пожаров и даже были доставлены владельцем в Ригу, где Минцлов поселился с 1922 года. Но сильная нужда и тяготы эмигрантской жизни заставляют Сергея Рудольфовича расстаться с библиотекой. Он пытается пристроить детище своей жизни в одни руки, не распылять уникальное собрание, но все напрасно. Несмотря на призывы берлинской русскоязычной газеты «Дни», несмотря на пафос статьи Петра Пильского, посвященной собранию Минцлова, не нашлось ни одного частного лица, учреждения, библиотеки, согласных купить всю коллекцию. И старейшая антикварная Лейпцигская фирма распродала поодиночке книги этой библиотеки. Но, как нередко это бывает с истинным библиофилом, Минцлов тут же начинает собирать новую библиотеку. В Риге о ней долгие годы ходили легенды. До сих пор считают, что она не погибла во время войны, а при таинственных обстоятельствах была спрятана и сейчас где-то есть. Об этом даже был написан библиофильский детектив, изданный в Риге в 1978 году «Рукопись, найденная в саквояже», автор Ст. Рубинчик. Прожив в Риге до самой смерти, до 1933 года, Сергей Рудольфович продолжал работать на ниве журналистики и беллетристики. Он создает еще ряд произведений на книжную тему. Это и статьи, посвященные судьбам старых рус-

ских книг и библиотек, и роман «Приключение студента» (Рига, 1929), и сборник рассказов «Чернокнижник» (Рига, 1932). Его книги выходят в Софии, Берлине, Париже. Он является постоянным и активным участником парижского «Общества друзей русской книги». В списке его членов наряду с Минцловым мы видим имена С. Дягилева, С. Лифаря, М. Осоргина и других деятелей искусства, литературы — увлеченных и страстных библиофилов. Сергей Рудольфович много сотрудничает с эмигрантскими журналами, проявляя недюжинный талант публициста. Он, лишенный родины, всеми силами старается сохранить ее историю, традиции, обычаи, а главное — сказочный Русский Дух. В упоминаемых выше «Рассказах монет» Минцлов пишет: *«Всякий, кто держал в руках древний предмет — монету или книгу — и внимательно взглядывался в них, испытывал некое воздействие их на себя; грубо говоря — чувствовал душу вещей. Я всю жизнь собирал монеты и книги, но отнюдь не ради их материальной ценности. Я собирал их из-за радости, которую ощущал, держа их в руках. Соприкосновение с ними связывает живых людей с далекими эпохами, с давно ушедшими из мира тенями, выявляет образы и картины прошлого. Если хотите, назовите это самогипнозом; дело не в названии, а в удовлетворении, какое дают переживания. Мне не раз доводилось часами держать в руках старые книги; я не читал, а только ощущал их, всматривался в переплет, в начертание букв, в отдельные страницы. Если у меня устанавливалась связь с ними — я их читал, если нет — отставлял до времени в сторону: надо сперва почувствовать — затем придет понимание и откровение...»*

Возьмите в руки томик Минцлова «За мертвыми душами», и к вам придут и чувства, и понимание, и откровение.

ЛИТЕРАТУРА

Произведения Минцлова:

1. В прошлых веках: Поездка по Польше // Ист. вестн. 1916. Март. С. 844–866; Апр. С. 214–233.*
2. В таможенном мире: Воспоминания // Образование. 1908. № 910а. С. 104–130.*
3. За мертвыми душами: очерки. М., 1991. — 400 с.
4. Злоумышленные голуби: очерк // Ист. вестн. 1912. Янв. С. 270–277.*
5. Эволюция русских сект в XVII–XVIII вв.: очерк // Образование. 1908. № 12. С. 154–160.*

Литература о С.Р. Минцлове:

6. Амов А.Д. Сергей Рудольфович Минцлов // Ист. вестн. 1913. № 10. С. 203–208.*
7. Блюм А.В. Мертвые души и живые книги // Минцлов С.Р. За мерт-

твыми душами. М., 1991. С. 385–399.

8. Блюм А.В., Мартынов И.Ф. Минцлов и его биографическая повесть // Альманах библиофила. 1975. Вып. 2. С. 201–216.
9. Гормин В. Он объездил и обошел всю Россию // Новгород. 1992. 27 марта. С. 4.
10. Кулаева Л.М. Поклонение вечности // Библиография. 1992. № 5/6. С. 88–93.
11. Минцлов Р.Р. [некролог] // Ист. вестн. 1904. Ноябрь. С. 832.*
12. Сергей Рудольфович Минцлов. 1870–1933 // Календарь знаменательных дат 2000. М., 1999. С. 52.

* Эти издания имеются в отделе редкой книги Научной библиотеки НовГУ.

Галина ВАСИЛЬЕВА

В КОНЧАНСКОЕ — К СУВОРОВУ

Богата своей историей Новгородская земля. Отсюда начиналась русская государственность, именно здесь находится наибольшее количество памятников архитектуры древности. Богата она и людьми, которые известны не только в стране, но и далеко за ее пределами. Один из них — Александр Васильевич Суворов, для которого нынешний, 2000 год, юбилейный дважды: весной, 18 мая, исполнилось 200 лет со дня его кончины, а осенью, 24 ноября, — 270 лет со дня рождения. Однако спустя века Суворов жив в сердцах истинных россиян. Имя его до сих пор является символом любви к Родине, символом славы русского оружия.

Кончанское. Памятник у входа в дом, установлен в 1940 г., возобновлен в 1960 г. по модели скульптора Н. Рукавишникова

Еще в начале своей военной деятельности А.В. Суворову пришлось посетить Новгородскую губернию. 17 января 1756 года он был произведен в обер-провиантмейстеры и в течение девяти месяцев осмотрел «Новгородские, Старорусские, Солецкие и Новолдожские провиантские и фуражейные магазейны»¹. До настоящего времени не удалось установить точное время и места пребывания Суворова в названных населенных пунктах, но в жизни Суворова было еще село Кончанское.

Кончанское-Суворовское, известное в истории как место ссылки великого русского полководца, находится в 250 км от Великого Новгорода и в 35 км от Боровичей. Оно дало приют опальному полководцу на закате его жизни. Отсюда он начал путь к вершине своей славы и хотел вернуться сюда, если бы не смерть. Сейчас здесь создан единственный в стране музей А.В. Суворова. Усадьба сохранилась благодаря заботам внука и правнука знаменитого полководца. После смерти правнука в 1893 году имение стало разоряться, и его участю занялось царское правительство. С целью сохранения суворовской реликвии из усадьбы в Санкт-Петербург была перевезена Суворовская деревянная церковь. Боровичское дворянское собрание взяло под охрану летний дом А.В. Суворова на горе Дубихе. Эти обе реликвии были отчуждены из имения последними владель-

цами — Молоствовыми.

К моменту установления Советской власти в усадьбе сохранился «главный дом» — так назывался дом, построенный внуком Суворова, и «полудомик», или флигель, в котором жил сам генералиссимус. Этот «полудомик» сохранился в результате забот и внимания внука к постройкам своего знаменитого деда.

Дом, в котором жил внук полководца, при Советской власти использовался как административное здание и сгорел в результате поджога в 1947 году. «Полудомик» использовался под жилье, а потом в нем размещалась сельская почта.

У интеллигенции и колхозников Кончанского сельсовета появилась идея о создании здесь музея-памятника А.В. Суворову. Работа по его организации началась в 1938 году. По инициативе В.Н. Грусланова, сотрудника Артиллерийского музея в Ленинграде, создается специальная бригада для обследования мест, где жил А.В. Суворов. Начался активный сбор материалов, относящихся к Суворову или к его времени.

Мысль о создании музея в Кончанском он высказывает на страницах газеты «Красная искра»². Не выдержав такого напора со стороны В.Н. Грусланова, местные органы власти были вынуждены создать комиссию с целью проведения работы по созданию в селе музея А.В. Суворова и памятника ему. В комиссию, которая состояла из девяти человек, входили директор Боровичского краеведческого музея С.Н. Поршняков и председатель Кончанского сельсовета А.И. Иванов.

После этого Грусланов от имени интеллигенции и колхозников села составляет обращение к депутату Верховного Совета СССР Е.П. Корчагиной-Александровской. На это обращение народная артистка ответила на страницах газеты «Правда» статьей «Создать музей-памятник великому полководцу А.В. Суворову», в которой поддержала мысль о создании музея³. Эти публикации сыграли позитивную роль, и 22 декабря 1940 г. состоялось открытие памятника А.В. Суворову в Кончанском. Прошло еще почти два года прежде, чем был открыт музей. Начавшаяся война 1941 года, принеся много бед и страданий русскому народу, ускорила решение этой задачи. После того, как Сталин с трибуны на параде 7 ноября 1941 года, произнес имя Суворова в числе великих предков, вдохновляющих на борьбу с врагом, личность Суворова приобрела особое значение. Его именем назывались партизанские отряды, оно было на броне танков, фюзеляжах самолетов. Одновременно издавались плакаты с афоризмами Суворова, памятки, открытки. 29 июля 1942 года был учрежден орден Суворова. Создание музея там, где еще сохранялась вещественная память о великом человеке, стало требованием

времени. Инициатором стал начальник политуправления Волховского фронта К.Ф. Калашников. Он в июле 1942 года посетил село Кончанское, после чего вышел в свет распоряжение о создании музея А.В. Суворова в Кончанском. Первый экскурсовод музея А.Ф. Евтушенко пишет об этом в воспоминаниях: «В июле-августе 1942 года нашей кафедре, а также другим кафедрам курсов младших лейтенантов, работающих в Боровичах, было поручено создавать музей А.В. Суворова в с. Кончанском. Мы часто, в августе, сентябре и октябре 1942 года выезжали в Кончанское. Был составлен план ремонта помещения. Из него была отселена сельская почта, проведен капитальный ремонт помещения и благоустройство территории. Одновременно по плану шел сбор экспонатов. В селе найдены суворовский стол, кресло и самовар. Картины и оружие XVIII века поступали из Москвы и Ленинграда. Преподаватели нашей кафедры во главе с полковником Кугурушевым следили за качеством изготовления схем сражения русских войск под руководством А.В. Суворова. Экспонаты размещали по указанию полковника Кугурушева»⁴.

Торжественное открытие дома-музея А.В. Суворова состоялось 25 октября 1942 года. Людей было очень много. Играл духовой оркестр Боровичского гарнизона. Кроме слушателей курсов младших лейтенантов Волховского фронта, трудящихся Боровичей и колхозников присутствовали представители действующих подразделений Красной Армии.

Митинг открыли представители Политуправления Волховского фронта (полковой комиссар тов. Смирнов), выступали военные и гражданские ораторы. Все они говорили о необходимости в те трудные годы брать на вооружение суворовскую науку побеждать, о подвигах русских чудобогатырей. Местная газета «Красная искра» об этом событии напечатала статью, которая заканчивалась словами: «Наш народ свято чтит память великого патриота русской земли. Домик Суворова в Кончанском, превращенный сейчас в музей, еще больше укрепляет уверенность в неизбежной победе советского народа в его смертельной схватке с лютым врагом — немецкими, захватчиками»⁵.

А.Ф. Евтушенко, проводивший в этот день экскурсии по

музею до позднего вечера, говорил: «Мы ощущали большое моральное удовлетворение, что выполнили поручение командования Волховского фронта по созданию дома-музея А.В. Суворова»⁶.

Прошло 58 лет со дня организации музея. За эти годы музей обновлялся, дополнялся новыми объектами и экспонатами.

Экспозиции зимнего и летнего домов А.В. Суворова рассказывают о жизни его в Кончанском, о его родственниках и потомках. В 1975 году создана и отдельная экспозиция,

Кончанское. Вход в дом Суворова

включающая картину-диораму «Альпийский поход А.В. Суворова», посвященная Итало-Швейцарскому походу. Она выполнена художниками-баталистами студии имени М.Б. Грекова, заслуженными художниками России А.И. Интезаровым, Ф.П. Усыпеном и народным художником СССР П.Т. Мальцевым. Диорама размещена в отреставрированном здании бывшей церкви, откуда полководец начал путь в Альпы.

В настоящее время в усадьбе ведутся работы по восстановлению хозяйственных построек и регулярной части планировки парка, которые выполняются Российской армией. Планируется восстановить деревянную Суворовскую церковь и главный «Барский дом». Тогда усадьба будет иметь законченный вид.

Имя Суворова и его дела во славу Отечества обязывают нас к этому.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Суворов А.В. Документы. Т.1. М., 1949. С. 2.

² Красная искра (г. Боровичи). 1938. 26 нояб.

³ Корчагина-Александровская Е.П. Со-

здать музей-памятник великому полководцу А.В. Суворову // Правда. 1939. 18 июля.

⁴ Евтушенко А.Ф. Письмо-воспоминание

// Фонды музея А.В. Суворова в с. Кончанском. 1987. Л. 3.

⁵ Красная искра. 1942. 28 окт.

⁶ Евтушенко А.Ф. Указ. соч. Л. 3.

Валентина МАЛЫШЕВА

О БИБЛИОТЕКЕ СУВОРОВА

Село Кончанское-Суворовское. Дом-музей А.В. Суворова. На мемориальной доске надпись: «Здесь с 5 мая 1797 года по 7 февраля 1799 года жил в ссылке и отсюда отправился в поход 1799 г. великий русский полководец генералиссимус русской армии Александр Васильевич Суворов».

В отреставрированном доме восстановлена часть обстановки, кабинет полководца, представлены вещи, по преданию, принадлежавшие А.В. Суворову, книги. Их много. Они в большом шкафу, на столах. Книги с молодых лет и до седины сопровождали полководца.

Но, к сожалению, нельзя сказать, что у нас те экземпляры книг, которые были в руках у генералиссимуса. Судьба суворовской библиотеки печальна: она утрачена, и поиски ее пока не дали положительных результатов. Но то, что она существовала, никогда не вызывало сомнений ни у современников, ни у биографов А.В. Суворова. «В инвентарях его имущества 1780-х годов, — пишет А.Ф. - Петрушевский, автор исследования деятельности А.В. Суворова, — значатся порядочные массы книг, преимущественно русских, но были и французские, а также много современных планов и карт»¹. «В московском доме сохранилось 14 сундуков и одна коробка книг, в Кончанском доме меньше, но все-таки довольно много»².

Еще у Василия Ивановича Суворова, отца полководца, была неплохая библиотека по военным вопросам. Там были Плутарх, Юлий Цезарь, «Жизнеописание Карла XII», «Трактат о военном искусстве» Р. Монтекукули и другие книги по истории, географии, философии, военному искусству. Чтение книг о воинских подвигах, рассказы отца и его сослуживцев, в основном, военных, сыграли немалую роль в том, что Суворов с детских лет решил готовить себя к военной деятельности³.

Отцовскую библиотеку А.В. Суворов пополнял всю жизнь, хотя по роду его деятельности, связанной с постоянными переездами, у него, вероятно, не было постоянного места хранения своих книг.

Из статьи капитана М.И. Полянского «О суворовской библиотеке», помещенной в газете «Русский инвалид» за 1899 год, можно узнать, что часть книг кончанской библиотеки была утрачена в 70-х годах прошлого века при перевозке из села Каменки в село Кончанское. Остатки библиотеки были приобретены боровичским податным инспектором Н.Н. Титовым. Эти остатки представляли собой 3725 книг⁴. Конечно,

из этих книг самим полководцем могли быть приобретены книги XVIII столетия, которых оказалось 96 томов. Только по этому можно судить о размерах суворовской библиотеки.

«Однажды мой приятель М.М. Сизов предложил мне поехать с ним в Боровичский уезд Новгородской губернии, уверяя, что продается библиотека А.В. Суворова».

Приехав в Боровичи, мы взяли тройку и поехали в усадьбу, но не в Кончанское, место ссылки Суворова, а к какому-то помещику Титову. Там действительно оказалась библиотека Суворова, только не генералиссимуса, а петербургского губернатора, внука знаменитого Суворова»⁵. Эти события относятся к первым годам нынешнего столетия и описаны ленинградским букинистом Ф.Г. Шиловым в книге «Записки старого книжника».

И.В. Аничков в «Обзоре помещичьих усадеб Новгородской губернии», говоря об усадьбе в Волоке Боровичского уезда, упоминает, что там «имеется

библиотека из 9 тыс. томов — своя собственная и купленная из Кончанского генерал-адъютантом светлейшего князя А.А. Суворова»⁶.

По воспоминаниям некоторых современников, многие подлинные суворовские вещи и книги могли погибнуть во время пожара в сарае, куда они были вынесены по распоряжению внука полководца А.А. Суворова на время ремонта кончанского суворовского дома в 50-60-х годах прошлого столетия.

Таким образом, в настоящее время мы не можем непосредственно познакомиться с экземплярами книг из библиотеки А.В. - Суворова. Но возможно составить более или менее точное представление о круте его чтения, исходя из самых различных источников:

из писем его, из писем к нему, из воспоминаний современников, из счетов на приобретение книг. В настоящее время такая работа проводится в музее.

Изучение этих материалов помогает более глубоко судить о культурных интересах, о военной и хозяйственной деятельности А.В. Суворова и вносит в наши представления о нем много нового. На этом пути нас могут ждать интересные находки.

Можете представить мое волнение и радость, когда в московском букинистическом магазине на Арбате у меня в руках оказалась книга, изданная в 1792 году со следующим посвящением: «ЕГО СИЯТЕЛСТВУ ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СУВОРОВУ».

Это была книга «Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века» в переводе с французского Е.И. Кострова.

Ермил Иванович Костров, бакалавр Московского университета, поэт и переводчик, современник полководца, в 80-х годах познакомился с А.В. Суворовым и воспевал в стихах его победы.

В 1792 году Е. Костров посвятил Суворову перевод Оссиана, легендарного героя кельтского народного эпоса, жившего в III веке на юге Ирландии, который воспевал подвиги своих вождей. А.В. Суворов находился в это время в Херсоне и командовал русскими войсками на юге России. Он был очень доволен, что перевод Оссиана посвящен ему, и с этой книгой не расставался даже в походах. Она была с ним в Италии и в Альпийских горах. Е. Фукс, его биограф, утверждает: «С Костровым он был в переписке, и Оссиан, ему переводчиком посвященный, был любимое его чтение, был с ним во всех его походах»⁷.

А.В. Суворов давно знал творчество Гомера, но более близко с ним познакомил его Ермил Иванович Костров. В 1787 году он прислал Суворову экземпляр переведенной им «Илиады» Гомера, и с этого времени между ними установилась дружба. Экземпляр «Илиады» в переводе Е. Кострова приобретен музеем в 70-е годы.

Зная бедственное положение поэта, Суворов хотел наградить его, что, вероятно, и было сделано в 1795 году. Есть письмо А.В. Суворова к Д.И. Хвостову (мужу племянницы А.В. Суворова) от 27 августа 1795 года о выдаче писателю Е.И. Кострову 1000 рублей из его доходов.

Из переписки видно, что на 1785 год А.В. Суворовым были выписаны в деревню «Московские ведомости» с «Экономическим магазином» на сумму 19 рублей, «Петербургские ведомости» без прибавлений на сумму 7 рублей, журнал «Энциклопедия» на французском языке, а всего он выписывал журналов на этот год на сумму 50 рублей. Кроме того, в этом же году им были выписаны книги, например, «О лучшем наблюдении человеческой жизни», которую он выписал для себя и для управляющих вотчинами; потом книга «Разговоры о множестве миров» Б. Фонтенелля, которую он перечитывал неоднократно, и некоторые другие, разобрать которые в рукописи трудно, всего на сумму 60 рублей — довольно солидную для того времени»⁸.

В одном из московских букинистических магазинов нам удалось приобрести книгу «Разговоры о множестве миров» Б. Фонтенелля. Это философско-публицистическое произведение французского писателя и ученого, написанное в 1686 году, популяризовало учение Коперника и Декарта о Вселенной. Книга была переведена на русский язык в 1730 году А. Кантемиром. Она считалась вредною в России, и в 1756 году был доклад Синода императрице об отобрании ее у тех, у кого она имеется. В 1785 году в письмах к своему управляющему Суворов настойчиво просил отыскать и прислать ему эту книгу, которую перечитывал неоднократно⁹.

Музей приобрел второе издание этой книги, выпущенное в 1761 году. Вероятно, именно оно и могло быть у Суворова. К сожалению, этот экземпляр не является суворовским. На последней странице книги надпись: «Из библиотеки московского купца Мирона Иванова Жукова оная занимательная книга; в ней заключаются все миры мироздания Божия». Однако ценность этого приобретения трудно умалить.

Изучая письма А.В. Суворова, в которых он часто использует образы из произведений античных авторов, цитирует Сервантеса (Дон-Кихот — один из любимейших его героев), Мольера, Лафонтена, спорит с Вольтером и Руссо, ссылается на героев романов и пьес английского сатирика Г. Филдинга, убеждаешься в том, что полководец блестяще знал античную и западноевропейскую литературу. Но Суворов знал неплохо и современную ему русскую литературу. Он особо выделял талант Г.Р. Державина. «Песни Ваши как важностию предмета, равно и красотою искусства, возгремят в наипозднейших временах, пленяя сердце... душу... разум», — писал Суворов поэту¹⁰.

Два устных свидетельства об отзывах Суворова о русской литературе относятся к 1799 году. Перед отъездом в Италию Суворов в ответ на вопрос Ф.В. Ростопчина о самых знаменитых военных сочинениях, неожиданно для последнего назвал «Домашний лечебник» и роман «Пригожая повариха» М.Д. Чулкова. Маститый полководец, прекрасно знавший военную историю и рекомендовавший изучать труды военных писателей молодым офицерам, в свойственной ему саркастической манере «объяснил одному из составителей нового устава по прусскому образцу, что его „труд“ не стоит ни такой полезной книги, как „Домашний лечебник“, ни такого занимательного романа, как „Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины“». Ссылка на роман М.Д. Чулкова говорит о художественном чутье Суворова. Роман действительно был одним из лучших произведений своего времени¹¹.

Примечательно, что все эти отзывы о русских поэтах и писателях сделаны Суворовым в последние годы жизни, на пороге новой эпохи русской литературы, снискавшей ей всемирное признание.

Сохранилось письмо Александра Васильевича Д.И. Хвостову из Кончанского от 6 ноября 1798 года, которое свидетельствует о его читательских интересах в ту пору: «Д[митрий] И[ванович]. Арк[ади]ю (сыну — **В.М.**) — благочестие, благонравие, доблесть, отвращение к equivoque (двусмысленности), énigme (загадке), phrase (фразе), ...ntence (слово частично утрачено), умеренность, терпеливость, постоянство...

От А[лександра] С[еменовича] Ру[мянцев]а (боровицкий помещик, отставной флота капитан-лейтенант — **В.М.**) я томлюсь уже 2 почты без писем, ожидая ежечасного его прибытия ко мне. А[лександру] С[еменовичу] Р[умянцеву] поручено от меня, между пр[очим], привести с собою из С[анкт]-П[етербурга] «Сувориаду», оду на Измаил Д. Хвостова, на Варшаву оду Кострова, на Варшаву песнь Г. Державина, то ж, коли есть иные, коих не знаю; томик-перевод Оссиана Кострова...»¹²

Начало письма с наставлениями сыну Аркадию очень характерно для Суворова. Слог его был простой, лаконичный, отрывистый. «Мой стиль не фигуральный, но натуральный — при твердости моего духа!» — писал он секретарю Г.А. Потемкину В.С. Попову¹³.

Державинские «Песни Ея Императорскому Величеству Екатерине II на победы графа Суворова-Рымникского в 1794 г.», упомянутые в письме, Екатерине не понравились. В Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге хранится именно тот экземпляр, который Державин послал Суворову и который подписан автором так: «Его сиятельству Милостивому государю моему графу Александру Васильевичу Суворову».

ву-Рымникскому в знак душевного моего высокопочтения к его особе. Гавриил Державин».

И все же, как нам кажется, в музее в настоящее время есть три книги, которые могли побывать в руках полководца Суворова. Это церковные книги: «Обиход церковного пения», 1772 г., «Последование молебных пений», 1779 г., «Акафист св. великомученице Варваре» — издания Киево-Печерской Лавры, 1754 г. На одной из книг надпись: «Сия книга принадлежит домово́й церкви села Кончанска». Судя по всему, надпись относится к XVIII веку.

Эти книги были обнаружены в 1939 году организатором нашего музея В.Н. Груслановым. Они принадлежат библиотеке Казанского собора (бывший Музей религии и атеизма) в Санкт-Петербурге, но сейчас находятся во временном хранении в нашем музее.

Отсутствие у Суворова экслибриса и вероятная его нелюбовь к владельческим надписям лишают нас возможности опознать среди множества известных экземпляров книг ту, которая была в библиотеке прославленного воина. Хотя надписи, подчеркивания, если бы они сохранились, помогли бы нам выяснить его отношение к прочитанному материалу. В какой-то степени это можно восполнить, изучая письма Суворова.

Интересно в этом отношении наставление Александру Карачаю, своему крестнику, сыну сослуживца австрийского кавалерийского начальника барона Андрея Карачая, отличившегося при Фокшанах и Рымнике: «Любезный мой крестник Александр! Как военный человек вникай прилежно в сочинения Вобана, Кугорна, Кюраса, Гюбнера. Будь знающ несколько в богословии, физике и нравственной философии. Читай прилежно Евгения, Тюренна, записки Цезаря, Фридриха II, первые тома истории Роллена¹⁴ и «Мечтания» графа Сакса. Языки полезны для словесности...»¹⁵

Сейчас в музее имеются 104 книги, изданные в XVIII веке, среди них и упомянутые в этом письме: «Записки Юлия Цезаря о походах его в Галлию», 1774 г.; «Оставшиеся творения

Фридриха Великого» в 8 томах, 1789–1790 гг.; несколько томов древней истории Роллена; «Арифметика» Леонтия Магницкого, 1703 г.; «История» Полибия на французском языке в 7 томах, 1774 г. и другие.

Всего в библиотеке музея немногим более 1000 томов. Среди них «Военный лексикон» в 14 томах, 1837–1858 гг., «Полный энциклопедический словарь» под редакцией профессора И.Е. Андреевского в 86 томах, изданный в 1890–1907 гг. Ф. Брокгаузом и И. Ефроном, «Генералиссимус князь Суворов» А. Петрушевского, 1884 г., исторические исследования об А.В. Суворове Н. Полевого, Д. Милютина, воспоминания секретаря Суворова Е. Фукса и другие.

Библиотека музея представляет собой собрание справочных изданий, исторических исследований о Суворове и его военной деятельности, в ней имеются дореволюционные и советские издания, книги о сподвижниках А.В. Суворова, художественная литература о нем, альбомы, исторические журналы.

В 1960-х годах ленинградский художник Виталий Витальевич Тамбовцев по заказу музея выполнил экслибрис для библиотеки музея. Это ксилографюра, изображающая герб Суворова графа Рымникского с пейзажем Кончанского и с надписью «Из книг музея-заповедника А.В. Суворова».

А.В. Суворов каждую свободную минуту своей жизни использовал для чтения и самообразования, считая, что без просвещения ума, без наук ни в каком деле нельзя достигнуть подлинного успеха. Он всегда наслаждался беседой с образованным человеком. Сохранился рассказ его секретаря Е. Фукса о встрече полководца с библиотекарем Амброзианской библиотеки аббатом Анджело Майо. Оба остались очень довольны беседой, длившейся около часа.

После беседы Суворов заявил Фуку: «Где ты сыскал сию драгоценнейшую из всей Италии жемчужину?» А библиотекарь после беседы с Суворовым сказал: «Мне остается только сожалеть, зачем я не русский, чтобы гордиться землячеством великого человека».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов. 2-е изд., переработ. СПб, 1900. С. 167.

² Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т.1. СПб, 1884. С. 285.

³ Там же. С. 4; Михайлов О. Суворов. М., 1973. С. 16.

⁴ Полянский М.И. О суворовской библиотеке // Русский инвалид. 1899, № 258.

⁵ Шилов Ф.Г. Записки старого книжника. М., 1990. С. 137.

⁶ Аничков И.В. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. Новгород, 1916. С. 23.

⁷ Фукс Е.Б. Сочинения. СПб, 1827. С. 189.

⁸ Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь

Суворов. 2-е изд., переработ. СПб, 1900. С. 167–168.

⁹ Суворов А.В. Письма / Изд. подг. В.С. Лопатин. М., 1986. С. 96.

¹⁰ Там же. С. 287.

¹¹ Там же. С. 472–474.

¹² Там же. С. 328.

¹³ Там же. С. 170.

¹⁴ **Вобан Себастьян Ле Претр де** (1633–1707) — маршал Франции, один из лучших военных инженеров своего времени, автор многочисленных сочинений по военно-инженерному делу.

Кугорн (Когорн) Менно (1641–1704) — барон, голландский военный деятель и знаменитый фортификатор.

Кюрас (Кюрасе) Гильмар — автор «Универсальной истории», неоднократно издававшейся в России в XVIII веке.

Гюбнер (Гибнер) Иоганн — автор пособия по всемирной географии, изданной в переводе на русский язык в 1719 году.

Евгений, Тюрени, Цезарь, Фридрих II — знаменитые полководцы, широко известные среди военных по многочисленным изданиям на всех европейских языках.

Роллен Шарль (1661–1741) — известный французский историк и педагог, труды которого по всемирной истории неоднократно переводились на русский язык.

¹⁵ Там же. С. 253–254; Михайлов О. Суворов. С. 303–304.

Анатолий ОБЪЕДКОВ работает инженером завода «Старт». Новгородцам, да и многим россиянам, знаком, как лирический поэт. Член Союза писателей России, Анатолий Обьедков выпустил в свет пять своих поэтических сборников. Огромное увлечение поэта — птицы. Дома у него на все голоса поют щегол, славка-черноголовка, чечевица, певчий дрозд и удивительная сказочная синяя птица. Его зарисовки полны любви к лесам, их обитателям...

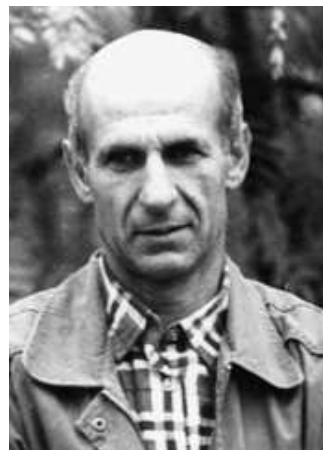

Фото В. ИЩЕНКО

Анатолий ОБЪЕДКОВ

МОИ ПТИЦЫ

ДРОЗДЫ

К прославленным певцам нашей земли относятся дрозды. Весенний лес трудно представить без их громогласных и мелодичных свистов, которые приводят в трепет, заставляют невольно вздрагивать, а их накрики в лесных чащобах, особенно в сумерках, способны вызвать суеверный озноб, кажется, что сам леший подает свои голоса и старается запугать кого-то в лесу...

Человек с древнейших времен обращал внимание на этих великолепно поющих птиц, и, надо полагать, были страстные охотники до дроздиного пения. Их могучие песни невозможно не заметить и не отдать им должное. Они прочно вошли в русский фольклор, а значит, и в наше сознание, наряду с соловьями и жаворонками:

*Скок, скок, поскок
Молодой дроздок
По водичку пошел...*

В наших лесах живут такие превосходные певцы, как певчий, черный и деряба. Белобровик и рябинник поют значительно хуже.

В лесах Сибири, Дальнего Востока и Кавказа живут сибирский дрозд, земляной, темнозобый, краснозобый, малый, дрозд Науманна, бледный, сизый, пестрый каменный, синий каменный, белогорлый.

Среди них ценятся своими мелодичными песнями каменные дрозды. Помню, отдыхая в Грузии в местечке Цихисдзире в конце апреля, я наслаждался перед сном дроздиными песнями среди цветущих камелий и азалий. Ущелья, горы усиливали их звучание, причем плотность поющих особей была столь велика, что звучала вся видимая и невидимая окрестность, и это не удивительно, ведь днем, не боясь человека, черные и певчие дрозды пробегали прямо у ног по каменным ступеням старинной усадьбы, по которым я спускался к морю.

Конечно, такое нельзя сказать о наших северных дроздах, которые очень осторожны, хотя в процессе урбанизации

наблюдаются определенные сдвиги, в частности, некоторые особи черных дроздов, оставаясь на зиму, перебираются из лесных чащоб к окраинам городов, где на свалках находят что-то для себя и выдерживают довольно-таки сильные морозы.

В домашних условиях хорошо прижившийся дрозд, несомненно, доставляет огромную радость, но обуздать дикий нрав некоторых особей далеко не каждый сможет, и за такое дело берутся только опытные любители.

ПЕВЧИЙ ДРОЗД

В апреле, когда лесные поляны покрываются голубоватыми подснежниками, а солнце начинает ощутимо пригревать, распеваются певчие дрозды. Бродя по лесным чащобам, можно натолкнуться и на особенного, выдающегося певца. На слух он отличается сразу, ибо все окрест как бы подчиняется его диковинным свистам: и толстая ветвь огромного дуба, на которой он сидит, и ближняя поляна, и полноводный ручей. Такой певец поет и час, и два, и три, подряд без перерыва, а звуки, один краше другого, славят приход весны. И если в тебе живет азарт охотника, если ты неравнодушен к птицам, то, считай, «пропал» — заморозит он тебя, перевернет всю душу, и забудешь про все на свете, и захочется тебе поймать такого певца. Все померкнет тогда, все прежние увлечения и пристрастия он разрушит и поднимет тебя на невиданную досель высоту.

Нечто подобное я испытал, когда искал учителя для своего воспитанника. Через неделю мне удалось поймать Маэстро, не знаю, тот или другой мне попался. Но, когда через две недели дрозд запел в полный голос, он «убил» наповал первыми же отточенными свистами песню моего обученного дрозда, с которым я занимался около двух лет, пытаюсь сделать из него певца с помощью проигрывателя и живущих у меня птиц. И он научился петь неплохо, временами красиво, но все же лесной дрозд есть лесной. Пойманного этой вес-

ной и неплохо запевшего соловья я выпустил — мне стало как-то неудобно за представителя прославленного рода.

О вокальных возможностях пойманного мною певчего дрозда можно судить хотя бы по тому, что у него я насчитываю 50 основных колен и примерно столько же их вариаций. Это о нем в превосходной степени писал Брем: «Норвежец с гордостью называет певчего дрозда «северным соловьем», а поэт Велькер «лесным соловьем»».

Нечто загадочное, таинственное, даже жутковатое я ощущаю в лесной чаще, когда улавливаю его пристальный, насто-

Черный дрозд

роженный взгляд как бы оценивающий и все понимающий. Его внутренняя скрытная энергия передается мне, его точеная стройность подчеркивает особую выразительность темноватых глаз. Сероватого цвета с охристыми пятнами на груди, он почти не заметен среди ветвей, хотя величиной со скворца.

В конце апреля дрозды разбиваются на пары, а в начале мая в гнездах

появляются яйца. Любят они смешанные леса с ручьями или речками, где есть молоденькие елочки, на которых охотно вьют свои гнезда. Много раз можно пройти по одному и тому же месту, но загнездившийся дрозд ничем себя не обнаружит, лишь будет пристально наблюдать за вами. Гнезда дрозды вьют на высоте от одного до четырех метров от земли. В месячном возрасте можно узнать самца по его «бульканью», оно звучит тихо, но настойчиво в течение дня, и его легко заметить. Но все же лучше заиметь взрослого пойманного дрозда и попытаться его приручить.

Зимуют дрозды чаще всего во Франции, Испании, Италии.

Несомненно, певчие дрозды — одна из самых волнующих и захватывающих страниц книги Природы, и сердце не одного человека может вздрогнуть при виде этих пернатых, чьи песни могут нас уносить далеко-далеко, в сказочные леса, где воздух чист и ароматен и нет нашей грешной суеты.

ЧЕРНЫЙ ДРОЗД

Довольно-таки крупная птица до 25 см длиной, у старого самца чернота оперения отдает синевой, а клюв желтовато-оранжевый. Черный дрозд чаще всего встречается в сырых смешанных лесах, где есть заросли ольхи, черемухи, ивы.

Прилетает к нам в конце марта, и в первых числах апреля можно услышать его торжественные и немного печальные флейтовые рулады. Песня его, предположительно, одна из древнейших на земле, с тех самых пор, когда после птеродактилей и птерозавров стали появляться настоящие пернатые. Такой вывод можно сделать, отчасти, потому, что черный дрозд

с удовольствием клюет плоды тиса, а тис является одним из первых после папоротниковых деревьев. Не правда ли, удивительно? Хотя сейчас не до подобных удивлений, но Бог даст, что все наладится и мы сможем отдать должное, возможно, самым первым звукам, которые слышались на освобождающейся суше в багровых лучах гаснущего солнца. Возможно, что первыми слушателями были тогда динозавры...

Ну, а если серьезно, то песня черного дрозда захватывает своей мелодичностью и мощностью, не зря же любители не устают спорить, какой дрозд поет лучше — черный или певчий. Мне приходилось встречать черных дроздов, поющих лучше певчих и наоборот. Они примерно равны по своим вокальным данным и, как мне кажется, дополняют друг друга.

Иногда услышишь черного дрозда в лесной тишине и дрогнет сердце: могучая песня льется щедро, по-царски, и понимаешь, что он является «черной жемчужиной» в певчем мире.

ДРОЗД-ДЕРЯБА

Говоря о дроздах, нельзя не упомянуть о дерябе как об отменном певце, немного уступающем певчему и черному. Деряба немногочислен, внешне похож на певчего, но крупнее его. Любит селиться в сосновых борах, слегка заболоченных. В новгородских лесах мне приходилось не один раз слышать его захватывающие мощные мелодичные свисты. Конечно, они не так разнообразны, как хотелось бы, но в середине апреля, когда идет таяние снегов, его песню воспринимаешь как могучий прорыв Природы к небу и свету. Слыша песнь дерябы, я всегда испытываю большое наслаждение и желание иметь в своем зооуголке такого прекрасного певца.

ДРОЗД-БЕЛОБРОВИК

Его еще называют и ореховиком. Самый маленький из наших дроздов. Похож на певчего, но заметна светлая бровь и под крыльями перья ярко-ржавого цвета. Белобровик широко встречается в наших лесах и парках. В начале апреля ярким солнечным днем можно услышать его простую, но порой очень приятную песенку, состоящую из переливчатого свиста и щебетания, иногда с трескучими звуками. Мне приходилось встречать белобровиков в окрестностях Новгорода, исполняющих свою песню чисто, мелодично и даже красиво. От их многоголосья ранней весной оживают Юрьево и наш кремлевский парк.

Дрозд-белобровик

В домашних условиях их держат нечасто, хотя они и не-

плохо приживаются. Наверное, потому, что белобровик прост в своей песне. Но, как пишет В.Г. Гусев, у которого белобровик прожил 10 лет, «...так называемая щебетка оказалась бесконечной и очень милой импровизацией, составленной из отдельных колен всего птичьего населения мой квартиры и неведомых лесных голосов, усвоенных нашим певцом еще в природных условиях. Когда мне удавалось слушать этого белобровика без помех, это доставляло громадное удовольствие».

Симпатичны и милы белобровики, и горожанам не нужно далеко выбираться, чтобы их увидеть или услышать и ярче ощутить весенние токи жизни.

Зимуют белобровики, как показывают результаты кольцевания (А.С. Мальчевский, Ю.Б. Пукинский), во Франции, Португалии, Бельгии, на острове Корсика.

ПЕСТРЫЙ КАМЕННЫЙ ДРОЗД

У самца грудь красновато-коричневого цвета, голова и шея голубые, спина и крылья буроватые.

Живет он на Кавказе, в Сибири, в горах Средней Азии, Карпатах, на берегах Средиземного моря. Высоко ценится любителями птичьего пения как у нас, так и на Западе, является одной из любимых комнатных птиц. Песня его состоит из изящных флейтовых свистов, отличается нежным исполнением, благозвучностью.

Может подражать голосам других птиц, но делает это посвоему легко и красиво. Помню, что приобретенный мною пестрый дрозд в свои лучшие моменты подступал к уровню звучания славки-черноголовки и вызывал у меня сначала даже ревностное чувство. Но если славка отдается вся своей песне и напор ее неудержим, как внешние воды, то пестрый дрозд как бы обдумывает свои колена.

Самочки у каменных дроздов также поют, но песни их не такие богатые и звучные.

СИНИЙ КАМЕННЫЙ ДРОЗД

На солнце его темно-синее оперение как бы оживает, становится ярче, и на него можно засмотреться. Возникают ассоциации с морем, небом, горами, юностью и счастьем. водится синий дрозд на берегах средиземноморских стран, в горах южной Европы, Северной Африки, Азии. У нас — на Кавказе и Дальнем Востоке.

У меня несколько лет жил синий дрозд, радуя часто своей довольно-таки громкой и страстной песней, в которой можно различать отдельные колена. Мучного червя, кузнечиков и другую живность брал из рук, много купался и был всегда в отличной форме. Единственное, что меня немного смущало, — небольшие скрипы в песне. Но они не раздражают и как пишет Брем, «дрозд высоко ценится жителями юга. Одна богатая мальтианка считала себя счастливой, когда ей удалось приобрести особенно хорошего синего дрозда за 150 марок...»

Возможно, встречаются и очень хорошие особи, я не спорю. Но экзотам надо отдать должное — лучше привыкают, больше поют, как правило, красивые. И если птица своим внешним видом, песнями напоминает нечто романтическое, влекущее в неведомые страны и подзаряжает нас энергией, то это покоряет, помогает нам в жизни, отвлекает от всего наносного, ненужного, помогает чувствовать, как мир велик и гармоничен.

ОВСЯНКА-ДУБРОВНИК

Из 30-ти видов семейства овсянковых — дубровника можно по праву считать одним из лучших певцов. Населяет дубровник Сибирь и Дальний Восток. Некоторые особи, как утверждают орнитологи, залетают и к нам. Но за долгие годы жизни на Новгородчине я не видел и не слышал дубровника. У самца грудь ярко-желтого цвета, голова — каштанового. К неволе привыкает с трудом, около двух лет, но в обеих столицах пользуется постоянным спросом и быстро разбирается, несмотря на то, что далеко не каждая особь распеваётся. Но истинные любители терпеливо ждут, когда птица пойдет «в мах». Песня дубровника, хотя и проста на первый взгляд, это: «фили-фили-фили-тью-тью-тью», но особенной красоты. Иногда прорываются необыкновенные свисты, столь проникновенные и сильные, что невольно задумываешься: откуда все это берется? В такие минуты дубровник мало в чем уступает зарянке, юле и другим птицам элитной группы. Конечно, в общей песне он уступает, но по красоте, по выразительности — вряд ли. Открываю свой дневник и читаю: «Удивительно нежно и красиво поет по утрам дубровник. Такое ощущение, что находишься в саду, где благоухают розы и цветет жасмин».

Зимуют дубровники в Юго-Восточной Азии, где у них проходит линька. В неволе линька бывает в октябре-ноябре месяце.

ЩЕГЛЫ

Любимыми птицами в моей жизни были, конечно, щеглы. Они напоминали мне красивых бабочек, которые летом порхают на лугах, волнуя детское воображение. А зимой я замечал, как оживают пустыри, когда их стайка садится на кусты репейника и птички переговариваются между собой приятными свистами. Рядом с родительским домом был огромный сохвозный сад, разбитый на кварталы аллеями из тополей, ив, кленов. И мне удавалось находить щеглиные гнезда на стройных деревьях русского клена на высоте двух-трех метров. Шел ли я на рыбалку, бежал ли с мальчишками по саду, всегда любовался этими симпатичными птицами.

Хорошо помню, как приобретенный мною на рынке щегол примерно через неделю радовал меня необыкновенно звучными колокольцами без трескучих звуков. Когда я отправился в деревню на осенние каникулы к бабушке, то

Щегол

щегла взял с собой и повесил во дворе на деревянный щиток над воротами. Ноябрь был солнечным, и щеглиная песня переливалась морозным хрусталем, летела на убранные огороды, на взрытую тракторами дорогу. Деревенские мальчишки завидовали мне и просили его продать по дорогой цене. Этот щегол был необыкновенным для меня, и позже, читая И.А. Бунина, что-либо связанное с осенью и деревней, я всегда вспоминаю то прекрасное время, в котором все еще звенит колокольцами мой первый щегол...

Чуть позже, подростком, я уже сам ловил щеглов, чижей и других птиц, но такой особи мне уже не попадалось.

Щегол неотделим от русского пейзажа, в центральной полосе России он птица обычная. В осеннее время в период кочевий щеглов сотнями отлавливают и несут на базар, где их с удовольствием раскупают мальчишки.

К домашним условиям щегол привыкает неплохо, но иногда его нужно выдерживать в течение месяца, чтобы он хорошо обжился и радовал своей звучной песней.

ОВСЯНКА -РЕМЕЗ

Первые услышав его нежные, плавные, мелодичные переливы, напоминающие песни славков, я испытал удивление. Скромно окрашенная в коричневатые тона с пестринами, птичка, относящаяся к зерноядным, и вдруг такие звуки!

Привезенный мною ремез был доставлен из Сибири в Москву, обладал диковатым нравом, как и многие особи семейства овсянковых.

Обитают ремезы еще и на Дальнем Востоке, отдельные пары могут жить и у нас. Как утверждают А.С. Мальчевский и Ю.Б. Пукинский, в самых восточных районах Новгородской губернии, в Устюженском уезде можно было найти их гнезда, (1910 год), и в настоящее время ремез гнездится на всем Северо-Западе. Но мне хочется добавить, что ремез гнездится в очень небольшом количестве. Насколько мне известно, к любителям из Петербурга попадают ремезы привозные. Ремез на птичьем рынке постоянно пользуется спросом, хотя в домашних условиях далеко не каждая птица распеваётся во весь голос. Обычно первый год ремез, как и дубровник, поет вполголоса, но если птица прижилась, то при соответствующем уходе может великолепно запеть.

ЧЕЧЕТКИ

Скромного сероватого цвета оперение с темно-красной «шапочкой» на голове и светло-красной грудью у самцов, поменьше воробья. Птички отличаются изяществом, большой подвижностью. Их можно увидеть на березах, часто, повиснув вниз головками, они теребят березкины сережки и мелодично перекликаются между собой. Прилетают чечетки к нам с наступлением холодов из лесотундры, их можно услышать издали по характерному «чи-чи», которое они часто издают. В детстве чечетки были для меня одними из самых любимых птиц, их легко можно было поймать западней. Помещенные в клетку, они очень быстро привыкают, ловко перебираются по верху клетки, переговариваясь мило между собой. Я мог за ними подолгу наблюдать, просовывая между прутьев веточки березы, ольхи, стебли сорных трав.

Ранней весной, когда начинает пригревать солнце, чечетки издают короткие журчащие трели — свои скромные песни. Изредка среди них встречаются пересмешники с хорошей

звучной песней, которая может порадовать любителя.

СНЕГИРИ

Их, наверное, знает каждый. Зимой, когда все вокруг бело от снега, их красные грудки видны издали. У самок грудь коричневатого цвета. Незабываемое зрелище, когда снегири купаются в снегу в солнечный день с таким удовольствием, азартом, что словно смягчается мороз и зима уже кажется не такой суровой.

Прилетают они к нам из более северных областей, хотя и летом их можно встретить в лесу. Видимо, в период гнездования снегири ведут скрытный образ жизни.

Снегириная песня скромна — скрипы и посвисты, но птицы подкупают своим добродушием, способностью быстро привыкать к домашним условиям и, конечно, своей красотой.

Среди снегирей встречаются хорошие пересмешники, они могут подражать голосам других птиц, способны запоминать ту или иную мелодию. Так, например, у моего знакомого из Санкт-Петербурга снегирь поет голосами заморских птиц, в наших лесах таких песен не услышишь, а у другого любителя снегирь насвистывает гимн Советского Союза.

В детстве я часто ловил и держал снегирей небольшими группами (три-пять птиц). Клетки я подвешивал на стену своего дома, открывал дверцы, и птицы, улетаая, через два-три дня возвращались, залетали в клетки, кормились, потом опять улетаали. И так всю зиму.

Снегирь

ЗЯБЛИК

Красивые, с красноватой грудью птицы, подхвостье — ярко-зеленого цвета, в апреле своими звонкими трелями будят наши парки и сады. Их нельзя не услышать, так как силой своего голоса они заглушают шум машин. Радостную, задорную песню зяблик повторит за день не один раз и не надоест, приветствуя по-своему приход весны. Его нельзя спутать ни с какой другой птицей, ибо его песня такая яркая и звучная, что узнается сразу. Бегаая по тропинкам, зяблики радуют детей и взрослых своей доверчивостью и красивым оперением. Но в домашних условиях зяблик преобразается, становится настолько диким, что разбивает в кровь свои крылья. Поэтому отбирают более спокойную особь.

Имея в своем репертуаре всего одну трель, которую можно передать словами: «Вить-вить-вить-Федя», зяблик считается признанным певцом, в странах Западной Европы даже устраивали зябличьи песенные конкурсы.

СОЛОВЕЙ-КРАНОШЕЙКА

Представитель Дальнего Востока и Сибири заметно отличается от обыкновенного соловья, его красота сразу же бросается в глаза, выглядит он действительно экзотично. Правда, после линьки красное пятно на шее немного бледнеет, но

все равно смотрится очень симпатично.

Своего соловья я приобрел случайно, приезжал к знакомому москвичу за ремезом, а увидел красношейку и не устоял. И не жалею. Во-первых, он очень привык ко мне, берет мучного червя из рук, всячески мне оказывает знаки внимания, внимательно и с интересом смотрит, как бы разговаривает с помощью глаз (я почему-то уверен, что оно так и есть). Когда выпускаю из клетки, он летит ко мне, иногда делает круг над головой, прислушиваясь к моим словам. Во-вторых, поет красношейка постоянно, даже запекает иногда и во время линьки. А песня его впечатляет. Она довольно-таки интересная. Разнообразие звучных свистов разной тональности, множество переливов, схожих со славкиными, делают ее привлекательной. Отчетливо слышится «плинь-плинь», «фию-фию», и, когда он разгорячен, глаза его горят, он прыгает по жердочкам, а свисты в наивысшей своей точке потрясающе красивы и самобытны. И тут невольно понимаешь, что перед тобой — настоящий соловей. Лучше всего он поет по утрам в хмурую погоду, хотя отдельные свисты прорываются и ночью.

Красношейка, можно сказать, неприхотлив в корме, — находится в хорошей форме на соловьиной смеси, но ежедневно нуждается в мучных червях, куколках, хрущах, которых я ему даю до трех десятков. Иногда он ест и мед. Летом — с удовольствием разных жучков, бабочек, кузнечиков, пауков, мелко порезанные листья и цветы одуванчика, подорожника, мокрицы. Не отказывается от ягод бузины. Очень любит купаться, намокает от водных процедур основательно, и это радует, — значит, птица прижилась и находится в должной форме. В клетке любит сидеть на одной лапке, поджав другую, иногда всеором распускает хвост, чем-то напоминая варакушку. Ночью иногда ведет себя беспокойно, мечется по клетке.

КИТАЙСКИЙ СОЛОВЕЙ

Лет 17 назад я «заболел» этой птицей, увидев ее у одного московского любителя. Красивое зеленовато-оливкового цвета оперение спины переходит на шее в желтоватое, которое в свою очередь — в оранжевое — на груди. Клюв кораллово-красный, кажется несколько необычным. Лапки серовато-желтые, глаза крупные, темные, выразительные. Птица обитает в Китае, но и в неволе может размножаться.

Всем недавно я приобрел себе китайского соловья. Мои впечатления о нем самые лучшие. Поет часто в полный голос. Различной тональности свисты — то грустные, то веселые, напоминающие песню черноголовки, — часто переходят в бравурные рулады — птица как бы старается показать свои вокальные возможности, что порой получается весьма неплохо. Очень старается, чтобы хозяин обратил на нее внимание, немного поговорил, угостил чем-то вкусным...

БОЛЬШАЯ СИНИЦА

Ее часто держат в клетках канароводы для обучения пению молодых кенаров. Ее, наверное, каждый знает, так как в зимнее время большие синицы из лесов перебираются поближе к человеку и иногда клювиком могут стучать в окно, прося для себя корм. Для них устраивают кормушки, насыпают семечки, кладут хлеб или подвешивают на нитке кусочки сала. Голод, как говорится, не тетка, — все заставляет есть.

В феврале, когда начинает пригревать солнце, большие синицы пробуют голос, а в марте можно услышать краси-

вые «дудки» и «кулики», которые звучат очень выразительно на фоне ярко сверкающего снега и голубоватых небес. Весна-красна как бы через песни больших синиц передает нам свое дыхание, начинает настойчиво напоминать о себе, и мы с радостью принимаем ее привет.

ОБЫКНОВЕННЫЙ СКВОРЕЦ

Одна из любимых и почитаемых птиц в России, это, конечно, скворец. Весной его прилета ждут наравне с грачами и жаворонками, делают и подвешивают именно для него скворечники, привлекая этих птиц к тому или иному огороду. Прилетают они чаще всего в конце марта из Италии или Греции. Но есть особи, которые остаются у нас зимовать. Мне однажды удалось поймать скворца в городе как раз перед Новым годом. Была оттепель, он, купаясь в луже, сильно намок, и мне не составило труда его заполучить в руки.

Скворец

Скворцы очень прожорливы. Несомненно, что они приносят огромную пользу, уничтожая в большом количестве личинок различных жуков, да и самим жукам от них достается. Но там, где сады, где зреет вишня, клубника или краснеет смородина, со скворцами уже борются, так как ягоды они также очень любят.

Прилетевшие ранней весной скворцы извещают о своем прибытии жизнерадостной песней, иногда удивляя прохожих вставными коленами. Например, они могут прокукарекнуть петухом, заржать жеребенком, пролаять собакой. Скворцы хорошие пересмешники, в этом им не откажешь. Красиво звучат в их исполнении свист иволги, щелканье соловья и колена других птиц.

КРАПИВНИК

Его громкая раскатистая песня в середине апреля невольно обращает на себя внимание. Но птичку не сразу разглядишь среди подсохшего валежника, упавших в бурю деревьев, даже если и захочешь. Но вот опять раздаются его звучные трели, напоминающие отдаленно песни наших канареек, и маленькая птаха светло-коричневого цвета с темными поперечными крапинками, с забавно приподнятым хвостиком уселась на ветку и смотрит на меня. Некоторые особи могут подлетать к человеку очень близко, до одного метра, и внимательно смотреть, как бы говоря: «Вот и я, а что ты хочешь?»

Крапивник — перелетная птица, редкие особи остаются зимовать у незамерзающих ручьев.

Крапивники — веселые и подвижные, даже на воле их песенку можно услышать осенью и зимой, правда, в эту пору поют они негромко. Живут крапивники не только у нас, но и

в Северной, Южной Америке, в Европе, Азии, их можно встретить на севере Африки. А центром возникновения семейства крапивниковых считается Северная Америка.

САДОВАЯ ГОРИХВОСТКА

В детстве, живя в своем доме, в осеннюю пору в переплетении трав среди изгороди я часто обращал внимание на этих птичек, на их подергивающийся хвост. Когда он раскрывался, то красное оперение чудесно играло на солнце. Я вдыхал аромат зреющих антоновских яблок, запах костра и любовался горихвостками, которые просматривали все извивы

Самка обыкновенной горихвостки

изгороди, ища там различных насекомых. Приходило успокоение, я забывался, ничто не тревожило меня. Вечный мир природы входил в меня вместе с осенними запахами и красками, я наслаждался всем этим, растворялся во всем, и частичка моей души

вселялась в симпатичную птичку. Песня горихвостки не лишена приятности, но однообразна и коротка. Конечно, эта птица не может конкурировать даже с певцами среднего уровня, ее редко держат в клетках. Вдобавок ко всему можно добавить, что горихвостка относится к насекомоядным и требует внимательного ухода.

Горихвостка гнездиться может и в скворечнике, тем самым принося пользу огороду и саду, уничтожая вредных насекомых.

В осеннее время горихвостка питается различными ягодами, например, бузиной. Улетают горихвостки на юг в августе-сентябре, а зимуют они в Испании, во Франции.

ЛУГОВОЙ ЧЕКАН

В начале мая, когда, на луговинах не пробивается зеленая трава, у канав с небольшими деревцами в перерывах между жавороночьими трелями звучит мелодичная, нежная песенка, чаще всего светлая, чистая, как родниковые воды.

Я невольно обращаю внимание на скромных птах с рядней грудкой светло-коричневого цвета, на их довольно таки выразительное пение, отчасти напоминающее бормотание варакушек, отчасти — свист ветра в прошлогодней высокой траве. Мне приходилось встречать луговых чеканов с песней чечевицы, — ощущение такое, что поют не они, а сами

чечевицы. И пропевают очень точно, глазами ищешь чечевицу в кустах, думаешь, откуда она здесь, но не находишь.

Как-то раз в середине лета я поймал лугового чекана, но тут же выпустил. Я не знаю случая, чтобы лугового чекана держали в клетке. Но мне кажется, что поющего самца весной можно поддержать, послушать. Луговой чекан — птица милотвидная, забавная в своем поведении и, на мой взгляд, — неплохо поющая.

В августе луговые чеканы начинают пропадать в лугах, — откочевывают вместе с подростом молодняком в Экваториальную Африку.

СИНЯЯ ПТИЦА

Эта птица из легенд, из песен, из различных сказаний вызывает особое чувство своей величиной — с большого лесного голубя. Но она гораздо стройней и изящней, на солнце переливается синим оперением, когда каждое перышко сияет и лучится. Поражает своим могучим криком, когда ей что-то не нравится. Она вызывает ощущение полноты жизни, особой гармонии — не зря же ее называют птицей счастья. На каждом плече крыльев по семь беловатых пятен с конопляное зерно, подчеркивающих классическую строгость оперения. Большие темные глаза и темные лапы, хвост, который она часто распускает веером, придают ей загадочность и заставляют невольно догадываться о ее мощном порыве, который таится в ней. Сразу же представляется такое: горы, шумные водопады и она, летящая в лучах восходящего солнца.

Мне посчастливилось ее приобрести, а поймал ее мой знакомый в Гималаях. Первое время я никак не мог привыкнуть к ней, а она ко мне — металась, кричала, из глаз вылетали гроззовые разряды...

Потом все же начался процесс привыкания, и я неожиданно

услышал диковинные звуки. Они стали повторяться все чаще, переходить в курлыкающие, рокошующие, в которых слышались и шум водопада, и красивые флейтовые переливы.

Я сделал для птицы специальную клетку (так как дроздиные явно малы) длиной 108 см, шириной 45 см и высотой 60 см, из дерева и нержавеющей проволоки. Птице понравилось новое жилье, я ее стал иногда выпускать из клетки. И вот примерно через месяц она заиграла как бы на волшебной дудочке и повела меня в страну чудес. Потом через две-три недели мелодия стала более сложной, переходила в густые свисты изумительной красоты и различной тональности. По мере нарастания песни мое сердце открывалось этой могучей

птице, и все мои сомнения остались позади...

Весной синяя птица залягала, но все равно продолжала петь.

Можно сказать, что при хорошем уходе она поет круглый год. Синяя птица для меня — новый этап в жизни, новая, более высокая, ступень моего мироощущения. Птица идет на контакт с человеком, ждет меня всегда с работы, радуется, заглядывает мне в глаза.

Луговой чекан, самец

НАСТЕНЬКА И ЧЁРТ

Рассказ

Случилось это давно, когда еще крепка была советская власть и в каждой приличной деревне был свой участковый милиционер. Так вот, в одном из отдаленных поселков Энской области в маленьком домике жила одинокая, тихая и богобоязненная старушка, которую все звали не иначе как Настенька. Звали ее так потому, что была она доброты необыкновенной, никому ни в чем не отказывала, даже самым отъявленным алкашам всегда уделяла то полтинничек, то рублик в самые трагические минуты их жизни, когда ребром стоял вопрос — или смерть, или опохмелные сто грамм. И все это от Настенькиной скромности и непритязательности. Пенсию она получала маленькую, но много ли ей было нужно для жизни? Картофелину да морковину и прочую зелень брала со своего огорода, на котором трудилась от зари до заката, окрестный лес снабжал ягодами, грибами — собирай не ленись, а на чай с сахаром да на хлебушко, что тогда стоил восемнадцать копеек за буханку, много ли надо? Так что с пенсии у Настеньки всегда кое-что оставалось, копеечка к копеечке, рублик к рублику деньжата и принакапливались. Все об этом, конечно, знали, но бабушку не обижали. Редко кто ей долги не отдавал, даже горькие пьяницы в те времена в массе своей совесть имели. Бывало, как только кому фарт выпадет, так тот и бежит к старушке: «На, бери, Настенька, должок». А она в ответ поклонится и скажет: «Храни тебя Господь, Илюшечка. Спасибо, что не забыл старую».

Так и жила она год за годом в тиши и благолепии. Днями при хорошей погоде, когда в огороде делать было нечего, с такими же бабушками калякала на скамеечке, что с незапамятных времен стояла перед домом, а как только на землю начинала наползать ночная мгла, старушка, испив чаю да помолвившись Николаю-Угоднику, ложилась вместе с любимой кошкой Муськой. Книг Настенька отродясь в руках не держала, телевизор, у которого современные старушки днюют и ночуют, проливая горькие слезы над мексиканской ерундой, тогда еще только входил в моду и вообще был редкостью, а ей и вовсе был неведом. Потому в силу вышеперечисленных обстоятельств безбожный советский атеизм обошел ее стороной, и она больше верила Христу-Спасителю, Деве Пречистой с Николаем-Угодником, чем районному комитету партии и неведомому Политбюро, которому поклонялись местные безбожники.

Сельчан Настенька не боялась, всех знала, все ее знали. Кто тронет? Но вот нечистая сила, что обычно хоронится по углам в ночные часы да прячется по омутам, болотинам, в лесной чащобе, страшила бабушку до ужаста. На всех дверях, оконных косяках ее избы начертаны ме-

лом крестики, чтоб не пролез, не пронырнул ненароком нечистый в дом ее, не наделал сраму и не ввел душу во грех и сомнение.

Однако силен бес и коварен. Не может человек все предусмотреть. Нечистая сила оттого и зовется нечистой, что хитростью и коварством любую преграду одолеет. Не додумала Настенька, проглядела люк в подпол, что был на кухне под обеденным столом. Черт им и воспользовался, пришла беда, великое испытание ниспослал Господь на бабушку.

Дело было поздней осенью, когда темнеет быстро и тьма такая, что в метре не видно ни зги. Настенька, заперев засовы, сидела на кухне за столом, ужинала отварной картошкой с соленым огурчиком да жареной рыбкой, которую принес благодарный Илюшка, что постоянно брал у старушки деньги взаймы на тушение душевного пожара и изредка совершенно бескорыстно угощал ее речной плотвицей, до ловли которой был большой охотник. В домике тепло, мирно тикают старинные ходики, довольно мурлычет Муська у русской печи. Словом, все как всегда — тихо, покойно. Но вдруг в эту привычную атмосферу вкрался незнакомый звук. Внизу, в подполье, где в деревянных засеках хранился картофель, раздался скрежет. Поначалу Настенька подумала на мышь, потом на приبلудного кота, тайком прошмыгнувшего в подвал в поисках пищи, но, когда скрежет перерос в ужасный адский грохот, напоминавший битье палкой по пустому ведру и к нему добавились душераздирающие вопли, сердце ее обмерло, перед взором поплыла белесая пелена, сквозь которую она с ужасом заметила, как зашатался под столом люк, как медленно стал он взмывать в воздух и как в образовавшуюся щель просунулась черная — то ли от грязи, то ли от цвета кожи — рука с длинными ногтями.

Будь на месте Настеньки более решительный человек, он мог бы руку придавить тяжестью своего тела, либо пройтись по ней тяжеловесным поленом или ухватом, а то и другим каким предметом вроде молотка или топора, — может, на том бы все и кончилось. Но бедная старушка только и могла, что осенять себя крестным знаменьем и испуганно бормотать: «Свят, свят, свят, спаси и помилуй Царица Небесная!»

И он появился, черный, безобразный, с кривыми, как у коровы, рогами, вонючий, страшно злой и голодный. Пока Настенька сидела в полуобморочном состоянии, навалившись грудью на стол, черт — а что это был именно он, у старушки не было ни тени сомнения — первым делом кинулся к плите, на которой стояла кастрюля с супом, схва-

тил поварешку и с жадностью, будто век не ел, чавкая и брызгая слюной, стал уминать Настенькино варево. Здесь бы ей очнуться да покропить нечистого святой водицей, что еще с пресветлой Пасхи стояла в пол-литровой банке на подоконнике — может, черт бы и сгинул, но и на это у нее не хватило сил. Сожрав обед, бес зашнырял по углам, как будто знал подлец, что у бабки припрятана поллитровка первача — не для питья, а так, для разных хозяйских нужд. Черт он и есть черт, нашел выжига бутылку, заготовил, к горлу ее присосался, как самый заправский пьяница. Ополовинив бутылку, похрустел луковицей, дыхнул старушке в лицо отвратным перегаром и заорал диким голосом:

— Деньги давай, старая сволочь!

Во как! Не черт, а самый настоящий разбойник с большой дороги. Тут Настенька, знамо дело, все и отдала: и пенсию, и то, что в комодке лежало под бельем. Хорошо нехристь сберкнижку не тронул, где хранились двести рублей на похороны, чтоб все было как у людей, по-человечески. Забрал окаянный деньги, подобрел, полез обратно в подпол.

— Жди, — говорит, — скоро опять приду, гавкнешь кому — утащу в геенну огненную.

С этого вечера и началась черная полоса в Настенькиной жизни. Бес регулярно обирал и объедал старушку.

— И за что мне такие муки? — вопрошала Настенька, неистово молясь перед иконами. — И чем я тебя прогневила, Господи? Видно, не крепка в вере, вот ты и послал мне испытание.

Так рассуждала прямодушная старушка и терпела. Раз Бог испытание ниспослал, то его надлежит претерпевать с любовью и кротостью. Меж тем, хоть новоявленная страстотерпица никому ничего не говорила, что-либо серьезное утаить от деревенских глаз невозможно. Это в европах люди годами живут с соседями бок о бок и ничего о них не знают. Потому что у них человек человеку волк, а у нас все были товарищи.

Стали соседи примечать перемены в Настеньке: и на завалинке перестала подолгу сживать, с лица спала, и злобещая синева легла под глазами.

— Уж, не заболела ли ты, родимая? — допытывались сердобольные товарки. Но она не отвечала, лишь тяжело вздыхала, смахивая набежавшую слезу.

Долго крепилась мученица, так, может, и унесла бы она с собой тайну, если бы не Павловна, ее подруга, тоже вдовица, что жила на этой же улице неподалеку. Павловна не

Настеньку, ее на вороных не объедешь, никого она сроду не боялась — ни мужика, ни черта, и во всех случаях, как тогда говорили, занимала активную жизненную позицию. Этому ее научили во вневедомственной охране, где она долгие годы работала. Кроме того, Павловна и книг не читала, и телевизором баловалась, и хотя тоже веровала в бога, но все же советский атеизм пробил в этой вере ощутимую брешь.

Взяла она Настеньку в такой оборот, что та не сдюжила, все как на духу выложила.

— Это что за черт такой, чтобы водку жрать? Нешто он дурак травиться нашей «косорыловкой»? А на хрена ему деньги, коли у него там внизу этого добра навалом? Нет, Настенька, тут не серой пахнет, тут к участковому Балалайкину идти надо, пушай он с чертом разбирается, — такой вот вердикт вынесла проникательная Павловна.

Местный участковый был, конечно, партийным, а стало быть, отчаянным безбожником. Вытащил он из сейфа револьвер и засел в бабкиной избе, — засаду организовал, выражаясь оперативным языком. К полночи и в самом деле пошел в подполе шум, гам, а потом поползла в сторону крышка люка и голова показалась рогатая. Здесь, надо сказать правду, дрогнул участковый Балалайкин, хоть и верил только в исторический и диалектический материализм. Руки у него задрожали и револьвер как-то сам на пол брякнулся прямо перед носом у черта, а так как курок был на взводе, то и выстрел грянул. Хорошо, пуля в стену ушла, избавил Бог от смертоубийства. Черт же дико взвизгнул и руки поднял. Тут ошалевший Балалайкин табуреткой его немножко по рогам погладил, бес совсем обеспамятел, под стол улегся. Стали его вязать, а он возьми да и обернись Васькой Юристом, местным рецидивистом, что недавно вернулся из мест не столь отдаленных. Хитрющий был жиган, проворный, из хлеба в подпол подкоп прорыл, через него и донимал Настеньку, пока его табуретом не вразумили. Как Юриста увезли, так и черт затих, перестал Настеньку беспокоить.

Завершилась эта история полной победой атеизма. Отдел агитации и пропаганды районного комитета партии вокруг этого случая развернул глубокую разъяснительную работу в массах трудящихся по разоблачению религиозного дурмана, и только самые упорные в своей косности бабки продолжали шептаться, наводя тень на плетень:

— Ох, и силен сатана, Юриста вместо себя подставил. Спаси нас, Господи, и сохрани!

НОВОЕ СЕЛО

Старое-престарое —
 Новое Село,
 Приеду я усталая
 под твоё крыло.
 Приеду я замученная
 жизнью городской
 Уеду — самой мудрою,
 чистою душой.
 Распаришь меня в баинке,
 чаем напоишь.
 Старое-престарое —
 ты на Мсту глядишь.

В который раз —
 все тот же дождь осенний
 И горький запах хризантем.
 И снег затем...

На форточке — озябшая синица,
 воспоминаний вереница,
 Навязчивый подсчет
 годам и дням,
 И горестям, и мелочным обидам.
 И диалоги с грустным гидом,
 все уводящим к светлым снам...

МУДРЫЙ ХУДОЖНИК

Зачем ты рисуешь
 серое небо,
 Что тебе в нем —
 нет ни солнца, ни красок,
 Это ли праздник,
 это ли радость?
 Серая краска
 на старом мольберте,
 Серая краска
 на ветхом берете...
 Руки твои
 не подвластны рассудку,
 Руки — таланта суровые судьи,
 Тянутся к серому небу —
 рисуют!
 Им ли грустить
 от палитры унылой,
 Это пейзажи Родины милой...

Какой удивительный
 выдался день,
 Я видела Вас во сне,
 Потом — удивилась Вам наяву,
 Потом — убедилась,
 что Вас я люблю.
 И стало мне легче дышать
 и смотреть
 И разбирать чей-то почерк чужой
 И обходить дураков стороной.
 Я не узнала унылых домов,
 Не разглядела бессовестных лиц,
 Ведь я убедилась,
 что Вас я люблю.
 Зачем же мне знать
 ещё что-то, зачем?

Ты любишь мне дарить цветы,
 И говорить, что всех дороже,
 Но был твой жест неосторожен,
 Когда хотел утешить ты.

Не утешенья мне нужны,
 Не слов красивые узоры,
 Ведь мне — в момент
 последней ссоры
 Мгновения любви важны,
 Осенняя незнаемая грусть
 И зим холодный груз,
 И весен невезенье,
 Не утешай, не предлагай мне зелье.
 Я потерять тебя боюсь.

Антон ЗАХАРОВ

Когда я жил у озера, оно
дышало неземной спокойной силой.
На берег молча выползло дно
спиной песчаной, отдохнуть просилось.

Ты опускала на воду венок,
округлы листья были и дубовы.
Вода светилась возле твоих ног.
Когда я жил у озера, оно
мне помогало рифмой, ритмом, словом.

Чего хотел, куда тогда спешил,
стук сердца заменив машинным шумом?
Когда я жил у озера — я жил,
и ничего о будущем не думал.

Осознавать и больно, и смешно
потерянное, милое. Но все же
когда я жил у озера, оно...
Когда я жил...
Когда я жил?
О, Боже!

Ребристые поверхности корней
скрепили лес своей нехитрой сетью,
и, кажется, день ото дня заметней
мои приходы (бегство от людей?).

Я у него учился вас любить,
но разговор простой был не под силу:
чтоб паутиной чутко оплести
игольчатую красоту крапивы.

И вновь вхожу в него, повременя:
открытости его мне не понять.

Вот — вспыхну ослепительно строкой,
но, отгорев, зайдусь свистящим кашлем.
А лес всегда останется такой:
распахнутый, живой и настоящий.

Скоро небо пошлет нам снег.
...Было очень неловко, но
так манило тогда к тебе:
губы пахли антоновкой.

Пыл в себе удержать, суметь
занавеситься тайною.
Но все мысли открыты ей,
и касанья — нечаянно.

Уходить по наитию,
постоять за воротами.
Как хотелось любить ее...
Жалко, осень короткая.

Отряхни свои ботинки,
знай заранее, что «Нет!»
Лишь снежинки-валентинки
запечатаны в конверт.

Голос тих был и простужен.
Ты полюбишь как сестра.
А морщинки стали глубже:
просидели до утра.

Не спасет уже усталость.
Беззащитны и ничьи
мягко пахнут снегом талым
руки теплые твои.

Догорающим сучьям подвержена мысль.
Улетающим птицам река остается.
Колокольни врастают в щемящую высь,
как в манящую землю врастают колодцы.

Предвосхитись несделанным:
нам далеко идти.
Ободраны колени
у Млечного Пути.

Отныне будут бдительны
хранители легенд,
прижавшись доверительно
друг к другу в темноте.

Становление странником
с рюкзаком порыжелым,
чтоб теплом подстаканника
нынче руки согрело.

Не грусти ожиданием,
чудо неповторимо.
Мне — вокзальные здания,
шелестящие мимо.

Они простились и уехали,
забыли даже взять ключи.
Сейчас смотрю в пустое зеркало,
пусть сигаретный дым горчит.

Роняет на ковер ненужные
осколки света абажур.
Хвалили: «Очень вкусный ужин, мол»...
Что я в ответ себе скажу?

Цветы завянут завтра, вечером.
Гора тарелок в мойке ждет,
и зеркало крестом отмечено.
А одиночество — не в счет.

На солнце июньской разлуки,
готовые в небо влететь,
тяжелые коконы пуха
среди четкости строгих ветвей.

Любое решение — до срока,
а стыд — осязаем и нем;
и память, как шелковый кокон,
опять вызревает во мне.

Накинута небо на мокрые крыши,
предвестие слов появилось в груди.
Опять ощущение тревоги пушисто,
как белая накипь на ветках рябин.

Поношенный плащ жадно влагу вбирает,
болотце асфальта дрожит под ногой,
двоятся дома, разбегаясь кругами,
и зыбко качаются вместе со мной.

Войдешь в эту комнату. Странно.
Случайные вещи не в счет.
Здесь в кадке своей деревянной
простая осина живет.

Растерянно скажешь: «Растенье».
И эхо подхватит: «Расте...»
И солнечный зайчик, растерян,
замрет на зеленом листе.

Он смотрит, упрямство упрятав
в глубокий тревожный зрачок,
подобье блестящей заплатки,
осеннего утра клочок.

А там, за резной занавеской,
за легким провалом стекла,
нахохлившись, ждет неизвестность
и дышит надежда, мала.

Попытался проникнуться болью,
осознать, полюбить наяву.
Но на улице серо. Настолько,
что пригрезилось: я не живу.

Это тучи все небо закрыли.
За окном хороводы огней.
И касаются белые крылья
незаметно одежды моей.

Осень
на пороге
вечности:
бросила
под ноги
свечи нам.
В памяти
влюбленных —
трепетом
пламя
красных кленов
ветренных.
Стоном
упадет
лист с берез,
вздрагнет
и замрет,
словно воск.
Босым
по дороге
вечером...
Осень
на пороге
вечности.

КОРОТКО О СЕБЕ

Родился в Карелии (16.04.31), вырос в Демянском районе Новгородской области. После окончания Демянской средней школы учился в Ленинграде, в Военно-Морской медицинской академии (ВММА). В конце шестого курса был исключен из нее за «необъективные суждения о советской действительности». С 1957 года после окончания первого медицинского института им. академика Павлова работал рентгенологом сначала в Демянской больнице, а потом — в Новгородской областной. Рано ушел на пенсию и уехал в родную деревню Костыково Демянского района, где жил и лечил людей 19 лет, до 1999 года. В конце 1999 года вернулся в Новгород. Стихи начал писать в 1961 году, потрясенный встречами с узниками ГУЛАГа (работал на «неотложке» в Новой Деревне, где им давали квартиры). Писал для себя...

Марк РОМАНОВ

ДЕКАБРЬ

Убитых деревень истлевшие тела,
Безглавый храм над кладбищем забытым,
Рабом ленивым преданное жито —
Всё черная метель перемела.

Ни солнца нет, ни месяца, ни звезд...
А день меж сумерек, как дезертир тщедушный,
Бредет в снегах — больной и равнодушный
И падает к подножию берез.

И снова тьма... И мнится, что всесветно
Свалился плащ у сатаны с плеча...
И лишь в окне опального поэта
Еще горит последняя свеча.

Когда Господь тебя творил
(Увы, и он не без ошибки),
Он в тело бречное вложил
Тоскующую душу скрипки.

И с этой хрупкою душой,
Где все — томительные грезы,
Под снегом — талою водой —
Твои невидимые слезы.

И я когда-то в летнем сне
Украдкой трогал эти струны —
Плыл в балаганной полутьме
Твоей души романс подлунный.

И в тишине снегов немых,
Когда так сердцу одиноко,
Всплывал вдруг памятью далекой
Призывный, трепетный мотив.

Из старых парижских багетов,
С холстов, потемневших от сплина,
Сквозь вечность надменных лорнетов
В нас смотрят князья и графини.

Распластана плоть на полотнах,
Но только лишь сумрак стусится,
Послышится смех беззаботный
И станут трехмерными лица.

Гусарских коленей ступени
Утонут на миг в кринолинах,
Сойдут кавалеры степенно —
Безлюдными станут картины.

И в гулких ночных анфиладах,
Где льется луна на паркеты,
Закружат в парад-променаде
Колье, декольте, эполеты...

Старинным московским прононсом
Наполнятся старые залы —
Все те же дворянские новости:
Маневры, охоты да балы.

Не мы их прямые потомки,
За морем элитное семя,
Но так же их титулы громки,
И так же неспешно их время.

Пластая завалы архивов,
Мы ищем дворянские корни
И пачкаем пращуров ксивой,
В дворянство пожаловав дворню.

Уйти бы в скит...
С котомкой за плечами
И посохом в натруженной руке.
Уйти бы в скит — шептать свои печали
Двум старцам мудрым — лесу и реке.

К СЕРДЦУ

Сердце, сердце — что болишь?
Я ж теперь хороший...
Ты ж по-прежнему скрипишь
Старую калошей.

Знаю — тратил на износ
Миокард добротный,
Думал, сердце, ты — насос
Только и всего-то.

А я — изгнанник добровольный
Живу у дальних берегов,
И, не томясь душевной болью,
Дремлю в забвении снегов.

Всю ретроспекцию расчислив,
Все несвершенья расчленив,
Я покорил стихию мысли,
Тебя из мыслей исключив.

Но память палачом безликим
Не в нищей яви — так во сне,
Рассудка не внимая крикам,
Ведет меня к моей весне.

Из сонма образов забытых,
Сквозь тени умерших надежд
И чувств, предательски убитых,
Ты гневным ангелом грядешь.

И в страхе, смешанном с любовью,
Оцепенелый — я бреду
К помосту, залитому кровью,
На плаху голову кладу и ...

...просыпаюсь... Лик печальный
Еще хранит сетчатка глаз,
Но в тайниках сознания дальних
Его исток уже угас.

И снова логики бальзамом
Врачую язвита утрат
И несвершенным истязаемый
Беззвучно плачу до утра.

КОЛОКОЛА

У звонницы стоят колокола...
Они молчат — рожденные греметь.
Без языков остались их тела...
Ни жить им не дано, ни умереть.

Под снежной шапкой дремлет великан,
На темной бронзе — шрамы ратных ран,
Меньшие братья выстроились в ряд —
Секрет литья валдайского хранят.

Но день придет — и звонница опять
На плечи вскинет бронзовую рать,
И в дни победных или скорбных дат
Вновь поплывет над Волховом набат.

Увы, мой пес, она уж не придет,
И на крыльцо, как прежде, не присядет,
И косточку тебе не принесет,
И шерсть на лбу покатом не погладит.

Ей скучен стал наш деревенский быт,
Ей надоела дивная природа,
И речка ее больше не манит,
И чудеса в саду да огороде.

Ее увез автобус поутру
В тот шумный ад, что городом зовется,
Где женщинам так здорово живется,
Но нам с тобой та жизнь не по нутру.

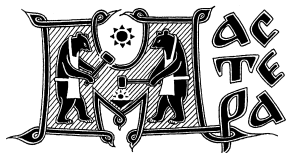
Дороже нас ей стали, милый пес,
Уют квартирный, телефон, подруги...
Там все для утоления женских грёз
Представят расторопные услуги.

Ты не горюй и не ходи встречать
Порой вечерней рейсовый автобус.
Пройдет разлуки первая печаль,
И счастливы с тобой мы будем снова.

Характер женский, друг мой, надо знать —
Она нас любит — наберись терпенья,
Пойдем под Новый Год ее встречать
К любимому автобусу вечернему.

Единственная! Старой бригантиной
С разодранными в клочья парусами
Проплыл я мимо острова святого.
Как близок был он!
В розовом тумане,
В лучах последних меркнувшего солнца
Последняя надежда угасала.
Я видел — ты ждала меня на пирсе,
В молящем жесте руки протянула...
Но якорь бросить мне не суждено.

НЕ ВСЯКОЕ ЛЫКО В СТРОКУ

«Лычить», «пороть», «шкурить», «сочить», «пазить», «драть», «корить» — все эти слова в русской традиции означают одно и то же: снимать кору с дерева. Если мы обратимся к их этимологии и толкованию, то обнаружим, что большинство из них имеет второй смысл. Так, например, в современном языке слово «корить» означает упрекать, попрекать. А одно из значений слов «драть» и «пороть» — наказывать, терзать. «Шкурить» образовано от слова «шкура» — кожа, кожаца, верхний слой. И «спустить шкуру», «попортить шкуру» так же имеет смысл физической или моральной расправы, наказания.

Возможно, изначально отделение коры от растущего дерева было действием ритуальным, смысл которого каким-то образом соотносился со вторым значением перечисленных терминов. Во всяком случае, и по сей день вырезание надписей на стволах живых деревьев, сдирание коры без особой на то надобности влекут за собой неминуемое людское порицание. Поэтому сбор бересты вызывает много вопросов и, как правило, осуждается общественностью гораздо больше, допустим, чем тривиальная заготовка дров. И это несмотря на то, что в первом случае дерево живет и продолжает вполне полноценное существование, а во втором — гибнет безвозвратно.

О том, что сбор бересты не приносит серьезного вреда, мы можем прочитать в известном словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, изданном в 1891 году в России: «Береста сдирается не только со срубленных, но, гораздо чаще, и с растущих дерев. Это не вредит дальнейшему росту последних, если только при разрезании бересты для сдирки не повреждается зазелень, так как по исследованиям проф. К.Е. Мерклина, снятая береста через 7–9 лет снова возобновляется...»¹.

О том же самом находим свидетельства и у новгородских мастеров-крестьян. Вот что утверждает Алексеев Алексей Никифорович 1914 г.р. из деревни Марково: «...раньше-то как же все в лаптях и ступнях ходили. Если бы гибло, то давно бы всю березу истребили. Она, как сорняк, растет везде...»

А вот слова Петухова Ивана Андреевича 1906 г.р. села Уторгош: «А вот у меня, это уже в июне, береза вот тут на водокачке ободрана, и ей хоть бы что. Кору-то я снял, а мясо-то оно зарастает дичью такой, как бы сказать, тоже такая береста, но она как береста, но уже драть ее, не надеюсь ничего...»

Но, возвратясь к словарю Брокгауза и Ефрона, выясняем, что вновь выросший слой коры, который часто называли «бармой», белояркой и белоярной или малояровой

берестой², так же, как и первичный, мог использоваться для изготовления дегтя, и в некоторых случаях он был более богат дегтем, чем первичный слой.

Чтобы окончательно разобраться в том, что происходит с березой при снятии коры, обратимся к ее структуре.

Береза состоит из коры, камбия и древесины. Береста — это верхний слой березовой коры. Камбий располагается между берестой и древесиной. Это более толстый и рыхлый, темно-коричневый, похожий на кору пробкового дерева, слой. По нему движется сок.

«Если камбий (рыхлый темно-коричневый слой между корой и древесиной) не повреждается во время сдирания коры, то дерево не гибнет. На месте снятой коры вырастет новая, и этот другой слой или даже несколько, могут быть сняты вновь. Вторично выросший слой грубее первичного и имеет вид зернистой кожи. В музее Роберта Аббе в штате Мэн находятся две коробочки, сделанные из вторично выросшей коры»³. «Если заготавливать кору осторожно и без повреждения внутреннего ее слоя, это не явится причиной гибели дерева. Но сразу после этого дерево начинает расти медленнее, и древесина становится тверже. В старину такая древесина часто использовалась для изготовления ручек для топоров»⁴.

Использование в ремесле вторично выросшей коры тоже, пожалуй, является хорошим доказательством безопасности ее заготовки для окружающей среды.

Из вышесказанного понятно, что кора березы состоит из двух слоев: внешнего тонкого, который мастера используют на поделки, и внутреннего толстого темно-коричневого и рыхлого, по которому движется сок. Дерево может погибнуть в том случае, если значительно повредить именно этот пробкообразный слой коры.

Интересно, что в России никогда не относились к заготовке дров (преимущественно березовых), как к неэкономичному растрачиванию природных ресурсов. А это горы и горы дров, множество деревьев, «загубленных» на потребу дня. Природная потребность в березовых дровах компенсируется исключительной живучестью данной породы дерева. Аккуратно сложенные стопки березовых дров у каждой избы в деревне прекрасно иллюстрируют слова деревенского мастера А.Н. Алексеева: «Береза как сорняк. Сколько ее ни руби, она все растет и растет».

Следовательно, плетение из бересты не только древний, самобытный, но и экологически чистый вид ремесла.

Немаловажное значение имеет и время сбора коры. «Тогда лыка дери, коли дерут, тогда девку дай, коли берут»⁵. Просматривая русские пословицы и поговорки, можно най-

ти много полезных советов и рекомендаций в различных видах народного творчества. Эта пословица говорит нам о том, что всему свое время, в том числе, и заготовке бересты.

По тем сведениям, которые у нас имеются, заготавливать бересту теоретически можно круглый год, но есть универсальное время года для всех территорий, когда дерево как бы само отдает кору. Этот период начинается с конца мая и длится приблизительно в течение месяца. Но год на год не приходится. Иногда период заготовки, например, в Новгородской области, отодвигается на начало или в отдельные очень холодные годы даже на середину июня. Приблизительно с конца июня дерево все менее охотно отдает кору.

Мы не нашли пока серьезных сведений о приметах или поверьях у русских, напрямую связанных с заготовкой березовой коры. Правда, по утверждению Виталия Леоновича Белова 1929 г.р. из поселка Демянска Новгородской области, кору можно начинать заготавливать, когда зацвела малина или рожь уже колосится. По собственному опыту мы знаем, что кора уже «готова» при появлении множества комаров. Дед Мартын характеризует это время так: «Бересту снимать надо, когда береза цветет в полный лист, и в самый жаркий день, когда морошка созревает»⁶. Некоторые современные новгородские мастера считают, что бересту следует начинать заготавливать сразу после Троицы. Можно заготавливать и позже. Вот что говорит Алексей Никифорович Алексеев из деревни Марково: «Если, которая хорошая, до самой, как говорят, пока не замерзнет» (можно драть). Ему вторит Алексей Андреевич Чусов 1909 года рождения, мастер из деревни Морозово Мошенского района Новгородской области, который начал плести из бересты с двенадцати лет: «Май, июнь, июль и до морозов в любой месяц заготавливать было можно. Но во время сока лучше».

Но не только русские заготавливали бересту не в «подходящее» для этого дела время. Народности Сибири, например, ханты и манси заготавливают три раза в год: весной, во время сокодвижения, в июле, когда цветет шиповник и осенью, когда опадает лист⁷.

Американские индейцы «делали покрытия для вигвама, каноэ и крупную домашнюю утварь из тяжелой зимней коры, которая являлась самой лучшей, если резать ее после второго мороза. Летняя кора тоньше и может заготавливаться во время весны, лета или ранней осени. Она больше всего подходит для легковесной посуды»⁸.

К сожалению, мы не располагаем другими сведениями о приметах, связанных с заготовкой коры у русских. А вот, к примеру, два табу у североамериканских индейцев. Некоторые племена считали, что нельзя есть хлеба в то утро, когда ты намереваешься резать кору для каноэ или домашней утвари. Но если все-таки поел хлеб, кора может быть плохой и испорченной дырками. По тем же причинам не следует есть на завтрак кукурузного пудинга. И когда «современного» индейца спросили об этих суевериях, то тот ответил, что хлеб и пудинг вроде бы не должны влиять на качество коры, но если бы он собрался на заготовку, то не стал бы рисковать⁹.

Чтобы подготовить качественный материал, нужно знать и подходящее место сбора.

Мы уже упоминали, что в европейских смешанных лесах распространены только пушистая и повислая белокорые березы. Оба этих вида здесь в достатке. Но для работы больше всех подходит гладкая без трещин кора березы «пушистой».

В Новгородском регионе для заготовления березовой коры мастера ищут смешанный лиственный лес, в котором береза соседствует с осиной и ольхой. В местах, где к ним подмешиваются ель и сосна, кора березы не бывает чисто гладкой и полностью пригодной для поделочных работ. Кора более хороша, когда смешанный лес находится несколько в низине, ближе к болоту, нежели на возвышенности. В смешанном лесу береза вынуждена тянуться ветвями к свету, ствол у нее в нижней части вытягивается, очищается и становится удивительно подходящим для заготовки коры. Когда береза растет в бору, расстояние между веток у нее маленькое и трудно найти промежутки пригодные для заготовки материала. Нужно помнить, что с плохой березы не собрать хорошей коры: «С камня лык не надерешь»¹⁰.

Говоря о заготовке, необходимо рассмотреть и способы снятия бересты.

Для плетеных изделий крестьяне на русском Севере заготавливали бересту только ленточным способом. (Ленту для плетения из бересты, коры липы или вяза часто называли лыком.) При этом они никогда не делали на стволе дерева предварительных винтовых надрезов, а держали ширину ленты при снятии коры, руководствуясь силой натяжения ленты и ее углом по отношению к стволу. (См. фото) Мастер сам регулировал ширину при начале сдира-ния. Научиться снимать ленту с дерева таким способом нелегко. Надо раз за разом пробовать, пока не получится. Зато результат вознаградит усилия. Если ствол дерева гладкий, то можно было снять ленту длиной до десяти метров. Ее тут же в лесу сворачивали в клубок белой стороной наружу. На клубок наворачивали ленту за лентой, и он мог доходить до размеров футбольного мяча и более. Хороший мастер на сезон заготавливал до полсотни и более клубков. Само по себе сматывание ленты в клубок является искусством, и без сноровки с первого раза этого не сделать. У русских крестьян такие берестяные клубки похожи на птичьи гнезда — с отверстием в центре. Мы убедились на практике, что именно такой способ сворачивания ленты в клубок можно считать самым удобным. Хранили такие клубки в сарае на сухом месте или на чердаке.

В дальнейшем перед плетением, когда береста заготавливалась первым способом, ленточка просто подбиралась по толщине и ширине для заданного изделия, ровнялась ножом с обеих сторон и скреблась сверху, с белой стороны, то есть «чинялась». Мы встретили этот термин в деревне Морозове Мошенского района у Алексея Андреевича Чусова 1909 года рождения, мастера, который плел из бересты с 11 лет. Во время этого процесса срезались всякие наросты, неровности и т. д. Часто мастер «чинял» сразу несколько клубков подряд. Тогда, очистив и подровняв строчки, он вновь сворачивал их в клубок для дальнейшего хранения. Короткие или узкие лыки, например, не годились для зап-

летения основы лаптя и шли на оборы (веревки для привязывания лаптя к ноге) и подковырку (второй плетеный слой на подошве лаптя)¹¹. Как раз такой момент в подготовке материала и характеризует русская народная поговорка: «Не всякое лыко в строчку».

После нарезки по длине закладывалась основа будущего изделия. Для лучшего скольжения во время плетения новгородские крестьяне использовали растительное масло, свиное сало, мыло с водой, воду. Зафиксированы два мастера в Демянском районе Новгородской области, которые при плетении для смазки ничего не использовали и плели, как говорится, на сухую. Если берестяная лента, заготовленная несколько лет назад, подсыхала и начинала ломаться, ее размачивали водой.

Для дегтекурения, хозяйственных нужд и изготовления неплетеных изделий (туесов и др.) бересту заготавливали пластом. «Береста первой сдирки носит название скалы, скалки, скалины (в северо-восточных губерниях), скалбы (Псковск.), скалья и древя (Тверск.)»¹². Пластовая береста свободно продавалась на рынках на развес: в пудах для перегонки на деготь и в сотнях листов для изделий. «Опыт показывает, что один рабочий в течение дня может собрать с растущих деревьев в низменном месте 5 пудов (1 пуд = 16,38 кг), на возвышенном же 3,5 пуда, и что из кубической сажени (1 сажень = 2,1336 м) дров получается 15 пудов бересты»¹³.

Снятие пластом бересты использовалось и для изготовления крупных изделий. Так, например, для каное североамериканские индейцы большой и толстый пласт коры, иногда достигающий в своих размерах до 1,40 метра в ширину и 4,5 метров в длину¹⁴, заготавливали с поваленного дерева. Изредка, когда кора шла туго, использовали горячую воду, которую лили прямо в место сдирания коры¹⁵. Возможно, такой же способ заготовки использовали народы Приамурья, которые делали лодки-берестянки — челноки на одного-двух человек из сшитой березовой коры, обтягивающей каркас¹⁶.

Современные городские мастера заготавливают бересту, в основном, пластами и в самое подходящее для этого дела время: в первую половину июня. Кора берется, как правило, с деревьев среднего возраста (диаметром 12–15 см).

Перед снятием коры с дерева необходимо проверить ее на предмет пригодности к работе. Для этого следует надрезать небольшую полоску коры и посмотреть, какого она цвета. Лучшая кора имеет светло-желтый цвет. Если кора имеет красный, темно-коричневый или близкий к ним цвет, то ее лучше не снимать, так как она быстро высохнет и станет непригодной для работы. После этого кончик полоски следует перегнуть и посмотреть, расслоится ли она на тоненькие

слои или нет. Кора, которая расслаивается, не очень подходит для работы.

Если материал подходящий, на стволе делают продольный разрез ножом внешнего слоя коры. С обеих сторон этого продольного разреза можно сделать два поперечных, не обязательно круговых. Один из краев бересты вдоль продольного надреза слегка отслаивается ножом. Ухватив за кончики отслоенной коры, движением вокруг ствола снимается весь пласт.

Листы сгибают поперек чечевичек и засовывают в рюкзак. Если в лес берется мешок, то кору можно складывать в него, не перегибая.

Дома опытные мастера расслаивают кору до нужной толщины, сортируют и закладывают на хранение. Очищенную бересту можно хранить в больших пластиковых мешках или стопками с тяжелым прессом сверху. В жаркий июньский день снятая с дерева кора бывает очень влажной, и перед хранением ее надо подсушить, иначе она потемнеет и потеряет товарный вид, а то и просто станет хрупкой. Для просушки коры ничего специального, как правило, не делают. Кора подсыхает во время ее очистки и сортировки. Ее можно подсушить при хорошей погоде прямо в лесу, разбросав листы на траве на некоторое время. Не желательно ходить в лес за корой в дождливую погоду.

Если мастер заранее знает, что и в каком количестве он собирается в ближайшие месяцы плести, то можно хранить бересту уже нарезанной по определенному размеру строчками (ленточками), связав их в стопки по несколько штук.

Сложнее способ заготовки берестяных цилиндров — сколотней. Их используют для изготовления туесов. На Севере такой цилиндр называют еще дуплём¹⁷. Существует два способа заготовки сколотней, и в обоих случаях березу необходимо заваливать. В наше время не так уж много мастеров делают туеса ввиду трудоемкости их изготовления.

Сколотень лучше заготавливать в самый жаркий день начала июня. Кора в такие дни отходит от ствола с большей легкостью.

Выбирать березу для сколотней надо ровную, длинную с белой гладкой корой и не особенно толстую (достаточно 12–14 сантиметров в диаметре) с широкими промежутками между ветвей, чтобы снять как можно больше сколотней. С хорошего дерева можно заготовить до двадцати цилиндров. Прежде чем рубить дерево, необходимо проверить, чтобы кора была светло-желтой, достаточно толстой и не расслаивалась при изгибе. Для этого надо срезать небольшую ленточку бересты и проверить ее на цвет и изгиб.

Дерево рубится, освобождается от веток и распиливается на отдельные чурбачки, будущие сколотни. Длину

Выколачивание древесины из сколотня.
Фото В. Ярыша

чурбачка не следует делать более 20–25 сантиметров, иначе будет трудно снять сколотень. Места на стволе дерева для сколотней должны выбираться ровные, без сучков и других повреждений. При следующей стадии мы используем сочалку, острие которой аккуратно загоняем между древесиной чурбачка и двумя слоями коры. Пропахиваем инструмент вдоль древесины насквозь. После этого, положив чурбач на колени, осторожно проворачиваем сочалку вокруг древесины, отделяя от нее оба слоя коры. Иногда инструмент идет туго, и тогда его можно попробовать повернуть в обратную сторону или кончиком его, вставив сначала с одной, а потом с другой стороны, сантиметров на пять-семь, отделить кору по окружности. Именно так используется рябиновый или словый клин, о котором мы говорили выше. Но только клин придется вгонять в промежуток между корой и древесиной несколько раз, чтобы отделилась кору по всей окружности с обеих сторон чурки. После этого сочалку вынимаем. Чурбач зажимаем между колен и при помощи ударов рукояткой топора выбиваем древесину наружу. Перед ударами необходимо проверить, чтобы комлевая сторона чурбача была с противоположной стороны от ударов. Покрутив немного сколотень между ладоней, освобождаем его от второго, темно-коричневого слоя коры и отпиливаем следующий чурбач.

Второй способ выбивания сколотня немного отличается от первого. В этом случае обязательно надо начинать снятие с верхушки дерева. Отпилив ствол дерева с одной стороны предполагаемого места снятия сколотня, с другой надо только срезать по окружности до древесины ствола полосу двойного слоя коры шириной шесть-семь сантиметров. После этого сочалка загоняется между древесиной и двумя слоями коры со спиленной стороны ствола и пропахивается на выход из другой. Так же, как и в первом способе, кора отделяется по кругу от древесины, и сочалка после этого вынимается. Вместо сочалки, как уже было сказано, можно использовать длинные деревянные клинья. Будущий сколотень обворачивается ремнем и, потягивая сначала за один конец ремня, а потом за другой, сколотень расшатывается и вынимается. После этого делается следующий спил бревна перед ровным промежутком ствола, с которого предполагается снять следующий сколотень, и операция повторяется.

После заготовки сколотни можно сложить один в другой и снести домой. В прохладном сухом помещении они хранятся несколько лет.

Мы не рассказываем подробно об изготовлении туесов, прошитых с помощью корней хвойных деревьев. Но коротко остановимся на заготовке корня, чтобы вы сами могли попробовать сделать такой туес. За последние де-

сять лет нам не удалось обнаружить в Новгородской области деревенских мастеров, которые умели бы делать такие туеса, и рассказали бы нам обо всех тонкостях этого ремесла. Поэтому мы рассказываем о заготовке корня, опираясь на собственный опыт и сведения, почерпнутые из печатных источников.

В туесах корень используется для сшивания «рубашки», верхнего и нижнего ободков и для обшивки верхнего и нижнего краев. Для этой цели годятся корни ели, сосны, кедра, можжевельника и т. д. В Новгородской области применялись корни ели и сосны.

Заготавливать корни можно в течение всего лета и осени. Строение корня хвойных деревьев похоже на строение ивового прута и, следовательно, есть сходство в их обработке. Для заготовки корня потребуются нож и маленькие садовые

грабельки — трезубец. Лучший корень можно заготовить на песчаной почве, но для заготовки годится любой лес, где растет с десяток елей среди других деревьев. Заготовка корня ели и сосны не представляет особого труда, так как «крона» корней этих деревьев стелется близко у поверхности почвы. По толщине корень должен быть с карандаш или немного тоньше.

Выбрав подходящую местность в лесу, необходимо разгрести почву на расстоянии метра-полтора от ствола дерева, используя садовые грабельки. Через некоторое время появляется корень. Если вблизи растет осина или ольха, то, возможно, вы встретите корни именно этих деревьев. Отличить корень ели от корней осины или ольхи нетрудно. Корень ели на изгиб не ломается, он немного липкий и пахнет хвоей. Корни же осины, рябины и других

пород ломаются и запах у них не имеет ничего общего с хвойным. Попавшийся корень нужно отрыть, вытягивая его из земли и помогая подрыывать грабельками. Иногда удается заготовить корень длиной до двух метров, который будет на всем своем протяжении почти одной толщины. Отрытый корень находится в темно-коричневой коже, которую необходимо очистить в ближайшие день-два. Но прежде корень необходимо вымыть и срезать с него ножом все мелкие отростки. Внешняя кожа снимается с корня так же, как и кора с ивового прута. Самый простой способ — «протащить» корни сквозь два больших гвоздя, вбитых в пень плотно друг к другу. Засунув корень между ними, одной рукой следует слегка прижимать гвозди поверх прута, а другой тащить корень. После этого кору с прута можно удалить без труда. Очистив кору, каждый корешок необходимо свернуть в кольцо диаметром 10–12 сантиметров и высушить. Сухой корень очень хрупок. Перед работой его надо размачивать в теплой воде 10–15 минут, разорвать вдоль на две полови-

Отделение коры от древесины при заготовке сколотня.
Фото В. Ярыша

ны и подровнять ножом каждую половинку, чтобы корень был одинаков по ширине и толщине на протяжении всей длины. Во время работы корень должен быть влажным, поэтому его необходимо время от времени смачивать.

Для изготовления ручек туесков используют ивовый прут толщиной с большой палец, срезанный поздней весной или ранней осенью, который предварительно вырезают по форме и после двух-трехчасовой проварки в воде изгибают по форме и высушивают. Интересно, что в кромки плетеных берестяных корзин новгородские крестьяне

чаще вставляют черемуховый или рябиновый прут, а об ивовом отзываются как о не очень прочном. Мы не проводили анализа ручек на сорт древесины в новгородских этнографических туесках. Вполне возможно, что некоторые из них сделаны из черемуховых или рябиновых прутков. Но на практике мы убедились, что ива вполне подходит для такой работы.

Донья и крышки делают обычно из еловых или сосновых дощечек. Толщина доньев не превышает одного сантиметра, а крышка всегда немного толще...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 3А. Кн. 6. СПб., 1891. С. 527.

² Там же.

³ Uses Of Birch Bark In The Northeast. By Eva L. Butler and Wendell S. Hadlock. Bar Harbor, Maine, 1957. P.8.

⁴ Näverslöjd. Katarina Ägren och Karin Lundholm, ICA bokförlag VÄSTERAS. P.36.

⁵ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Девичество. М., 1994. С. 174.

⁶ Александр Миловский. Туеса деда Мартына // Скачи, добрый единорог. М., 1986. С. 54.

⁷ Т.Б. Митлянская. Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока: Книга для учителя. М., 1983. С. 209.

⁸ Eva L. Butler, Wendell S. Hadlock. Ук. соч. С. 8.

⁹ Eva L. Butler, Wendell S. Hadlock. Uses Of Birch Bark In The Northeast. The Robert Abbe Museum. Bar Harbor, Main. 1957. P. 7.

¹⁰ В. Даль. Пословицы русского народа. Т. 2. М., 1984. С. 27.

¹¹ Д.К. Зеленин. Терминология лапотного дела // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Л., 1982. С. 141.

¹² Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 3А. Кн. 6. С. 527.

¹³ Там же.

¹⁴ David Gidmark. Birchbark Canoe. Firefly Book. 1997. P. 59.

¹⁵ Richard C. Schneider. Crafts Of The North American Indians. R. Schneider, Publishers. 1972. P. 195.

¹⁶ Советский энциклопедический словарь / Ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1984. С. 131.

¹⁷ А.С. Миловский. Скачи, добрый единорог. М., 1986. С. 54.

У каждого человека в жизни должна быть сказка, сколько бы ему ни было лет. Главное — впустить ее в сердце еще в раннем детстве, когда все вокруг видится по-особенному ярко, и пронести через всю свою жизнь, как частицу надежды на какое-то чудо, которое обязательно когда-то должно произойти, как веру в воплощение самой заветной мечты. И, должно быть, немалая доля счастья заключается в том, чтобы, несмотря ни на какие жизненные трудности, не разучиться с возрастом видеть мир во всем его ликующем многообразии, встречать каждый новый, пускай даже хмурый день, с радостью. А для этого нужно в душе всегда оставаться чуть-чуть ребенком — искренним и непосредственным, и в то же время быть внутренне сильным, чтобы отстоять не только свое пра-

во на сказку, право быть счастливым, но и право близкого, тем более если он только в начале жизненного пути.

Но сегодня, к великому сожалению, не для каждого маленького человечка, который достоин самого светлого в жизни, мир окрашен в радужные цвета. И печально, что он, живущий в столице или провинции, а то и в глухом, Богом забытом уголке страны, зачастую просто не может обрести себя в черед черной-белых буден. Возможно, он никогда не встречался со сказкой ни дома, ни в школе, ни на улице, никогда не жил в предвкушении чуда. Тогда истинным счастьем для него будет встреча с талантливым Учителем, Мастером, который зажжет в его душе волшебный огонек веры в то, что он сам способен это чудо сотворить, воплотив вдруг преобразившийся мир в цвете, линии, звуке.

..Два совершенно разных человека, два редких дара. Два непростых пути, пройденных ими прежде, чем реализовать мечту о создании своей школы — у каждого по-своему уникальной. Долгие годы непонимания и недоумения: «А зачем все это нужно?» Не сойти с выбранного пути помогали дети, которые своим чутким сердцем всегда чувствовали, что нуждаются именно в такой сказочной школе, а их творческие успехи говорили сами за себя.

Итак, — Творческая художественно-педагогическая мастерская члена Союза художников России Николая Михайловича Локотькова в Старой Руссе и Музыкальная школа русского фольклора, созданная при фольклорном театре «Кудесы» Мариной Клавдиевной Бурьяк, в Великом Новгороде.

МАЛЕНЬКИЙ ПАРИЖ

Переступаешь порог и попадаешь в сказку. Вернее, сказка начинается еще с подъезда, ведь расположена Творческая художественно-педагогическая мастерская Николая Локотькова на шестом этаже обычного жилого дома. Дом-то самый обычный, да только для сотен ребят из Старой Руссы под самой его крышей произошла встреча с Мечтой. Каждый день они поднимаются на самый верхний этаж, равно как и каждый день делают очередной шаг, сближающий их с миром искусства, убеждающий в собственном творческом росте.

Многие приходят на занятия задолго до их начала и, прежде чем зайти в мастерскую, останавливаются на какое-то время на лестничной площадке. Ведь это не обычная серая лестничная клетка, а настоящее преддверие чуда: на цветных стенах «сидят» огромные бабочки, которых никто почти за четыре года работы школы не попытался «спугнуть»; созданное фантазией детей диковинное растение, стоящее в большой вазе, удивляет своей причудливостью, а комнатные цветы на подъездном окне, радуя взор сочной зеленью, словно говорят о том, что лето здесь никогда не кончается, — заглядывает ли в окно хмурое осеннее небо, стучится ли холодный дождь или беспокойная снежная вьюга. Это значит, что частичка солнца сразу поселится в сердце, а плохое настроение и скука, если они шли вместе с тобой, не переступят порог мастерской, так как там им просто не найдется места.

Да и как можно скучать на уроках, которых ждешь с таким нетерпением, ведь каждый из них — очередное открытие, которое помогают тебе сделать любимые учителя, и в руках у тебя не просто кисточка или карандаш, а волшебная палочка, прикоснувшись которой к бумаге, ты сможешь запечатлеть на ней все, что подскажет твое воображение: невиданный цветок или животное своей мечты, любимого литературного героя или чудесный дом, в котором ты хотел бы жить. В твоих силах даже воплотить в цвете и линиях приятную музыку, которая звучит в данный мо-

мент в классе, или создать абстрактную картину, выразив при помощи красок, пастели свое настроение.

Николай Михайлович ЛОКОТЬКОВ

...Солнечный зайчик проник в класс сквозь вырезанное в льняных шторках декоративное окошечко, заиграл на стенах, любясь висящими на них картинами Николая Михайловича и его учеников, спрыгнул на паркетный пол и вдруг — совсем неожиданно — очутился... у тебя в ладошках. Так вот, оказывается, в чем секрет того, что твоя

ропись по шелку получилась столь звонкой и радостной: солнечный зайчик добавил в краски золото!

В этом классе возможны всякие чудеса, потому что он сам необычный. Кто бы, например, поверил, чтоходишь ты в него не через дверь — ее здесь просто нет, а словно «вырастаешь» перед одноклассниками из-под земли, точнее, из-под пола. На самом деле все объясняется очень просто: потолок в мастерской очень высокий, а окно про-

МОИ РУКИ. Светлана Визир, 15 лет

сто огромное, что и позволило Николаю Михайловичу надстроить второй этаж, разместив на нем светлый уютный класс. Поэтому попасть сюда можно, только поднявшись по крутой лесенке. Вот и весь секрет.

Столы здесь стоят вдоль стены и окна таким образом, чтобы все: дети и учитель — могли расположиться лицом друг к другу, а на свободное пространство в центре класса при необходимости выдвинуть мольберты. Есть тут и школьная доска, тоже не совсем обычная — белая, как мел, и писать на ней нужно особым фломастером, который потом легко стирается. Вот только существует один совершенно невероятный факт — уроки пролетают как-то совсем незаметно, словно за пару минут. И не успеешь ты спуститься в нижний класс, точнее, даже не класс, а необыкновенно уютное помещение, своеобразную розовато-оранжевую гостиную с фортепиано и «музыкально-раскрашенным» — под клавиатуру инструмента — черно-белым стулом, как там на мягких кожаных диванчиках уже размещаются другие ученики, а из таинственного сундучка «выбираются» забавные зверушки и милые куколки в разноцветных платьицах и цветных колпачках — такие живые, веселые, и ребята становятся актерами кукольного театра. А завтра они смогут попробовать себя в несколько ином амплуа, став актерами театра теней. Зрителями же, помимо

одноклассников и учителя, станут многочисленные керамические игрушки, различные статуэтки, которые будут наблюдать за игрой своих юных создателей с книжных полок, бабочки, летающие тут же под потолком (пусть даже их, висящих на ниточках, приводит в движение малейший сквознячок), высокая гордая пальма и живые рыбки, притаившиеся среди изумрудных водорослей в большом аквариуме.

Вечером, возвращаясь домой, ребяташки понесут в своей душе сказку, которую сами создали, и завтра, наверняка, будут рассказывать о чудесных уроках своим родителям и друзьям. Но это как раз тот случай, когда лучше один раз увидеть, лично побывав в мастерской, чем сто раз услышать.

...Помню, еще до своего визита в творческую мастерскую Николая Локотькова, я рассматривала цветные фотографии, на которых была запечатлена жизнь школы. Медленно переворачивая странички фотоальбома, я все больше и больше удивлялась тому, какое огромное количество праздников, как мне казалось, устраивается в школе. И ничуть не уменьшилось мое удивление, когда Николай Михайлович пояснил, указывая на ряд фотографий:

— Вот это, действительно, Новогодний праздник, и это тоже. А на остальных фотографиях — обычные уроки.

Еще тогда мне стало понятно, что Николай Михайлович обладает удивительной способностью — в повседневном, как он говорит, «обычном», находить самое светлое, яркое, красочное и дарить его детям. Поэтому то, что нас удивляет, для него и его учеников — обязательное условие существования. К тому же им известно, что самые серьезные вещи легче постигать, когда на уроке воцаряется сказочно-добрая творческая атмосфера. Но за всем этим, конечно же, каждодневный нелегкий труд Николая Локотькова — изо дня в день, из года в год.

— Эта мастерская — мой маленький Париж. Мечта, к осуществлению которой я шел более двадцати лет. Здесь вся моя жизнь, — сказал мне Николай Михайлович в день моего первого визита в мастерскую. — Я всегда считал, что каждый человек, если он даже не одарен от природы, имеет право учиться понимать и ценить искусство, а в маленьких городах это не всегда возможно из-за отдаленности от культурных центров, отсутствия нужных специалистов. Приехав в Старую Руссу в 74-м году и проработав несколько лет в общеобразовательной школе учителем изобразительного искусства, я убедился, что абсолютно любого ребенка можно развить. У всех детей разные художественные способности, и к каждому необходим индивидуальный подход. Мои ученики очень быстро стали радовать меня творческими успехами, а наш класс ИЗО был признан лучшим в области... Но, чтобы у детей из провинции появилась возможность получать серьезную подготовку в вопросах понимания искусства, нужно было трудиться над созданием целой программы эстетического образования, разработать новые методики, найти поддержку у специалистов, которые, в первую очередь, должны быть единомышленниками, а в общеобразовательной школе реализовать какие-либо программы, помимо утвержденных, в то время было невозможно. Поэтому, когда в 77-м году мне предложили открыть отделение изобразительного искусства в Старорусской школе искусств, я согласился. Тогда у меня появилась идея: неплохо было бы, чтобы каждый уч-

ник получал сразу комплекс знаний и навыков по изобразительному искусству, музыке, театру и хореографии. И я принялся за методические разработки... Проходили годы, но никакие новые идеи поддержки в школе не находили. Она так и работала по утвержденным когда-то планам, изменить что-либо в которых было практически невозможно, и под одной крышей просто сосуществовали музыкальное, художественное, хореографическое отделения — как три независимые школы. Ни о каком синтезе искусств, ни о каком комплексном обучении никто и речи вести не хотел. Только и слышал вопросы: «А кому это надо?» Потом перестройка началась. Вот, казалось, появится возможность что-то менять в лучшую сторону. Но даже разработанный нами трехгодичный курс общеэстетической подготовки *любого* ребенка — одаренного или нет, начиная с девятилетнего возраста, школе был особо не нужен... Двадцать лет я проработал в школе искусств, но постоянно встречал некорректное отношение к новым идеям и программам. В связи с бесперспективностью работы в государственной школе я решил уйти и создать свою. Мы сделали ремонт здесь, в моей мастерской, и в 1997 году Творческая художественно-педагогическая мастерская открыла свои двери для детей.

Кстати, стоит заметить, что тогда из школы искусств в творческую мастерскую Н. Локотькова ушли многие его ученики — человек тридцать. А верность и уважение детей — это самая высокая награда для учителя.

Сегодня ученики постигают азы изобразительного искусства, видя, как работает мастер. Они же вносят определенные коррективы в четко составленную программу, ведь в мастерскую приходят дети уже с пяти и даже с четырех лет и учатся в подготовительных классах. А освоив общеэстетический курс, ученики переходят в художественный класс. Особо одаренных детей преподаватели готовят к поступлению в высшие учебные заведения, куда, как показал опыт, они блестяще сдают экзамены. А вот в школе Николая Локотькова никаких экзаменов нет.

— В школу принимаются все без исключения, так как, по-моему, аморально проводить вступительные экзамены для детей и отказывать кому-то из них в его желании рисовать. Наша программа дает возможность любому ребенку раскрыться в процессе обучения. И если сегодня у него что-то не получилось, то завтра, он это уже знает, все получится замечательно. В целом же программа рассчитана на длительную перспективу во времени, — заметил Николай Михайлович.

...Когда мне показали изумительные книжки, созданные руками детей на уроках, и я, не скрывая удивления, воскликнула: «Неужели их сделали сами дети?! Они ведь выполнены настолько профессионально!», — одиннадцатилетний Леша, сосредоточенно работавший над созданием собственного экслибриса, совершенно серьезно ответил: «А у нас все здесь профессионально!» Это высшая оценка того, что ребенок видит вокруг себя. Он чувствует профессионализм своих преподавателей, способных так много ему дать, и в то же время ощущает свой творческий рост:

— В школу меня привела сестра. Но тогда я не мог

карандаш держать в руке. Помню, как было трудно на первом уроке изобразить кактус и свистульку. Теперь творчество доставляет мне радость, ведь я вижу, что у меня что-то получается. Больше всего мне нравится делать линогравюры. И еще нравится, что у нас в школе нет оценок!

— Надо дать ребенку возможность почувствовать себя художником, дизайнером, модельером, научить работать с глиной — у нас есть печь для обжига, писать по шелку, ткать гобелены, расписывать фарфор, показать, как работает станок для печати офортов. То есть программа ориентирована на многообразие творческих специальностей, — говорит Николай Михайлович. — Пусть у ребенка будет свобода творческого самовыражения. Нужно, чтобы он знал, что есть как реалистическая живопись, так и декоративная. Но нельзя заставлять его в шесть — семь лет работать только, например, в реалистической манере, иначе ему намного труднее будет потом найти свою художественную манеру, свой язык... И, слава Богу, сегодня со мной работают единомышленники, талантливые учителя, которые также знакомят детей с основами теоретических знаний по музыке и театру, совершают вместе с ними поездки на выставки, концерты в культурные центры.

Подобные поездки, несомненно, дают ребенку мощный творческий заряд. Но и родная Старая Русса способна вдохновить к творчеству. Как сказала тринадцатилетняя Александра, «идешь по улице, видишь памятники старины и не можешь не удивляться их красоте, а когда гуляешь по набережной, около Дома-музея Достоевского — стихи сами по себе складываются».

Кстати, лучшие стихи, рассказы, и конечно же, художественные работы юных авторов публикуются в замечатель-

ном красочном журнале «Введенская сторона», который Николай Михайлович издает вместе со своими учениками. И называется он так не только потому, что творческая мастерская находится на Введенской стороне города, но и потому, что *введение* в мир прекрасного, приобщение к нему — это высшая благодать, которую человек может испытать. И вовсе не обязательно, чтобы ребенок стал в будущем профессиональным художником, музыкантом или поэтом. Главное, что в его душе всегда будет гореть волшебный огонек, освещающий ему путь в жизни, а стало быть, он обязательно найдет свое счастье...

КУДЕСНИЦА

«Кудесьте с нами круглый год! Пойте, шутите, чудеса творите!» — «Кудесы» приглашают всех — от мала до велика — взяться за руки и в дружном хороводе вдруг ощутить ту внутреннюю связь — от сердца к сердцу, — которая объединяет людей, делая их вмиг добрее и проще. И не хочется разнимать рук, словно боишься потерять что-то очень важное, почему-то забытое и заново обретенное в этом волшебном хороводе. Но отчего это в задушевном русском напеве, чарующем красочным многоголосием, странным образом угадываются какие-то нотки, интонации, будто уже слышанные, но очень давно? Должно быть, лет сто назад.

— Это обращение к нашей генной памяти, к вековому опыту русской традиционной культуры, то есть подсознательное возвращение к своим корням, — говорит Марина Клавдиевна Бурьяк, художественный руководитель фольклорного театра «Кудесы» и директор Музыкальной школы русского фольклора. — Если раньше в этносреде ребенок с момента своего рождения постоянно получал прямую музыкальную информацию — от матери, бабушки, его брали на посиделки, то есть он проходил естественный этап непосредственного восприятия музыкального материала, то сегодня связь с традиционной культурой практически разрушена и единственным ее приемникам далеко за 90 лет. Наша задача — насколько это возможно, реставрировать эту взаимосвязь поколений. А так как исконным путем ее практически не восстановить, основной состав «Кудесов» передает маленьким новгородцам свой собственный опыт исполнительского мастерства — певческого, хореографического, инструментального, декоративно-прикладного, — накопленный в многочисленных экспедициях. Знание своих корней, национальных традиций — великое дело, и чем раньше ребенок приобщится к родной культуре, тем лучше.

Вот уже долгие годы Марина Бурьяк, человек редкого таланта и удивительной творческой устремленности, творит поистине чудеса. Ее справедливо называют самородком, подвижником, человеком-огоньком, в непростое для России время помогающим обрести силы через обращение к самому сокровенному — подлинно народному искусству.

Должно быть, самому Богу было угодно, чтобы она, выпускница Ленинградского института культуры, приехав на древнюю Новгородскую землю, основала уникальный фольклорный театр, который сегодня является научно-концертной лабораторией по сохранению, развитию и воссозданию новгородской народной культуры на основе сбора материала, его изучения, исполнения и передачи творческого мастерства младшим поколениям. Недаром ныне театр «Кудесы» считают «визитной карточкой» Великого Новгорода — их репертуар настолько обширен, что диву даешься! Всю палитру цветов вобрали в себя проводимые на улице праздники народного календаря «Новогодняя елка» (с 22 декабря по 6 января), «Рождественская Звезда» (с 8 по 12 января), «Святочные чудеса, гадания» (с 13 по 17 января), когда все желающие — а их всегда много — участвуют

Марина Клавдиевна БУРЬЯК

вместе с «кудесниками» в обрядовых играх, забавах, трапезе у костра. Это и «Дорогая Масленица» (за семь недель до Пасхи) на берегу Ильмень-озера с ритуальным высоким костром, хороводами, играми-забавами, состязаниями, плясками, величанием новобрачных пар, катанием на лошадях, обрядовой трапезой; и «Суроки» (22 марта) — детский праздник с закликанием весны, птиц, обрядовыми играми-хороводами; и «Чистый четверг» (четверг канун Пасхи) с девичьими обрядами ранним утром: умыванием четверговой водой, заплетением косы под ветвями яблони, ауканьями, встречей Солнца; и Пасха с Пасхальным гулянием, величанием Воскресения Христова, величаниями гостей праздника, плясками, качанием на качелях, ритуальным костром, обрядовыми играми; и «Семика» (четверг канун Троицы) на берегу Ильмень-озера с обрядовыми играми, хороводами, кумлением, трапезой; и «Купалье» (ночь с 6 на 7 июля) с ночным гулянием на берегу озера, с обрядовыми играми, хороводами, опусканием венков на воду, перепрыгиванием через купальский костер, гаданиями, состязаниями, с оберегом полей, обрядовой трапезой.

Знают и любят «кудесников» школьники и дошкольники за интереснейшие концертно-театральные программы и замечательные лекции, в увлекательной форме знакомящие их с традиционными новгородскими обычаями и обрядами. А после удивительных спектаклей фольклорного театра «Волшебная сказка», «Федот-стрелец», «Царевна-лягушка» и других, где наравне со взрослыми играют дети, не один юный новгородец пришел учиться в Музыкальную школу русского фольклора.

То, что сегодня «Кудесы» известны и любимы не только в Великом Новгороде, но и далеко за его пределами, является результатом многолетнего самозабвенного труда талантливых, увлеченных людей, однажды вставших на свою стезю и ни разу, несмотря ни на какие трудности и преграды, с нее не сошедших. За 15 лет существования театра почти в ста экспедициях по самым отдаленным уголкам Новгородской области был собран богатейший фольклорный материал: зафиксированы, изучены и освоены образцы различного исполнительства, воссозданы целые обрядовые циклы, буквально по крупицам восстановлены практически забытые народные драмы, актерами которых уже на первых этапах становились сами участники экспедиций, в том числе дети; некоторые из них выбрали фольклор в качестве своей профессии и уже сегодня передают накопленный опыт младшим поколениям.

В 1996 году детская студия, созданная коллективом ансамбля в целях преемственности народной культуры, была преобразована в Музыкальную школу русского фольклора, на трех отделениях которой: музыкальном, традиционных ремесел, дошкольном сегодня обучается около 200 детей. Марина Бурьяк рассказывает:

— Пытаясь проследить путь художественного становления личности, мы определили, что весь опыт традиционного исполнительства накапливается человеком в течение 18 лет. В школе мы стараемся создать условия, максимально приближенные к исконным, направив учебный процесс таким образом, чтобы любой ребенок смог раскрыться, — ведь каждый человек, безусловно, талантлив от природы. На дошкольное отделение дети принимаются без вступительных испытаний. У малышей — сплошной мир мифологии, они постоянно находятся в атмосфере сказки, которую мы и стараемся поддерживать на уроке, чтобы они смогли реализовать свой внутренний мир через те образы, те сюжеты, которые им близки и понятны. К детям семи лет необходим уже направленный профессиональный подход. Они переходят к осознанному освоению художественного опыта — пения, танца, игры на инструменте, а также традиционных ремесел — бересты, соломки, ткачества, изготовления народного костюма. При этом главное — помочь каждому найти в себе самом те таинственные ключи, которые во всем многообразии и с силой волшебства дает природа народного материала. Так как зрелое эмоциональное освоение традиций в исконном варианте приходится, как я уже сказала, на 18 лет, а дети заканчивают нашу школу в 12–13, мы, чтобы дать им весь объем необходимых знаний и навыков, вводим начальную школу профессионального музыкального образования плюс к традиционной, которая все же прежде всего. Дети изучают полный курс фортепиано, аккордеона, скрипки, флейты — на выбор, сольфеджио, музыкальную литературу, а также специальный курс этнопредметов: фольклорное и ансамблевое пение, фольклорную хореографию, учатся игре на самобытных музыкальных инструментах — гусях, балалайке, гармонии. Если наш выпускник хочет быть действительно зрелым в исполнительском плане, он остается в школе еще какое-то время, чтобы его приняли в состав профессиональных традиционных исполнителей «Кудесов». На этот период он уже может свободно импровизировать, самостоятельно держать голос, дополнять недостающие голоса, а в пляске его проявляется не только манерность, которая впитывается традиционно, как диалект, но еще и особые орнаменты, дробь... Конечно, не все выпускники школы выбирают фольклор в качестве своей профессии. В училище поступают те, кто действительно хочет связать свою жизнь с этим направлением, стать преподавателем. А остальные, я считаю, тоже получили хорошую базу, и это юные новгородцы, которые действительно владеют традицией новгородского исполнительства. Девушки, преподаватели, которые сегодня сами уже воспитывают свои поколения преемников, с детства прошли богатую школу фольклоризма, окончили музыкальное училище по этой специальности, успешно овладели методикой. У них у всех есть стержень от исконных исполнителей, самых талантливых, которых им посчастливилось встретить на своем пути. А в деревне каждый был безусловно талантлив, и это исключение, чтобы кто-нибудь не пел и не танцевал.

Видя, как ученики Марины Клавдиевны работают с детьми, каким вниманием их окружают, какую сказочную атмосферу создают на уроках, поинтересовалась у Татьяны Александровны Воскресенской, как постигали азы мастерства они сами, когда много лет назад пришли в «Кудесы»?

— Ну, во-первых, мы были старше наших малышей. Если сегодня к нам приводят детишек, которым чуть больше года, и они в прямом смысле начинают прежде петь, чем говорить, то мне, когда я появилась в коллективе, было восемь лет. Другие девочки, ныне тоже преподаватели школы, пришли в «Кудесы» в пятилетнем возрасте. Самое главное, что у нас всё уже тогда было по-серьезному. Мы, дети, со всей ответственностью относились к любимому делу. Приходилось разучивать много песен, подолгу репетировать, готовясь к выступлениям. Но нам это так нравилось! Ведь в коллективе как-то сразу сложилась доброжелательная атмосфера. И что существенно — мы чувствовали отношение к себе, как к взрослым, способным перенять тот опыт, который нам передавали наши преподаватели. Хотя некоторые так называемые рабочие моменты теперь нельзя вспомнить без улыбки. Так, году в 91-м в Москве перед выступлением репетировали в гостинице. В номере встали на кровати, запели. А Марина Клавдиевна все время повторяла: «В унисон! Поем в унисон!» Для меня это «в унисон»

На фольклорном празднике «Сороки»

звучало так загадочно! Тогда я просто не знала, что это такое... Но каждый новый день, репетиции, концерты, очередные экспедиции открывали нам что-то важное, ранее неведомое. Мы старались работать с полной отдачей и ощущали свой творческий рост. И если нас хвалили учителя, если зрители говорили, что мы сделали что-то профессионально, никто из нас никогда не позволял себе возгордиться или похвастаться перед сверстниками своими творческими успехами. Я отчетливо помню, что уже тогда для меня, например, понятие «профессионализм» было синонимом высочайшего мастерства исконных народных исполнителей. Поэтому мы просто работали: осваивали опыт своих преподавателей, обрабатывали полевые материалы, готовились к очередным выступлениям. Но делали все это с любовью. И сегодня, передавая детям уже свой опыт, мы стараемся окружить их вниманием и теплом, которое нам в свое время подарили наши учителя.

И все-таки это особый дар — умение работать с детьми как бы на одной душевной волне, каждую секунду быть абсолютно искренним с ними, своими учениками, пусть даже ростом они — до клавиатуры стоящего в классе роя-

ля или чуть выше, ведь самому младшему — полтора, а старшему — три годика. Зато каждый из них уже поет гамму, знает ни одну забавную песенку и чувствует себя настоящим артистом. А помогают разучивать новые распевки, считалочки добрые друзья — игрушечный котик Васа и цветные зайчата, сидящие на рояле.

— Так как и на уроке ансамблевого пения, и на хореографии основные понятия и навыки осваиваются детьми через игру, то порою разыгрывается целое представление, сказка, — например, про заколдованную царевну и Ивана-солдата, когда дети поют, водят хороводы, танцуют, — говорит Наталья Николаевна Земскова. — В целом, занятия проходят на импровизации. Ученики сами определяют ход урока, выбирая игры, считалочки, песни. Мы придерживаемся календарного принципа — говорим о тех народных праздниках, которые приближаются, осваиваем связанные с ними традиции. При этом в группе должно быть человек семь-восемь, не больше. Ведь все они разные — кто-то более замкнутый, кто-то активный, и каждому необходимо особое внимание... Я с детства мечтала быть хореографом, танцевала в «Гусельках» с четырех лет. Когда пришла в «Кудесы», поняла, что у фольклорной хореографии — своя особенная специфика, которую я перенимала от традиционных исполнителей. Сейчас могу с уверенностью сказать, что любой ребенок может успешно освоить основы исполнительского мастерства. Это точно.

Если у преподавателя есть уверенность, что каждый ученик одарен от природы, способен со временем достичь высоких результатов, то нет никакого сомнения, так оно и будет. Ведь вчера в неперенный успех своих учеников поверила Марина Клавдиевна, и сегодня они оправдали ее надежды. Наталья Земскова стала лауреатом международного конкурса «Учитель музыки XXI века», проходившего в Москве с 20-го по 26-е ноября 2000 года. Эта победа еще раз доказала, что в «Кудесах» — истинные таланты, и впереди их обязательно ждут новые успехи. Ведь фольклорный театр и его детский коллектив-спутник неоднократно становились лауреатами и дипломантами городских, областных, всероссийских, международных фольклорных фестивалей и конкурсов. Ансамбль «Кудесы» — участник международных фестивалей фольклора — в Эльблонге (Польша, 1988), Линчепинге (Швеция, 1991), Спидеберге (Норвегия, 1993), Рогланде (Норвегия, 1996), Лондоне (Англия, 1996), Марбурге (Германия, 1997), Скопье (Македония, 2000), в Италии (2000), Польше (2000), а также — «Руна-Балтика» (Выборг, 1989), «Евромузыка-95» (Новгород), «Все флаги в гости к нам» (Калининград, 1995), «850-летие Москвы» (1998), «Славянский базар» (Витебск, 1999).

Фольклорный театр «Кудесы»

Сегодня в составе научно-исследовательской и концертно-исполнительской лаборатории театра: *Владимир Михайлович Бурьяк* — заместитель директора театра, солист ансамбля, ведущий специалист по традиционному актерскому мастерству, народной борьбе, мужскому фольклору, собиратель-фольклорист; ученики Марины Клавдиевны: *Наталья Николаевна Земскова* — солистка ансамбля, преподаватель школы по классу фольклорной хореографии, ансамблевого пения, игры на самобытных народных инструментах (гусли, балалайка); *Елена Александровна Горохова*, *Наталья Борисовна Сенина*, *Ирина Борисовна Иванова*, *Татьяна Александровна Воскресенская* — солистки ансамбля, преподаватели фольклорных дисциплин школы; *Александр Геннадьевич Дудов* — актер театра, преподаватель по классу актерского мастерства; и, конечно, учителя Марины Бурьяк, ныне заслуженного работника культу-

ры Российской Федерации, кандидата педагогических наук, автора научного исследования «Новгородское народно-певческое искусство»: *Головин Валентин Вадимович* — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургской академии культуры, заведующий кафедрой детской литературы, фольклорист, научный консультант театра по работе с архивными материалами; *Некрылова Анна Федоровна* — кандидат ис-

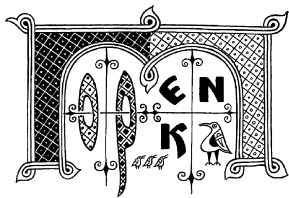
кусствоведения, заведующая сектором фольклора Санкт-Петербургского института искусствознания, театровед, консультант по фольклорному театру.

В настоящее время в школе работают порядка 25 преподавателей. Каждый из них делает все возможное в целях возрождения и передачи традиционного исполнительского мастерства юным новгородцам.

— Самое главное — это правильный выбор своего жизненного пути, только и всего, — говорит Марина Бурьяк. — Наша работа дает нам силы жить. Никак по-другому не скажешь. Приходишь к детям и ощущаешь себя творцом. Здесь мы — в своем родном доме, и силы наши от того, что мы правильно обрели себя в нем.

Весь коллектив театра и школы — кудесники — волшебники, но еще и искусные Мастера, ведь недаром одно из значений этого слова именно такое. И хочется, чтобы сбылись творческие планы и надежды «Кудесов» на 2001-й год и фольклорному театру было присвоено звание профессионального, чтобы при нем были открыты профессиональная лаборатория и архив, а школа преобразована в Центр традиционного новгородского исполнительства.

— Ведь сегодня это во многом зависит от нас самих, — заметила Марина Клавдиевна. — И наше будущее, будущее наших детей начинается именно сегодня. Сегодня — исток нового дня.

ОБЫЧАИ ОТЦОВ

Полевые записи Марины Бурьяк и учащихся Музыкальной школы русского фольклора

**Казанская Божья мать, моли Бога о нас.
Слава Отцу и Сыну и Святому Духу
И ныне и присно и во веки веков. Аминь.**

Таким величанием в деревне Комарово Хвойнинского района освещают престольный праздник Казанской Божьей Матери, 21 июля. Местные жители рассказывают, что во времена их молодости на этом празднике гостей собиралось до пятисот человек, и гуляние с песнями да плясками длилось до утра. Для кадрилей дороги вдоль деревни было мало!

Два года назад нам посчастливилось погостить в Комарове, в Казанскую. Поверьте, самым ярким впечатлением было пение праздничного величания. Казалось, что зычная звуковая волна песнопения, устремленная к небесам, соединяет нас с непостижимым миром вечности, который воспринимает нашу молитву и благоволит нам. Все вокруг искрилось и звенело радостью, а волнующий душу восторг еще более усиливался от совместного пения с исконными наследниками многовековой родовой памяти.

Ровно через год, 21 июля, дорога привела нас в деревню Эваново Пестовского района. Двери гостеприимно распахнула Мария Егоровна Грязева (ур. д. Гуськи, в одном километре от этой деревни):

— Проходите, ронные!

— Здравствуйте! С праздником!

Хозяйка захлопотала: поставила самовар, принесла варенье, пироги, — все, как в прежние времена, когда гости собирались на праздничное застолье.

— Рада, очень рада гостям, — многократно приговаривала хозяйка. — Что привело вас в нашу деревню?

— Праздник. Расскажите, как его раньше праздновали, что это за праздник?

— Этот праздник был заветный: падал скот, вот и заветились этой Богородице праздновать. С утра служили мо-

лебен у часовенки (сейчас часовенки нет), потом батюшка шел служить по дворам, кто желает. После службы у каждого свои гости за столом, а вечером — гуляние. На гуляние молодежи много собиралось с окрестных деревень.

Наша деревня Эваново мирская, а в соседних Гуськах староверы живут. Я староверка, родом из Гуськов, а мой муж был из мирских. К нам в дом всегда приходил батюшка молебен служить. Я никогда не спорила и в церкву ходила. Батюшка говорил: «Приходи в церковь, не причащайся, а креститься можно». И старушки-мирянки говорили: «Доченька, молись, один крест, едина Богородица». У староверов исповедь идет по Потребнику (такая книжка на исповедь): главный читает, мы всем миром кланяемся: «Прости, Отче, Христа ради». А мирские на исповеди говорят: «Грешна, батюшка». Мирские называют свои грехи, а у нас — не принято, мы только молимся. Ведь, что не ступи, то — грех: плясать я плясала, петь — пела, ругаться на работы ругалась. Разве это не грешно? Кушать тоже грех, если **глазы** перед едой не окрестишь, и в Потребнике так и сказано: «Не кушала ли, не крестя **глазы**?» После еды скажи: «Спаси, Господи». Все люди грешные, один Господь без греха.

— Какие еще есть обычаи у староверов?

— Ну, какие? Первое дело у староверов — крещение. Раньше крестил о т е ц (в церкви батюшка, а у нас отец). В моленной была купель, к ней четыре свечки прижигали, и отец трижды погружал младенца в воду: зажимал нос, уши и окунал с головой — полным погружением. Ребеночка в новое белье заворачивали, и кресный обносил его вокруг купели. После крещения расходились по домам. Младенцев, как правило, крестили на девятый день. Имя давали по календарю: девочке на девятый день вперед, какое есть в святцах; мальчику назад и вперед до девятого дня. Имена у нас старые: Макар, Попил, Онсон, Амплий, Филипп, Васса. Когда моленная сгорела, стали крестить в своих избах, в банях. В день крещения приносили воды с реки, наливали в кадку и совершали крещение. Даже в лютый мороз не подогревали воду для крещения младенцев. А летом в речке крестили. Моя дочка в июне родилась, так ее бабушка Марья в речке крестила (тогда отца-то уже не было): кадиленкой покадила воду, три раз купнула ее, а потом отчитывала — молилась.

У нас в Гуськах большая моленная была, со своей колокольней, с каменным забором вокруг. К каждой службе в колокола звонили — звали. А к утренней молитве старушка звала: ходила по домам и тихонько стучала палочкой —

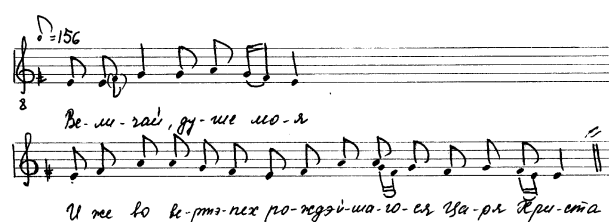
будила (утренняя молитва начиналась часов в 12 ночи). Помню, как стукнет в окно, так мама и крикнет: «Аминь, спаси, Господи». И пойдем молиться. Мне хоть и восемь лет было, а я все помню.

В моленну ходили каждый праздник. Когда приходишь молитве, в первую очередь кладешь три поклона, потом читаешь «начал»:

Боже милостив, буде мне грешной,
Создал мне Господи и помилуй мя.
Без числа я согрешила,
Господи, прости меня грешную.

Службу начинаешь с обращения к Господу: «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас». После молебна поем величание каждому большому празднику. Рождество Христа славят в заутренню так:

**Величай, душе моя,
Иже во вѣртѣпе рождѣшагося Царя Христа.**

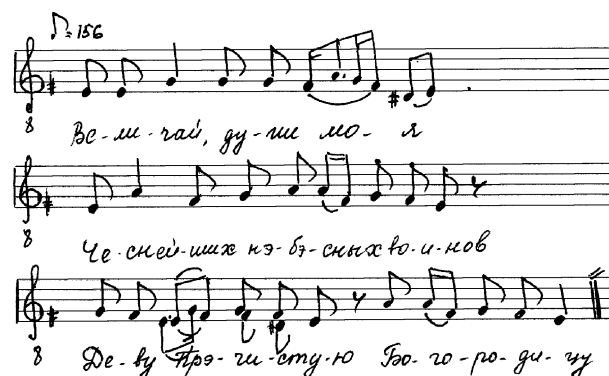
Крещение Господне так величают:

**Величай, душе моя,
Иже во Иорданѣ крестившагося Господа.**

Богородицу вот так величают:

**Величай, душе моя,
Чеснейшихъ небесныхъ воинѣвъ,
Деву Прѣчистую Богородицу.**

В моленную ходили в специальной одежде. У каждого такая одежда была, и у меня был сатиновый черный подрысник, белая манишка с кружевам. Шесть Пасхальных недель девочки носили белый платок в распуст, в обыч-

ный день — черный. Женщины и старухи носили черные платки. Платок под булавочку застегивали. Мужчины ходили с непокрытой головой и носили черный длинный пиджак чуть не до пола.

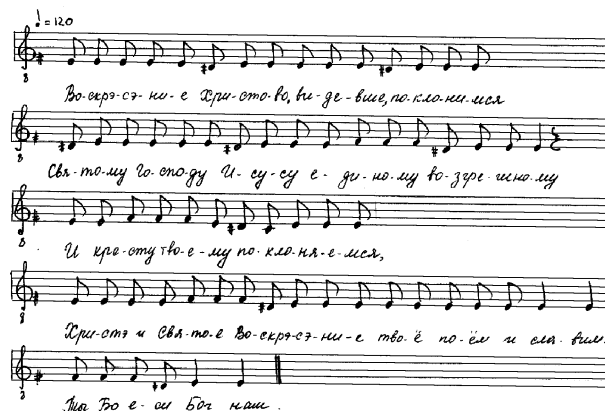
В моленной было много книг, и в каждой семье книги были. Книги старые, их передавали по своей родне так же, как иконы. Раньше каждый умел читать и петь по таким книгам. Моя тетка учительницей была и учила детей с шестилетнего возраста богослужебной грамоте. У нее был красивый голос, она пела в моленном хоре. С сестрой вдвоем они могли спеть любую службу. Пели по крюкам (знаки, обозначающие высотно-ритмическую организацию напева), а я сзади них стояла и все запоминала с голоса. Когда я росла, молитвенная учеба уже нарушилась, но у меня память хорошая на пение: я и панихиду отслужу, и Рождественскую, и Пасхальную службу наизусть знаю:

**Воскрѣсѣніе Христова, видѣвше, поклонимся
Святому Господу Иисусу единому возгрѣшному**
(кланяютце).

**И Кресту твоему поклоняемся,
Христѣ и Святое Воскрѣсѣніе**

твое поем и славим,

Ты Бо еси Бог наш...

Где слова забуду, книги помогают, по-старославянски я научена читать. За мою грамоту да 18-летнее вдовство мне предложили быть старшей в общине, я согласилась — не боюсь греха взять, кадилой покадить кутью у иконы.

Кутью ставят, когда делают поминки на 9-й, 20-й, 40-й день. Это такой закон Божий. А в похороны у нас нет кутьи. Прежде, чем поминать кутьей (хоть три зернышка, но съешь), надо ее кадилой покадить. Богомолящие старушки в поминальные дни служат панэхиду, но только по одному усопшему, всех вместе не поминают.

Хоронят у нас на третий день, и мы поем все погребение. За деревней покойного голосом провожают — голосят. У меня мама голосила. Выйдет за ворота, пригласит покойного голосом на обед и после обеда голосом проводит за ворота.

На кладбище ходят в 9-й, 40-й день, на родительские дни, в Троицу. Я захожу на кладбище, глаза перекрещу, на могиле по кресту постучу-«поздороваюсь», кадилицу разогрею и поминаю:

Упокой, Господи,
Душу усопшего раба своего Андрея.

И яко человек согрешил.
 Яко человека любит Бог.
 Прости его и помилуй
 И вечные муки избави,
 Нэбэсное ему царствие причастника учени
 И душам нашим полэзно сотвори.

Если снится покойник, его надо помянуть — подать милостыньку и перед сном перекреститься: «Господи, сохрани меня и помилуй». И утром также перекрещусь на новый день, и когда в путь иду. А тетка меня так учила: «Батюшка и матушка, благословите меня на сэй дэнь великой». После таких слов никакая порча не пристанет. Я помню, как мою маму чертенята мучили: придем в дом, а там и дрова, и солома — все под столом. Говорят, они ловят человека в Иванову ночь, когда в поле цветы, травы собираешь. Чтобы чертенята отстали, надо бросить на дорогу что-нибудь драгоценное. Кто поднимет, на того это мученье и перейдет. Не благословясь, ничего не бери и не принимай. Колдуны даже на воду порчу пускают. Моя тетка вышла к речке, что-то прополоскать, не благословились, ей на каждый пальчик по чирью и скочило. Мучилась, мучилась, ну, что делать? Мы пошли в Пестово, там жил такой Самсон, я говорю ему: «Так и так, батюшка». Он взял чашечку с водой, перекрестил, стишок на воду отчитал, этой водой намазал пальцы. Утром — хоть песни пой, все зажило. Так вот, прежде чем что-то, надо благословиться: «Господи, благослови на сэй день великий» (и перекреститься). И в баню идете, не снимайте крест.

На столе все еще кипел самовар, Мария Егоровна пела свои любимые песни: «Вниз по матушке по Волге», «Эх, зачем эта ночь так была хороша», «Скрылось солнышко из глаз», «У меня под окном расцветала сирень»... Прощаясь с нами, она подарила золотого шитья сороку (женский головной убор) со словами: «Этот убор моя мама носила. Я хочу, чтобы он обо мне напоминал и о нашем празднике Казанской Божьей Матери. Господи, благослови вас на сэй день великий». Мы перекрестились и продолжили свой путь в деревню Гуськи.

Мы шли и радовались тому, что миф о старообрядцах-затворниках начинает рассеиваться, а вместе с ним и наши опасения. Тогда мы еще не знали, что в Гуськах с давних пор существовала Федосеевская община, наставниками которой были иноки. Из этой общины вышли настоятель Невской Старообрядческой Поморской общины С.Г. Тимофеев (1907-1986), головщица М.М. Веселова (1908-1988), головщица Старорусской общины А.Л. Садовникова (1905-1975). В этой деревне была своя *школа знаменного пения*, одним из преподавателей которой был Стефан Игнатьевич Богданов (1882-1936) — начетчик, переписчик певческих книг, знаток пения и устава. Во время репрессий С.И. Богданов скрывался, опасаясь ареста, жил в Сольцах, Старой Руссе. Тайно вернувшись в Гуськи, был избит и вскоре умер. В 1932 году сгорела моленна, самые большие иконы были вывезены в Пестово, где из них соорудили общественные туалеты (Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 1999 год. С. 72).

В Гуськах нас встретила Екатерина Тимофеевна Тихо-

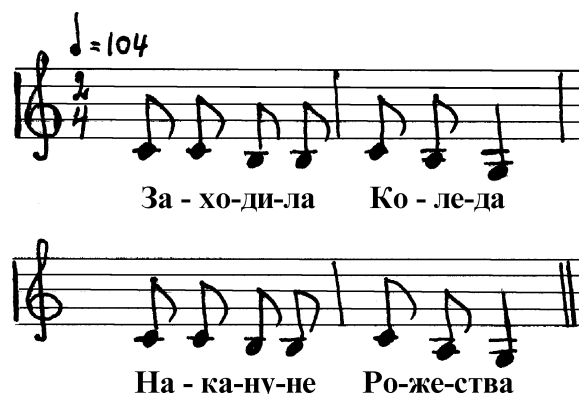
мирова (1924 года рождения, местная).

— Мы в бедности жили. Я только четыре класса окончила. Потом с мамой пошла жать серпом, молотить приузам (на палке такая калатажка на ремне). Лен трепали, чесали в банях, пряли в ручную, ткали сами. Зерно молотили руками: настелим снопов на гумне и об чурку коло-тим зерно, потом провеем. Тогда не было ни комбайнов, ни молотилок. Масло льняное сами били, гущу толкли с жита (в гущу горошку добавляли), квас домашний делали, — мало чего покупали.

Раньше большими семьями жили, мало кто уезжал из общины. Детей рожали, сколько Господь давал, но много детей умирало — больниц не было. Знающая бабушка грыжу младенцам закусывала, и золотуху обводила, и роженице помогала. Роженице надо шесть недель особенно себя беречь: роженица — шесть недель гробница.

Какой тяжелой жизнь не была, а праздники все соблюдали. Накануне Рождества коляду пели:

**Заходила Коляда
 Накануне Рождества,
 Окол этого двора
 Да растет трава шелкова...
 Тетушка, подавай да не ломай.
 Крошечку уронишь,
 Век не замолишь.**

В Рождество, после моления старушки богомолящие приходили. Подойдут к божнице (мы лампадочку зажжем иконкам) и запевают:

**Рождество твое, Христэ Боже наш,
 Воссияй мирове свет разумный.
 В нем Бо иже звездам служащий,
 Звездой поучахуся.
 Тобе кланяемся солэнэцу правэдному,
 И тебе вести свыше Восток.
 Господи, слава тебе.
 Таинство странно ижу и прославэно,
 Нэбо суца пэщару
 Прэстола Харувимасько
 Девицу ясли ва местилиште.
 Нэй же бэзлетнэ их нестэ,
 Из раба всем воссия.**

[illegible]

Они прославят Рождество, а мы их пирогами или мя-
кушками угостим, денег дадим со словами: «Спаси, Госпо-
ди». И они уходят, идут дальше.

Два дня Рождества — праздничные — богомолящие. В эти дни на беседы не ходили. А с третьего дня Рождества можно петь, плясать, сряженниками ходить. Рядились молодцами, молодухами. Парни катавалами наряжались: схватят девку какую, завернут в половик или в одеяло да на полу и катают, как валенки.

Гадать бегали на поле, зачерчались. Страшно. Надо призывать чертей: «Черти, дьяволы! Мое в черте, ваше — за чертой. А когда что прислышится, надо расчерчаться: «Ваше в черте, мое — за чертой». Мы артелью вставляли в черту, потом каждая загадывала, что ей будет? Одна услышала паровоз загудел, так та девка в Ленинград уехала в тот год. Другая услышала, как обоз лошадей едет, так ее на вывозку леса отправили.

В Крещение только молились. В мясоеды свадьбы играли. Староверы не играли свадьбы, только Богу помоли-

лись. А у мирских свадьбы были богатые, веселые, с величаниями да ходовыми песнями.

В Масленцу **пива** варили, по гостям ходили. Масленцу так встречали: на санки ставили бочку деревянную, зажигали в ней деготь и катали до обеда по своей деревне. Масленца всю неделю собирала молодежь в окрестных деревнях прихода: в понедельник в Гуськах гуляли, во вторник — в Левкове, в среду — в Борисовке, в четверг — в Карельском Пестове. Масленичное воскресенье каждый в своей деревне праздновал. Запрягали лошадь, ставили бочку с дегтем и зажигали его, сами на дровни садились и с огоньком ездили, провожая Масленцу песнями:

Масленца — б...ь,
Не дала нам погулять,
Быстро пролетела,
Нам не надоела.

В Великий Пост ткали по домам. В Великий четверг за помелом в лес ходили, песни в лесу пели, чтобы голос звонкий был. В Пасху молились всю ночь (с 8 часов вечера до 12 ночи — служба пос(т)ная), в полночь целовали крест и пели:

**Христос воскрес из мэрэтых,
Смэртию на смэрть наступил
И равный им живот дарова (3 раза).**

♩ = 120

Хри-сто-е во-скре-се и-зъ мр-тв- тво-е

Смр-ти-ю на смрть на-сту-пи

и ра-вныи ми ми-ром да-ро-ва

Сейчас я все службы по памяти пою, хотя старушки нас учили и читать по-старославянски, и петь по гласам. Наши учителя в Москве учились, молоденькими за грамотой уезжали. В 30-е годы все нарушилось, нельзя было молиться, да и моленная сгорела. А потом началась война.

В войну на окопах работали. Роем окопы, роем, а нам кидают с самолета листовки, в них написано:

Девочки, дамочки,
Не роите для нас ямочки,
Пойдут наши таночки,
Заровняют ваши ямочки.

Налетит самолетов, а мы работаем, пока команду бежать не дадут. Ночевали по восемь-десять человек. Придем на ночлег, хозяйка сварит картошки, мороженой капусты поставит, гороховый кисель заварит. На день давали 400 г хлеба. Часто не успеем поить, как в окно стучат: «Собирайтесь, уходите! Немец рядом!» И уходим в лес огородами.

Войну вспомнить — только слезы. Почтальон придет, уже знаешь в какой семье горе: похоронка — вой, и повестка на войну — тоже вой. Но гулянье на проводы собира-

ли, пиво варили, песни рекрутские пели:

**Я по бережку ходила, щепки рыла в омут,
Я до осени не знала, что залетка некруток.**

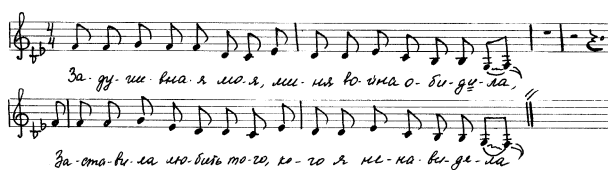

Прощаясь, новобранец-некруток благословения просил сначала у каждого, кто провожал, а потом у родителей:
— Мама, благослови.

— Аминь — Бог благословит, — скажет матка, перекрестит со словами: «Господи Иисусе Христэ, Сыне Божий, помилуй нас», — и поцелует. А жена и ребятишки пешком провожали своего кормильца до Пестова.

После войны кой-какие инвалиды пришли. Два гармониста были: у одного одна рука оторвана, у другого — другая. Вот идут по деревне с гармошкой, один одной рукой играет, другой — другой, а мы песни поем:

**Задумчивая моя,
Миня война обидела,
Заставила любить того,
Кого я ненавидела.**

Екатерина Тимофеевна пела, плакала, вспоминая молодость, ее дочь утешала и свою мать, и нас, разделивших в своей душе ее переживания.

А за окном звенел сенокос, и яблони склонили свои ветви с наливными яблоками до земли — приглашали нас в свою сказочную тень. Мы развернули скатерть, пообедали, перекрестив глаза, и с неподкупным волнением отправились в дом Зинаиды Никитичны Садовниковой, которая поведала нам о своей жизни в старообрядческой общине:

— В эту деревню я вышла замуж. Я мирской веры, а муж был старовером, но никаких обычаев не соблюдал, даже перекреститься не умел. И меня никто не принуждал перекреститься в староверие. Староверы приветливые, мы друг другу в гости ходим и праздники вместе отмечаем. В молодости «светлые вечера устраивали»¹. В нашей деревне был большой клуб, куда мы «на угольки ходили» (на посиделки — беседки; беседки были для старых, молодых и вдов). Здесь все вместе были: и мирские, и староверы. Вместе в игры играли, «Товарку», «Русского» плясали под балалайку или под гармонь. В воскресные и праздничные дни староверы торопились в моленную, только хвосты черные мель-

кали — это черные подряски. Самый большой праздник в деревне — Пасха. Всю ночь староверы молятся, а утром христоскаются — говорят друг другу: «Христос воскрес». Дети яйца катают (яйца красят за три дня до Пасхи). Престольные праздники в Гуськах — Илья, Никола зимний. Эти праздники три дня гуляли. Любимый праздник ребятишек — Новый Год: в школе подарки давали, елку ставили, и стояла эта елка до Старого Нового Года. К Рождеству хороший стол готовили. Помню, как в Рождество приходила какая-то бабка рано утром. В дверь войдет и спросит: «Разрешите Рождество прославить». Ну, и начинает славить, молясь на иконы. А с вечера молодежь коляду под окнами пела. Местную коляду я не знаю, а вот из своей деревни Перевоз Окуловского района хорошо помню:

Коляда, Коляда,
Накануне Рождества.
Мы ходили, мы искали
По всем дворам, по заулочкам,
Мы нашли Коляду
У Иванова двора.
Как Иванов-то двор
На семи столбах.
Как Иванов двор
Полон двор живота.
Кто даст пирога, тому двор живота,
Кто не даст пирога,
Тому куричья нога.

Раньше староверы приучали детей по своим обычаям жить, а сейчас они вспоминают о вере, когда смерть придет. Вот и мой муж, хоть и был старовером, но постов не соблюдал, в моленную не ходил, молитв не знал, крест не носил. А смерть подошла, забегали: нужно обязательно «начал» положить, чтобы его похоронили по-староверски (в православной церкви староверов не отпевают), и надо успеть «отходную» прочитать. Моему мужу «отходную» читали в Пестовской моленной сразу, как только мы позволили, что он умирает. Так как он не умел молиться, за него старухи-староверки «начал» клали.

Ну, что? Он умер, надо его обмыть. И я послала соседку: «Иди, собирай!». Прошло немного времени, идет один мужчина, другой — не родственники. Покойника опустили на пол, на той простыне, на которой он лежал, раздели до гола и стали его обмывать. Только старообрядцы могут мыть покойника-старовера: мужчину должны мыть мужчины, а женщину — женщины. У них принято мыть из чистой посуды, которой никогда не пользовались. Моют горячей водой, какую только руки терпят, новыми тряпками с мылом, начисто окатывают. Остатки воды выливают на передний (красный) угол, с улицы.

Обмыли, одели рубаху, трусы, носки, пиджак, поверх пиджака белый пояс (мужчина без головного убора; женщина — обязательно в платке). Потом я поставила два стула, на них положили доски, поверх досок — старенькую простынь (ее потом надо выбросить), под голову — старую жилетку. Его положили головой к двери, а ногами — к иконам (у православных наоборот). Старушка сделала крест на руке из пальцев и завязала нитиной (завязки развязыва-

¹ Подробно см.: Новгородские посидки // Челю. 1995. № 7. С. 34–40.

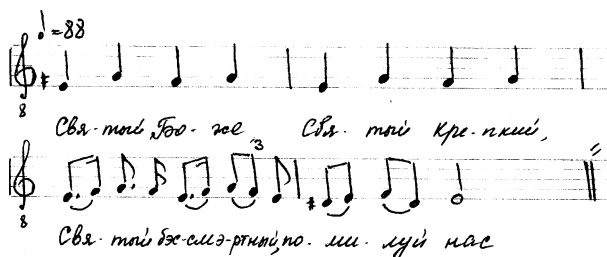
ют после отпевания), на шею надела крест. Крест у них особый, староверский, они сами делают эти кресты. Мужской крест отличается от женского, а чем, не знаю.

Когда в гроб кладут покойника, читают молитву (святой водой не кропят). Старушки над покойником и день, и ночь псалтырь читают. Так по очереди три дня и читают. Отпевание на третий день — это день похорон. До похорон никого не угощают, не кормят.

В день похорон, в девять часов утра приходят старушки и начинают **опевать** (не в моленной, а там, где умер). Во время опевания к гробу прижигают свечи: в головах, в ногах и по бокам. Эти свечи в гроб не кладут, как у мирских, а оставляют на поминальные дни. Молитвы при опевании очень длинные, часа два одна молитва длится. Они и читают, и поют, и говорят. Ближе к окончанию опевания надо деньги отдать молящим: они даром не опевают и не говорят, сколько стоит, — сколько дашь. И не кучей надо деньги отдать, а поделить каждому молящему. У них не принято в гроб деньги класть, как у мирских. После опевания — прощание. Старший скажет: «Все, последнее прощание, прощайтесь!» Нужно проститься со словами: «Прости ты меня Христа ради!» — и самому произнести за покойного слова: «Бог простит». И поцеловать. После прощания молящиеся достанут иконку из гроба, крышку наглухо заколотят и гроб покроют красивым покрывалом — специальным для похорон. До 12 часов надо вынести покойника из дома.

Мирские, когда выносят покойника из дома, подают всем присутствующим кутью, а здесь ничего не подают и кутьей в похороны не поминают. Покойника с дома вынесут, пол намоют, поставят свечки на божницу и кормят певцов. Еще покойник под окнами, а молящих надо угощать. Угощает кто-нибудь из своих старух, а родственники и главный из общины идут вместе на кладбище. На кладбище главный раздувает кадило и кадит могилу. В могилу кладут два полена, чтобы гроб не на земле лежал. Гроб опустят в могилу, веревки вытащат, и главный бросит три лопаты земли крестом. Затем все бросают медные монеты на откуп места и трижды поют:

**Святой Боже,
Святой крепкий,
Святой бэссмертный, помилуй нас.**

После кладбища приходят, гасят свечки с образов и оставляют их до следующих поминок. За столом сидят, как

хотят, обедают, а главный молитвы читает. Когда другие приходят, то отобедавшие сразу одеваются и уходят.

Место за столом для покойника не оставляют. Только к божнице поставят целую стопку водки на блюдечке, рядом положат хлеб, сыр, конфеты, колбасу, и — до утра. А утром, только свет зажжешь, уже стучат. И отдаешь эту стопку, хлеб, сыр, конфеты тому, кто первый приходит в дом. Он выпьет и съест все.

В 9-й, 20-й день можно поминание заказать в Пестовской моленной — подашь деньги и скажешь: «Отмолитесь за моего». В 40-й день поминают кутьей — пшеница, сваренная с медом. Кутью кипятят минут пять, она жес(т)кая, не ждут, когда разопреет. Пока староверы молятся, чашка с кутьей стоит на божнице, к чашке прижжены свечи, которые были на гробе, эти свечи горят. К иконам они прижигают другие свечи, которые не были на гробу (одна-три свечи). После молитвы все садятся за стол, и надо подавать кутью. Каждый пьет кутью и пускает ее по кругу. За столом, на поминках никто ничего не говорит, только молитвы читают.

И в годичный день молитвами поминают умершего. После года не молятся, но траур надо соблюдать два года: нельзя петь, плясать. В родительскую субботу они собираются и молятся за всех родителей, и я молюсь за своего мужа:

Упокой, Господи, душу усопшего раба твоего Ивана.

В великом житие сим человек согрешивши,

Ты же яко человеколюбец Бог прости его и помилуй.

Вечные муки избави, (кланяться надо)

Небесному царствию печаль учени,

Душам нашим полезна сотвори.

Вот, ребята, какое у староверов житие. Они трудолюбивые, не пьют они, не курят, бранного слова от них не услышишь. Только вымирает эта вера: наши дети уехали в города, многие перекрестились в православной церкви. Одна радость — старость нашу поддерживают. Ступайте, детушки, и берегите обычаи отцов.

Таким напутствием закончилось наше знакомство с хранителями старой веры гуськовской общины.

Переход был долгим: 20 километров пути через леса дремучие, через болота топучие. Солнце уже успокоилось и медленно пряталось в сумрак приближающейся ночи. Ребята обменивались впечатлениями, а во мне неустанно звучало *величание* этого праздничного дня, устремленного в детство, к родной деревушке Корманица (под Череповцом Вологодской области), где и сегодня, и испокон веков славят Престол Казанской Божьей Матери. Здесь похоронены мои родители, и родители родителей... Здесь детвора по обычаю праздника озорует — крадет яблоки в соседских огородах (говорят, они слаще!), а старики по привычке собираются на серёдке деревни и вспоминают о нас, разъехавшихся по разным сторонам, и о тех, кого уже нет, — обо всех, кто вселил свои жизненные силы в мир их родины.

ВСЮ ЖИЗНЬ С МУЗЫКОЙ

Павлу Васильевичу Черемисову — 80 лет

Новгородцы хорошо знают его. Замечательный музыкант, он много лет подряд приезжал на фольклорные праздники в Витославицах и с неизменной гармонью в руках возглавлял праздничные шествия по центральной улице музея.

А познакомились мы ровно 20 лет назад. Это была моя первая фольклорная экспедиция в бассейн Шелони и вообще первая поездка на Новгородчину. В то лето сформировалась и начала работу общественная фольклорная секция Новгородского научно-методического центра народного творчества. Замечательные коллеги — первоклассные профессионалы и знатоки новгородского фольклора; всегда внимательная и активно заинтересованная нашей работой В.А. Огурова, директор только что реорганизованного Центра — все это вселяло надежду на некоторую реальность обширных планов и затей нашего дружного коллектива. Мы мечтали о постоянно и планомерно действующей Новгородской фольклорной экспедиции, о музыкально-фольклорно-этнографических сборниках и исследованиях, о фольклорно-этнографической карте Новгородской земли, о настоящих фольклорных праздниках-гуляньях в Витославицах... (Нужно сказать, кое-что из этих планов нам-таки удалось осуществить!)

Воодушевленный таким началом, я плыл тогда вверх по течению Мшаги, от Мшаги Ямской к Медведю. Плыл, трепетно ожидая чудесного соприкосновения с древней Новгородской землей, с ее людьми и их искусством. Ильмень, Шелонь, Мшага, Медведь — слова эти завораживали. Я понимал, что иду по земле древних славян, по земле, где тысячу лет назад начиналась русская история, где звучала древнерусская речь, где в берестяных посланиях просили прислать «чтения доброго». Даже в самом Новгороде и затем во время многих поездок на Шелонь не было больше такого острого, перехватывающего дух ощущения живой истории и начала русской культуры, как в тот, самый первый раз.

Разведывательный «улов» оказался невероятно богатым и перспективным. Первые записи свадебной Воли — архаичного по смыслу и ошеломляющего по восприятию голошения девушек. (Со временем выявится ареал Воли, кото-

рый охватил западное Приильменье и бассейны Шелони и Верхней Луги — территорию самого раннего расселения пришедших сюда словен ильменских). Обнаружились первые ниточки о «Шайке разбойников» и «Царе Максимилиане», которые разыгрывались на святки во Мшаге. Потом эти ниточки кропотливо подберет и вытянет Марина Бурьяк и виртуозно сплетет из них со своими «Кудесами» великолепные спектакли.

Но, конечно, самыми главными открытиями были люди.

Одного из них, замечательного краеведа-историка, знатока фольклорной традиции, певца и балалаечника Ивана Ефимовича Братышенко я уже не застал в живых. Потомок одного из первых аракчеевских рекрутов в Медведском гарнизоне, осевших на Новгородской земле без малого два столетия назад, Иван Ефимович записал семейные предания о своем прадеде, а кроме того — множество местных пословиц, поговорок, речений, сделал описание молодежных супрядок времен своей юности, несколько огромных перечней песен, которые тогда пелись и т.д. Написать о нем книгу — этот человеческий долг остается за мной.

И еще одна встреча... В Нижний Прихон я попал 19 августа, в «яблочный» Спас. Записывал рассказы-воспоминания совсем древних старушек — те, что покрепче, ушли с утра на праздни-

чную службу в Велебицы, где в то время сохранилась единственная на всю огромную округу действующая церковь. К вечеру дошел до «Первой сотни» верхнего Прихона, ближе к селу Медведь. Тут и увидел на лавочке перед небольшим домом веселенького гармониста в компании нескольких женщин. Мне уже сказали, что это Черемисов. Поздоровался. Гармонист коротко рванул гармонию и начал изображать-куражиться. Я молча постоял, послушал, сказал, что завтра приду в 12 часов с магнитофоном и буду его записывать. И ушел.

Назавтра Павел Васильевич был ясен, как стеклышко, собран и сосредоточен. (Потом Паня, жена его Прасковья Александровна, сказала мне, что он, как видно, хорошо запомнил наш короткий разговор накануне и с утра уже «тренировался» на гармони, готовился к записи.) В этот раз мы записывали игру на гармони-«хромке». Записали

П.В. Черемисов. Июнь 2000 г. Фото В. Ярыша

классический гармонный репертуар — наигрыш под припевки или частушки — «Новгородский» (кстати, Павел Васильевич сам отлично спел несколько лихих уличных припевок!), затем «Русского», еще один наигрыш «другого тона» (назвал их «простые» частушки), «Цыганочку», «Псковский», «Страдания». Потом записали семифигурную Новгородскую кадрили: первая и шестая фигуры — «Ах, вы сени» (эти фигуры и танцуются одинаково), вторая — наигрыш под припевки, третья — «Псковская» (обычно играют «Цыганочку» или «Сирбириянку»; гармонист вставил, как он говорит, «для интереса», «Псковскую», которую когда-то слышал на Псковщине), четвертая — «Коробочка», пятая — двудольный вариант песни «Когда б имел золотые горы», седьмая — «Русского». Павел Васильевич к этому времени уже хорошо разогрелся, играл азартно. Кадриль сыграл без проб, вдохновенно и на одном дыхании. Получилась впечатляющая циклическая композиция, концертно стройная, с масштабным нарастанием к финалу.

...В юности Павел Васильевич освоил все типы гармоник, которые попадали к нему в руки, — русского строя, немецкую трехрядку и «хромку». А вообще он — музыкант-инструменталист, что называется, от Бога. Его отец хорошо играл на немецкой трехрядке. И хотя он умер рано, когда сыну было всего четыре года, но, вероятно, музыкальные впечатления раннего детства остались в памяти. Во всяком случае, с шести лет Павлик учится играть на балалайке. И в 15-16 лет играет в большом струнном оркестре, организованном в клубе Верхнего Прихона. Овладел всеми инструментами оркестра — балалайкой, мандолиной и гитарой. Молодежная супрядка, где играл и молодой Павел Черемисов и двое его друзей, гремела и славилась на всю округу.

В 17 лет пошел работать парикмахером в соседнее село Медведь и на первый же заработок купил русскую двухрядку. С тех пор с гармонью не расставался. Певицы рассказывали мне, что Павел в юности мог играть на гармонии, даже когда ехал на велосипеде. Закрывался в бане (чтобы не докучать родным) и упорно занимался, отрабатывая технику и осваивая новые инструменты. И в 60 лет, когда я его записывал, владел свободно всеми видами гармонной техники: быстрые мелкие переборы, параллельные терции и особенно трудные на «хромке» сексты, плотные четырехголосные аккорды, широкие легато и легкие стаккато, форшлаг и морденты...

Павел Васильевич прошел две войны, финскую и Великую Отечественную, был сильно контужен. Но и в армии, на фронте музыку не бросал. Освоил баян и «переиграл» полкового баяниста. Однако баян не особенно любит, предпочитает ему певучую и звучную гармонию.

...Мы передохнули, сходили к соседу за баяном, и Павел Васильевич сыграл на нем несколько произведений — советские песни, партизанский гимн «Ленинградская за здравия», попури из любимых всеми вальсов. Затем — новгородский частушечный наигрыш («Почитай то же и будет, только побольше голосов»). Я предложил попробовать «Псковский». Он взял гармонию, вспомнил гармоническую (басовую) схему наигрыша (а у него, действительно, до-

вольно развернутая двухчастная форма, с отклонением в параллельный мажор и с тональной репризой) и только тогда снова взял баян. Нашел нужную тональность, попробовал играть, но скоро остановился: «На гармонии лучше получается!»

У меня, конечно, сразу возникло желание опубликовать гармонные наигрыши Черемисова отдельной книгой. В Научно-методическом центре и в нашей секции идею одобрили и поддержали. Тем более, что это был бы вообще первый в России персональный сборник-монография народного гармониста. Зимой я начал расшифровывать записи — и понял, что сломаю на этом деле уши! Нотация сложнейшей фактуры наигрышей да еще с монозаписи требовала практического знания инструмента, овладения хотя бы простейшим навыком игры на нем. Но кроме того, нужен был другой способ магнитофонной записи, потому что октавная дублировка в левой клавиатуре (басов и аккордов) перекрывала нижний регистр голосов правой клавиатуры, а монозапись не давала возможности их дифференцировать.

И осенью следующего года мы, вместе с моим коллегой Ю.Е. Бойко, снова поехали к Черемисову. Теперь его игру записывали на два магнитофона, отдельно правую и левую клавиатуры. А третьим, «блуждающим», микрофоном записывали женщин-певиц, которые по очереди пели под игру Павла Васильевича припевки и частушки. Таким образом мы получили трехканальные записи, которые я потом смог уже надежно расшифровать.

Тогда, в 1981 году, Павел Васильевич играл на гармонии много. Он был воодушевлен вниманием к нему и его игре, заинтересован необычной техникой записи. Кроме того, весной того года я вызывал его в Ленинград, на фольклорно-этнографический концерт, который проводился в рамках фестиваля «Ленинградская музыкальная весна». Черемисов играл и пел мужские новгородские припевки в Дубовом зале Дома композиторов, а его игре горячо аплодировали многочисленные любители народной музыки, до отказа заполнившие зал, известные композиторы и зарубежные гости фестиваля. Так что в этот раз мы работали азартно и сделали довольно много записей. Павел Васильевич вспомнил классический танцевальный репертуар 30-х годов — польку, краковяк, ту-степ, па-д'эспань, фокстроты «Любушка» и «Дядя Ваня» и, конечно, попури из вальсов «На сопках Маньчжурии», «Дунайские волны», «Березка» и т.д.

К процессу записи гармонист относится серьезно, профессионально. Никакой самодеятельности и самотека. Перед каждой записью обязательно пробует, вспоминает то, что предстоит играть. Собираемся записывать польку: *«Припомню еще немножечко. Что-то я тут такт неправильно повел»*. Прогоняет, главным образом, тематический материал и некоторые связки-переходы. Музыкальный слух у него — тонкий и острый.

«Тут голоса не хватает. Надо потоньше, а его нет. На полтона нужно!» — это в связи с диатоническим звукорядом правой клавиатуры гармонии, в котором, как известно, нет вводных полутонов параллельного минора.

Сирбирьянка

$\text{♩} = 84$ *ускоряя*

$\text{♩} = 128$

The score for 'Сирбирьянка' is written in 2/4 time. It begins with a tempo of 84 beats per minute and a 'ускоряя' (accelerando) marking. The tempo then changes to 128 beats per minute. The music is composed of two staves, with the upper staff featuring a melody and the lower staff providing harmonic accompaniment. The piece includes several measures marked with '(n)' and '(g)', indicating specific musical features or ornaments. The notation includes various rhythmic values, including eighth and sixteenth notes, and rests.

This block contains the continuation of the 'Сирбирьянка' score. It features two staves with musical notation. The lower staff has a marking 'замедляя' (ritardando) at the end of the section.

Под частушки

Спой $\text{♩} = 84$ *ускоряя*

$\text{♩} = 108$

все время ускоряя

$\text{♩} = 132$

The score for 'Под частушки' is written in 2/4 time. It starts with a tempo of 84 beats per minute and a 'Спой' (sing) marking. The tempo then changes to 108 beats per minute, and later to 132 beats per minute. The piece includes a 'ускоряя' (accelerando) marking and a phrase 'все время ускоряя' (accelerating all the time). The notation includes various rhythmic values, including eighth and sixteenth notes, and rests.

Исполнитель П. Черемисов.
Запись 1988 г. и нотация Ю. Бойко.
Редакция и графика В. Лапина.

Играет Павел Васильевич активно всеми пальцами обеих рук: *«Играть всеми пальцами — так звук ловчее, и жаркость музыки получается!»*

Столь же активна и цепка его память. Он охотно вспоминает песни военных лет — «Землянка», «Три танкиста», «По военной дороге», «Махорочка» и т. д. — и популярные городские, и советские массовые песни. Перечислить весь его репертуар практически невозможно, потому что он может сходу играть любую знакомую ему на слух песню или мелодию. При этом получается не просто воспроизведение мелодии, но ее самостоятельная инструментальная версия, которая иногда — при игре без пения — разрастается в масштабную концертную композицию с богатейшим фактурным и технико-исполнительским арсеналом средств и приемов игры.

...Сборник я подготовил, он вышел из печати в 1983 году. Летом на празднике в Витославицах его торжественно вручили Черемисову. А осенью того же года, собираясь в экспедицию в южную часть Шимского района, я положил в рюкзак еще один экземпляр сборника, засунул туда же бутылку доброго русского «хлебного вина» и поехал в Верхний Прихон. Мы радостно встретились, Паня кинулась собирать угощение на стол, а Павел Васильевич, вроде бы оправдываясь, но и с явным удовольствием сказал, что книжки дома нет — родственники «зачитали»...

В этот раз разговор пошел про балалайку. Хозяин и не помнил, когда держал ее в руках, но я его уговорил попробовать. Хотя пальцы загрубели и не всегда попадали на нужные ладки, но балалаечником Павел Васильевич оказался отменным! Музыкальный слух и память его всегда были в отличной форме, а хватка мультиинструменталиста тут же активизировала мышечно-моторную память о балалаечной игре. Мы сделали в общей сложности семь записей — четыре в гитарном строе, распространенном

практически у всех народных музыкантов, и две — в балалаечном (так называемом, андреевском), который употребляется в профессиональном обучении и в оркестрах русских народных инструментов. При этом фактура игры существенно менялась в разных строях. При балалаечном строе (*ми–ми–ля*) наигрыш мелодически концентрируется в верхнем регистре, на высокой «мелодической» струне. Впрочем, когда балалайка включается в ансамблевую игру с мелодическим инструментом (а в нашем случае — с гармонью), музыкант с легкостью переходит и в балалаечном строе на аккордовый аккомпанемент. При гитарном же строе звучание становится более плотным, работает вся трехголосная фактура. Хотя и здесь проявляется характерно черемисовское «горизонтальное» слышание вертикали: аккордовая фактура расслаивается, мелодизируется, в ней постоянно высвечиваются, проблескивают интонации-эмбрионы и целые мелодические линии. Иногда аккордовую вертикаль — как будто по диагонали — пронизывает мгновенный «интонационный зигзаг», охватывающий все три струны. В этом случае, как, впрочем, и во многих других Павел Васильевич использует эффект «акустического следа» — звучание следующего звука без удара, то есть за счет силы предыдущего удара. Изредка тот же эффект «безударного» звука достигается щипком снимаемого с ладка пальца левой руки.

Несколько лет спустя к Павлу Васильевичу еще раз заезжал Ю.Е. Бойко и тоже сделал несколько записей его балалаечной игры. Две из этих записей (1988 г.) Ю.Е. Бойко по моей просьбе нотировал специально для данной статьи (см. нотные примеры: «Под частушки» и «Сибирьянка»; строй — гитарный).

Теперь уже совершенно очевидно, что нужно опубликовать новый сборник П.В. Черемисова, в котором объединились бы и гармонные, и балалаечные его наигрыши.

Юрий МАРКИТАНОВ

ГУСАР ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПОЛКА

Михаил Юрьевич Лермонтов в Лейб-гвардии Гродненском гусарском полку

*Моему любимому учителю
русского языка и литературы...*

Селищенские казармы. Старый, давно забытый военный гарнизон, по истории которого можно изучать историю русской армии. Трудно верится, что когда-нибудь здесь снова хозяевами положения будут люди в погонах. Даже сейчас в заброшенном и разрушенном состоянии казармы так величественны и своеобразны, что трудно не остановиться на них взору. Без преувеличения их можно назвать прочным памятником, который воздвигнул себе выдающийся среди русских людей граф Алексей Андреевич Аракчеев. Селищенские казармы были его любимым и так называемым «показным штабом». Содержать территорию в должном порядке он умел и требовал этого от своих подчиненных. Чистота поддерживалась идеальная. Все дорожки были шоссированы, дерн по аллеям поддерживался свежим, деревья подсаживали, подрезали и поддерживали; дома красили, и все это имело привлекательный вид, в особенности весной. Сюда привозились иностранцы, чтобы подивиться «Аракчеевским предприятностям». И еще сто лет назад эти казармы были лучшие (по сравнению с Муравьевскими, Кречевицкими и т.д.), как по опрятности, так и по внутреннему благоустройству.

Селищенские казармы стоят на правой стороне Волхова, в 50-ти километрах от Великого Новгорода, построены между 1817–1824 годами. В первое время здесь квартировал Гренадерский имени графа Аракчеева полк, впоследствии переименованный «в Гренадерский принца Нидерландского». После этого — Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. После передислокации его в 1863 году в Варшаву, здесь стояла 37-я артиллерийская бригада (до 1917 года).

Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк квартировал в Селищенских казармах с 1831 по 1863 годы. Этот один из доблестнейших полков русской армии основан в феврале 1824 года. (Нужно заметить, что еще до его учреждения в русской армии уже был полк, называвшийся

«Гродненским гусарским», сформированный в июне 1806 года и переименованный в 1824 году в Клясицкий гусарский).

Интересно, что выбор командира и офицеров полка был всецело предоставлен усмотрению Великого Князя Константина Павловича, и никто не знал, чем он руководствовался при подборе кадров. Первое боевое крещение Гродненский полк получил при усмирении польского мятежа 1831 года, и в ознаменование

подвигов в эту войну полку были дарованы права старой гвардии. По окончании военных действий полк и был выведен в Селищенские казармы. В период Крымской войны 1853–1856 годов гродненцы находились в Финляндии, где несли береговую аванпостовую службу. В 1862 году, с началом нового восстания в Польше, Гродненские гусары опять были отправлены в Польшу, и по усмирении мятежа полк остался в Варшаве. В русско-турецкую войну 1877–1878 годов Гродненский гусарский полк был мобилизован одновременно с другими частями Гвардейского корпуса и до победного конца героически воевал на этой войне. До самого окончания сво-

ей истории гродненцы честно и с доблестью несли ратную службу. Между прочим, шефами этого полка в свое время состояли: Великий Князь Константин Павлович, Его Императорское Величество Наследник Цесаревич и Великий Князь Николай Александрович, Великий Князь Павел Александрович, императрица Германская Августа Виктория.

Когда мы научимся понимать, что нам говорят старые стены, то подробно узнаем, как 1864 году в полк был переведен, будучи корнетом, будущий «Белый Генерал» Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882). Это один из очень немногих генералов-полководцев, за время своей службы не проигравших ни одного сражения...

В 1838 году в жизни Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка метеором промелькнул будущий знаменитый русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов. Назначение по-

ЛЕРМОНТОВ.

Акварель А. Клюндера, 1839 г.

эта в Лейб-гвардии Гродненский Гусарский полк, можно сказать, не обошлось без его величества случая. 10 октября 1837 года в Тифлисе состоялся Высочайший смотр четырьмя эскадронами Нижегородского драгунского полка, в котором служил поэт. Государь нашел полк в отличном состоянии и это косвенным образом повлияло на дальнейшую судьбу Лермонтова. Сопровождавший императора

КРЕСТЬЯНСКИЕ ТИПЫ.

Рисунки карандашом Лермонтова, 1832–1834 гг., из 22-й тетради (рис. 39–43)

граф Бенкендорф, давний знакомый бабушки Лермонтова Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, воспользовался удобным случаем и начал просить о помиловании Михаила Юрьевича, при этом ссылаясь на В.А. Жуковского, который знал и лично ценил литературный талант молодого поэта. Государь уважил ходатайство графа Бенкендорфа, и на другой день, 11 октября, последовал приказ о переводе Лермонтова в Лейб-гвардии Гродненский Гусарский полк. Тут следует пояснить, что Гродненский полк, как и вся 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, в которую он входил, в царствование императора Николая Павловича считался как бы местом ссылки или какого-то чистилища, так что Лермонтова помиловали не полностью. И он не единственный из офицеров, прощенных за разные проступки и возвращаемых в гвардию, из перебивавших в этом полку. Думается, что бабушка поэта, Арсеньева, в это время уже хлопотала о следующем переводе внука в Лейб-гвардии Гусарский полк.

К месту службы Лермонтов прибыл лишь 26-го февраля 1838 года. Явившись к командиру полка князю Багратиону, (кстати, тот сам был назначен на должность незадолго до этого и прибыл в полк 23-го января), он получил назначение состоять в 4-м эскадроне и на другой же день,

27-го числа, дежурил во 2-й половине полка.

В день приезда Лермонтова, его как гостя пригласили на обед братья Владимир и Александр Безобразовы и, по видимому, не случайно: они были душой полкового общества — оба премило пели, а Владимир к тому же хорошо играл на гитаре и фортепиано. За скромной трапезой Михаил Юрьевич очень игриво шутил и всем понравился своим обхождением. После обеда Лермонтов обратился к братьям с предложением поиграть в карты. Товарищи согласились и стали играть на деньги. Один из Безобразовых заложил банк в 100 рублей. Однако Лермонтов нашел сумму слишком малой, на что Безобразов заметил, что, играя постоянно и с товарищами, нет смысла закладывать большую сумму. Но Лермонтов настоял на своем и, вытащив из бокового кармана 1000 рублей, начал игру. Зашедший через час отлучившийся после обеда А.И. Арнольди застал их за столом, исписанным мелом и покрытым картами. Братья Безобразовы были уже до двух тысяч в проигрыше. Арнольди посоветовал Безобразовым сменить тактику игры, и те стали отыгрываться. Тогда Лермонтов, обратясь к Арнольди, заметил: «Как видно, вы очень счастливы в игре — не примете ли вы в ней участие?» Тот согласился, поставил несколько золотых, и счастье оставило Лермонтова: он не только проиграл весь свой выигрыш, но и еще 800 рублей Арнольди. (Между прочим, как позже вспоминал сам Александр Иванович, это был единственный случай в жизни, когда он остался в выигрыше). Вот так ознаменовался приезд поэта в полк.

В это время Лермонтов еще не был так известен, как впоследствии, и товарищи, не предвидя в нем будущей славы России, относились к нему совершенно равнодушно.

Он поселился на одной квартире с корнетом Краснокутским в так называемом «сумасшедшем доме», где жили холостяки и, как позже вспоминали однополчане, исписал все стены стихами. Их бережно хранили в таком первоизданном виде, пока однажды в отсутствие полка какой-то инженер, ремонтировавший казармы, варварски не закрасил их. И только лишь на одном из подоконников долго оставалась вырезанная перочинным ножом фамилия поэта.

Нельзя обойти вниманием и не описать «сумасшедший дом», в котором жили около 20-ти холостых офицеров, большей частью из которых были юные корнеты и поручики. Они и вправду проводили время как лишенные рассудка. И в их число, само собою разумеется, попадал невольно всякий новоприбывший. Один из обитателей «сумасшедшего дома», поручик Ге, отличался большим талантом к карикатурам. Представьте себе. Вы заходите в этот дом, а там... по длинным коридорам изображена офицерская кавалерийская езда в карикатуре, причем еще за несколько шагов каждый мог узнать не только себя, но и свою лошадь. В одних комнатах простая закуска никогда не снималась со стола, в других — раздавались звуки гитары или фортепьяно или слышались целые хоры офицерских голосов, в третьих — гремели пистолетные выстрелы упраж-

няющихся стрелков, были охотничьи собаки — в полку было много охотников. Были в этом доме и редкие исключения — люди-домоседы, много читавшие, и практически непонятно, как они умудрялись заниматься этим делом среди такого содома. В любое время дня в длинных коридорах верхнего и нижнего этажей, разделяющих дом пополам в длину, можно было встретить смазливую поселянку с петухом, клюквой, грибами, или крестьянина, поставляющего сено, или охотника, пришедшего оповестить о найденном им медведе в берлоге или обойденных им лосях. Денщики то и дело сновали по коридорам, исполняя поручения своих господ, лихие тройки с колокольчиками и бубенчиками постоянно откладывались и закладывались во дворе, и он постоянно имел вид почтового двора. Прочитав краткое описание «сумасшедшего дома», можно подумать, что после службы гусары тем и занимались, что вели разгульный образ жизни. Конечно же, нет — были и другие занятия по интересам. Как бы в оправдание добавим, что долгое время по субботам в полку выходил юмористический журнал, в котором сотрудничали все желающие и который вызывал много веселья и смеха своим появлением.

При полку имелась и библиотека с книгами на разных языках. Начальство заботилось о том, чтобы офицеры занимались чтением, и, признавая какой-нибудь журнал или сочинение полезными для чтения, объявляло об этом в приказе, а иногда и распоряжалось подписаться на упомянутые книги. По одному из сохранившихся реестров можно сделать весьма лестное заключение о тогдашних офицерах полка, которые наиболее склонны оказались к чтению серьезных исторических сочинений, а не к легкой литературе.

В бытность Лермонтова в полку им были написаны «Стансы» Адама Мицкевича, которые перевел ему с польского корнет Краснокутский, и экспромт «Русский немец белокурый» — по случаю проводов М.И. Цейдлера на Кавказ. О проводах Цейдлера и о появлении экспромта стоит рассказать подробнее. В феврале 1838 года Михаил Иванович Цейдлер был командирован в отдельный Кавказский корпус в числе прочих офицеров для участия в военных действиях против горцев.

По пути он заехал в полк проститься с товарищами и покончить с мелкими долгами, которые были практически у всякого офицера. В полку была традиция сердечно провожать отправляющихся в дальние края. Не стала исключением и командировка Цейдлера. Лермонтов принимал самое активное участие в этих проводах и был, как говорит-

ся, «заводилой». Непосредственно сами проводы должны были состояться, разумеется, в сочетании с богатым застольем, на станции Московского шоссе «Спасская Полисть», что в десяти верстах от Селищенских казарм.

Проводы начали с заблаговременной отправки на станцию хора трубачей. За хором — кибитка виновника торжества и длинная вереница саней с товарищами покатили к Спасской Полисти. Станционный дом помещался в длинном каменном одноэтажном здании, чем-то напоминающем огромный сундук. Все комнаты в нем были блистательно освещены. Хор трубачей у подъезда встретил прибывших полковым маршем, а в большой комнате стол, обильно уставленный всякого рода напитками и закуской. Не теряя времени, начали чрезвычайно оживленный ужин. Веселому расположению духа много способствовало то обстоятельство, что М.Ю. Лермонтов, входя в гостиную, устроенную на станции, скомандовал содержателю ее, почтенному толстенькому немцу Карлу Ивановичу Грау, немедленно вставить во все свободные подсвечники и пустые бутылки свечи и осветить все окна. Распоряжение Лермонтова было встречено бурно, и все в нем приняли участие: вставляли и зажигали свечи. Смех, суета сразу расположи-

ПЕЙЗАЖ С МЕЛЬНИЦЕЙ И СКАЧУЩЕЙ ТРОЙКОЙ.

Акварель Лермонтова, 1835 г.

ли к веселью. Во время ужина тосты и пожелания сопровождались спичами и эпиграммами. Одна из них, сказанная Михаилом Юрьевичем в адрес Цейдлера, неизвестно кем записанная, хорошо известна. Эпиграмма эта имела и для Цейдлера, и отчасти для некоторых товарищей, служивших в полку, особое значение, заключая в конце понятную только им игру слов. Вот она:

*Русский немец белокурый
Едет в дальнюю страну,
Где косматые гяуры
Вновь затеяли войну;*

*Едет он, томим печалью,
На могучий тир войны,
Но иной, не бранной сталью
Мысли юноши полны.*

В чем же заключалась игра слов? Лермонтов в словах «не бранной сталью» шутит над уезжающим Цейдлером, который был сильно влюблен в жену полковника Александра Карловича Стааль фон Гольштейна — Софью Николаевну Стааль фон Гольштейн (урожденную Шатилову). Тут следует добавить, что она была действительно красавица в полном смысле этого слова, молода — 24-х лет, умна, кокетлива и сводила с ума весь полк и ко многим (чего греха таить) была любезна. Так что такие эпиграммы могли появиться и на других однополчан.

Само собою разумеется, что прощальный ужин закончился обильным излиянием чувств и вина. Под звуки полковых трубачей товарищи донесли Цейдлера до кибитки, уложили его, и тройка помчалась к Москве. Очнувшись на какой-то станции, Михаил Иванович не мало был удивлен, когда увидел, что рядом с ним лежали в виде гирлянды бутылки с шампанским — гусарская хлеб-соль на дорогу.

Кроме стихов в Селищах Лермонтов, как художник, написал две картины масляными красками из кавказской жизни: «Черкес» и «Воспоминание о Кавказе». Обе картины и черкесский пояс с набором из черного серебра были им подарены А.И. Арнольди. По-видимому, в селищенский период занятия живописью у Михаила Юрьевича проходили продуктивнее, чем написание стихов. По воспоминаниям его товарищей, они часто заставляли его за работой, видели поэта грызущим перо с досады, что мысли и стих не гладко ложатся на бумагу.

Что касается службы, то за все полтора месяца пребывания в полку М.Ю. Лермонтов шесть раз дежурил, два раза был в церковном параде, командовал взводом и ездил в отпуск в Санкт-Петербург на восемь дней.

Он не оставил по себе того неприятного впечатления, каким полны отзывы многих сталкивавшихся с ним лиц. Правда, отзывы Гродненских офицеров о Лермонтове устанавливали одно общее мнение о язвительности его характера, но это свойство не мешало Лермонтову быть коноводом всех гусарских затей и пирушек и оправдывалось товарищами, как одно из проявлений его исключительной натуры. В обществе полковых дам Михаил Юрьевич был скучен и угрюм. Как позже вспоминала все та же баронесса Стааль фон Гольштейн, которую Лермонтов сам посещал чаще других, обыкновенно он садился в угол и молча прислушивался к пению и шуткам собравшихся.

В служебном отношении Лермонтов был всегда исправен, а ездил настолько хорошо, что еще в кавалерийской школе назначался к начальствующим лицам для выполнения специальных поручений, в том числе и к Великому Князю Михаилу Павловичу. Недостатки фигуры Лермонтова совсем исчезали на коне. Довольно приятный на лицо, он был весьма невзрачной наружности: маленький ростом, кривоногий, с большой головой и непомерно ши-

роким туловищем, но вместе с тем очень ловкий и хорошо физически развитый.

Как и стоило того ожидать, бабушка Лермонтова Е.А. Арсеньева продолжала усиленно хлопотать о переводе своего внука поближе к Петербургу, в Лейб-гвардии Гусарский полк. Граф Бенкендорф, ранее уже принимавший участие в судьбе поэта, обратился 24 марта к военному министру, графу А.И. Чернышеву, с таким письмом:

«Родная бабка корнета Лермонтова, огорченная невозможностью непрерывно видеть его, ибо по старости своей она уже не в состоянии переехать в Новгород, осмеливается всеподданнейше повергнуть к стопам Его Императорского Величества просьбу свою о всемилостивейшем переводе внука ее в Лейб-гвардии Гусарский полк, дабы она могла в глубокой старости (ей уже 80 лет) спокойно наслаждаться небольшим остатком жизни и внушать своему внуку правила чести и преданности к Монарху за оказанное уже ему благодеяние. Принимая живейшее участие в просьбе этой доброй и почтеннейшей старушки и душевно желая содействовать к доставлению ей в престарелых годах сего великого утешения и счастья видеть при себе единственного внука, я имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство, в особое, личное мое одолжение испросить у Государя Императора к Празднику Святой Пасхи всемилостивое совершенное прощение корнету Лермонтову и перевод его в Лейб-гвардии Гусарский полк».

Ходатайство военного министра Государь Николай I велел передать на усмотрение Великого Князя Михаила Павловича, который лично знал Лермонтова и лично был расположен к нему. Таким образом, 9 апреля 1838 года поэт был переведен в свой прежний Лейб-гвардии Гусарский полк. Лермонтов не сразу отправился к месту новой службы, так как 18 апреля подал рапорт о болезни и некоторое время оставался еще в Селищенских казармах. Дальнейшая печальная судьба поэта слишком известна, чтобы о ней распространяться. Сосланный вторично на Кавказ, в Тенгинский пехотный полк, он был убит на дуэли Мартыновым 15 июля 1841 года.

Немного хочется сказать об однополчанах Лермонтова и их дальнейшей судьбе, среди которых тоже были интересные и бесспорно талантливые люди. Если с одной стороны Селищенская стоянка приохочивала к службе, то с другой она развивала в офицерах многосторонние таланты, которые в вихре столичной жизни неминуемо бы заглохли. Никогда в полку не было столько талантливых и способных личностей, как именно в это время.

Михаил Иванович Цейдлер (1816–1892), участник боевых действий на Кавказе, позже был нижегородским полицмейстером, затем служил в Северо-Западном крае, службу закончил в звании генерал-лейтенанта. Он был выдающимся скульптором, писал масляными красками, написал мемуары «Записки кавказского офицера», много сделал для учреждения и развития русского театра в Вильно (с 1939 года — Вильнюс). Скульптурную технику изучал в Петербургской Академии художеств у профессоров И.П. Витали

и Н.С. Пименова. Некоторые из его произведений были на Лондонской выставке. В 1859 году за работы, выставленные в Академии художеств Петербурга, Цейдлер был удостоен звания почетного вольного общника. Известные работы: медальон Императора Александра III, сделанный с натуры; медальон-портрет артиста П.М. Садовского; восковые группы «Бой оленей», «Борзая собака с лисицей» и другие.

Николай Александрович Краснокутский (1819–1891), впоследствии командир этого же Гродненского полка, боевой генерал, состоял в свите Его Величества; не было ни одного европейского языка, который он не знал бы в совершенстве. Это он сделал для Лермонтова вольный перевод сонета А. Мицкевича «Вид гор из степей Козлова». Между прочим, Николай Александрович отлично играл на кларнете.

Александр Иванович Арнольди (1817–1898), впоследствии генерал-от-кавалерии, первый русский военный губернатор Софии, освобожденной от турок в 1877 году. Это его мы обязаны благодарить за уникальные воспоминания

Николай Александрович
КРАСНОКУТСКИЙ

о службе Лермонтова в Лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. Арнольди был неплохим художником, писал акварелью, и его талантливые произведения составляли украшение выставок. Когда в 1840 году Государь Наследник Цесаревич Александр Николаевич посетил Селищенские казармы, то за завтраком изволил заметить: «Однако, господа, у вас здесь должно быть порядочная скука?» На эти слова Его Высочества начальник дивизии генерал Штрандтман заявил, что в полку много талантов и, между

прочим, указал на поручика Арнольди, как на хорошего художника. Его Высочество поинтересовался взглянуть на его работы и, подробно рассмотрев альбом, одобрил многие из них, узнав копии с оригиналов, принадлежавших галерее Его Высочества.

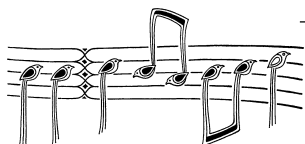
Не менее интересны и родственные связи Арнольди — он был племянником декабриста Н.И. Лорера и сводным братом А.О. Россет-Смирновой, которая являлась приятельницей Пушкину, Жуковскому, Гоголю, да и самому Лермонтову. Племянница Арнольди — Софья Николаевна — позже была замужем за Андреем Трубецким, младшим братом Александра и Сергея Трубецких.

Генерал-майор князь Дмитрий Георгиевич Багратион-Имеретинский (1800–1845), прослужив один год в Селищах командиром полка, который он довел до совершенства, получил назначение на должность командира 2-й бригады 2-й легкой кавалерийской дивизии. Незадолго до смерти был назначен командующим вышеуказанной дивизии, но тяжелая болезнь помешала ему явиться к новому месту службы. Он — кавалер многих боевых наград. Интересно, что был женат на графине Стройновской, с именем которой связана одна из строф «Домика в Коломне» Пушкина.

...Как знать, если бы Михаил Юрьевич Лермонтов не перешел бы опять в Петербург, а остался в тиши Селищенских казарм, может быть, Гродненский гусарский полк и Новгородская земля сберегли бы его для большей славы и гордости своей и России.

Александр Иванович АРНОЛЬДИ

КРУПНЕЙШИЙ ФОРТЕПИАННЫЙ ПЕДАГОГ РОССИИ

Василий Ильич Сафонов — выдающийся пианист, педагог, дирижер, директор Московской консерватории и инициатор постройки ее нового здания. Оставил яркий след в истории не только русской, но и мировой музыкальной культуры. Его двадцатилетняя педагогическая (1885–1905) и шестнадцатилетняя директорская (1889–1905) деятельность составляют так называемый «сафоновский» период — один из блистательнейших в истории Московской консерватории.

В.И. Сафонов родился 6 февраля (25 января по старому стилю) 1852 года в станице Ищерской Терской области в старинной казачьей семье. В 1862 году, когда Сафонову было 10 лет, его отца, подъясаула Илью Ивановича Сафопова, в составе двух эскадронов Моздокского казачьего полка, переводят для службы в Санкт-Петербург. (По традиции того времени личный конвой русских царей формировался исключительно из терских казаков). Таким образом, юный Сафонов оказывается в столице, где отец определяет его в первую мужскую гимназию. Через три года, за отличные успехи в науках, Сафонов, в числе нескольких лучших учеников, был переведен в казеннокоштные воспитанники Императорского Александровского лицея. Атмосфера, царившая в лицее, традиции этого учебного заведения, приравненного к высшим учебным заведениям и готовившего крупных чиновников и административных деятелей России, оказали на молодого Василия Ильича неоценимое влияние. Именно лицей Сафонов обязан широтой взглядов, разносторонностью интересов и качеством своего образования.

В 1872 году с большой серебряной медалью Сафонов оканчивает лицей и в чине титулярного советника (чиновника десятого класса) зачисляется в канцелярию Комитета министров. Надо отметить, что однокашники и близкие друзья Сафопова впоследствии стали видными государственными деятелями дореволюционной России: В.Н. Кокцов — председателем Комитета министров, Э.Д. Плеске — министром финансов.

Казалось, перед Сафоновым открываются все возможности сделать блестящую чиновничью карьеру. Однако, прослужив в канцелярии Комитета министров семь лет, он в 1879 году подает в отставку и, невзирая на резкое противоборство отца, становится преподавателем пения в Александровском лицее.

Еще обучаясь в гимназии, Сафонов начал брать частные уроки музыки. В начале у А.И. Виллуана — учителя Антона и Николая Рубинштейнов, а позднее, в лицее, у профессора Петербургской консерватории Т.О. Лешетичского. Интересно, что Сафонову, в виде исключения, было разрешено во время некоторых лекций пользоваться нежной клавиатурой для упражнений — случай в истории Александровского лицея беспрецедентный.

Осенью 1879 года в возрасте 27 лет Сафонов поступает в Петербургскую консерваторию в класс профессора Луи Брассена. После первого же года обучения Брассен в следующих словах дает характеристику своему подопечному: «Превосходные данные как в техническом, так и в музыкальном отношении. Усердие: похвальное. Успехи: очень значительные»¹.

Одновременно с занятиями по фортепиано у Л. Брассена Сафонов начинает брать и уроки композиции у учителя П.И. Чайковского профессора Н.И. Зарембы. Кстати, именно вмешательство Зарембы, сумевшего убедить отца Сафопова, Илью Ивановича, не препятствовать сыну в его решении посвятить себя музыке, сыграло огромную роль в дальнейшей судьбе Сафопова.

Сочтя музыкальную подготовку Сафопова вполне достаточной для дальнейшей профессиональной деятельности, Брассен посоветовал ему заканчивать консерваторию уже в следующем, 1880 году. (Интересно, что через двадцать лет сам Василий Ильич поступит точно также со своим учеником, выдающимся впоследствии фортепианным педагогом Л.В. Николаевым).

Блестяще сдав выпускные экзамены, в мае 1880 года Сафонов оканчивает Петербургскую консерваторию с малой золотой медалью и остается в ней преподавать. С этого момента начинается активная концертная деятельность Сафопова. Он концертирует как пианист-солист и как ансамблист в дуэте с К.Ю. Давыдовым. Директор Петербургской консерватории, композитор и замечательный виолончелист К.Ю. Давыдов, партнером которого на долгие годы стал Сафонов, сделал чрезвычайно много для музыкантского совершенствования Василия Ильича. Позднее Сафонов много концертирует в ансамбле с Л. Ауэром, Ж. Хеккинг-Денанси, М. Прассом, И. Гржимали и многими другими известными в то время скрипачами и виолончелистами.

Василий Ильич САФОНОВ

Талант Сафонова-пианиста наиболее ярко раскрылся именно в ансамблевой игре. Как пианист-солист он постепенно сокращает свою концертную деятельность. Причины этого, очевидно, находятся в области психологической. При всей безукоризненности фортепианной подготовки, верном эстетическом вкусе, художественной зрелости, во время сольных выступлений Сафонову чрезвычайно мешало эстрадное волнение.

Обширная гастрольная деятельность в России и за границей не мешали Сафонову плодотворно трудиться и на педагогическом поприще. Его авторитет в Петербургской консерватории был настолько велик, что большинство бывших учеников Брассена, после неожиданной кончины профессора весной 1884 года, выразили желание продолжить свое обучение именно в классе Сафонова. Но педагогическая деятельность Василия Ильича в Петербургской консерватории продолжалась недолго.

Летом 1885 года Сафонов получает письмо от П.И. Чайковского, в котором содержится приглашение занять должность профессора Московской консерватории (в Петербурге Сафонов занимал должность старшего преподавателя). В этом письме от 10 июля 1885 года Чайковский пишет: «Московская консерватория была бы очень польщена, если бы Вы сооблаговостили поступить в состав профессуры ее по фортепианному классу. Мне поручено узнать, можно ли обратиться к Вам с официальным предложением? Возможен ли для Вас перенос всей Вашей артистической деятельности из одной столицы в другую?.. Между тем в лице Вас Московская консерватория сочла бы большим благополучием приобрести отличного преподавателя и притом природного русского. Прежде чем обратиться к кому то ни было, мы решили узнать от Вас ... можно ли надеяться на Ваше согласие»².

Ответ Сафонова был следующим: «Само по себе лестное для меня предложение Московской консерватории становится в моих глазах вдвойне ценным от того, что сделано через Ваше посредство. Семейные обстоятельства мои нисколько не препятствуют мне покинуть Петербург... Следовательно, с этой стороны затруднений нет. Другое дело перемена и перенесение всей артистической деятельности из одной столицы в другую... В Петербурге я, слава богу, поставлен хорошо и в материальном и в артистическом отношениях, — зарабатываю много, и публика ко мне расположена. Поэтому перенесение деятельности в Москву должно быть обставлено условиями, могущими возместить покидаемое в Петербурге. Таким образом, я готов в принципе принять предложение Московской Консерватории»³.

Это решение Сафонова о переезде в Москву вызвало волну протеста среди его соратников по Петербургской консерватории. Особенно был уязвлен этим решением К.Ю. Давыдов, директор. Он пишет Сафонову: «Я ни в коем случае не переменяю бы на Москву — Петербург. Задуматься мог бы юный артист, которому в Питере не везет и который в нем не видит будущности. Ты сразу в Петербурге завоевал себе почетное место и поставлен в музыкальном мире теперь так, как «дай Бог другим в 10 лет».

А что у тебя будущность первого нашего профессора и

выдающегося исполнителя — это бесспорно... Один звук профессора Консерватории едва ли тебя может прельщать. Ты и теперь у нас профессор, имея старший класс, а «де-юре» — пройдет немного времени и до пустого титула»⁴.

В своем решении переехать в Москву Сафонов остался непреклонен, и в сентябрьском номере газеты «Театр и Жизнь» появилась следующая заметка: «СПб. консерватория лишилась на этой неделе одного из своих выдающихся молодых преподавателей по фортепиано г. Сафонова, перешедшего профессором по тому же предмету в московскую консерваторию»⁵.

С осени 1885 года Василий Ильич Сафонов — профессор класса специального фортепиано Московской консерватории. Настороженность, с которой он был встречен в консерватории, объяснима. Воспитанный в совершенно другом музыкальном ключе, в иных музыкальных традициях, сам будучи сильным, властным и упрямым характером, Сафонов, естественно, опирался на музыкальные и педагогические принципы, выработанные во время занятий с Т. Лешетицким, Л. Брассеном, и на свои собственные, а не на «специфически московские традиции».

О Сафонове первого периода его пребывания в Московской консерватории наиболее полно и точно отзывается в своей статье один из его первых учеников Д. Шор: «Молодому профессору пришлось на первых порах идти против течения, т. е. надо было разрушить установившиеся традиции и внедрить более разумные и правильные взгляды в вопросах как чисто фортепианной игры, так и художественного творчества». Далее автор подробно останавливается на тех проблемах, с которыми непосредственно столкнулся и стал преодолевать Сафонов: постановкой рук, репертуарной политикой, выработкой правильных взглядов на задачи художественного исполнения и так далее. Д. Шор специально отмечает тот факт, что Сафонов совершенно не щадил себя, занимаясь со своими учащимися намного чаще и дольше, чем это было положено, и резюмирует: «Соответственно этому вокруг него создавалась совершенно исключительная атмосфера... В классе — взаимно-любтивное отношение к делу, ... в консерватории — постепенное признание... достоинств нового коллеги и увеличение его сторонников, среди которых... особенно отличался молодой директор С.И. Танеев. Не раз заходил он к нам в класс... и... не стесняясь присутствия учащихся, обращался за советами относительно разных приемов фортепианной игры. Все это поднимало в наших глазах престиж учителя...»⁶.

Благодаря незаурядным свойствам своей личности, Сафонов смог, пусть еще только в стенах своего класса, рассеять рутинную атмосферу, окутавшую Московскую консерваторию.

Несмотря на то, что среди учеников Сафонова первых лет его пребывания в Московской консерватории не было ярких исполнительских дарований, можно смело утверждать, что благодаря Василию Ильичу музыкальная жизнь Москвы приобрела новое направление. Речь идет о музыкальном просвещении.

Первая в Москве музыкальная школа была основана

Линберг, ученицей Сафонова. Вслед за этим открываются школы, руководимые выпускниками его класса Зограф-Плаксиной, сестрами Гнесиными, Воскресенской, Демьяновой-Щацкой, — для каждой из них педагогические установки Сафонова стали ориентирами в дальнейшей музыкально-педагогической, просветительской деятельности.

В конце мая 1885 года, незадолго до переезда Сафонова в Москву, директором консерватории был избран С.И. -Танеев. О периоде его пребывания на этом посту достаточно корректно отзывается Н.Д. Кашкин: «Со вступлением в должность директора консерватории С.И. Танеева были произведены некоторые перемены... Четырехлетнее директорство его составляет, несомненно, период возвращения консерватории к нормальной жизни, ... явилась большая устойчивость направления и полное доверие к успешному ходу развития учреждения... Одна из заслуг С.И. Танеева заключается в том, что он привел в порядок приходно-расходную часть консерватории, так что ее хронические дефициты с каждым годом уменьшались...»⁷ Тем не менее, сам Танеев, понимая, что не в состоянии спасти консерваторию от грозящего ей финансового краха, присмотревшись к деятельной и волевой личности Сафонова и зная о его энергии и связях, решил, что в сложившейся ситуации кандидатура Сафонова как никакая более подходит для поста директора Московской консерватории.

«Тот факт, что предшественник В.И. Сафонова — С.И. -Танеев сам приложил не мало труда, чтобы убедить Сафонова принять на себя управление консерваторией, доказывает, что Танеев чувствовал себя на этом ответственном административном посту не на месте и находил необходимым вернуть бразды правления любимого им учреждения В.И. Сафонову»⁸. Вновь, как и в 1885 году, Чайковский обращается к Сафонову, и, после длительных и настойчивых уговоров со стороны Чайковского и Танеева, Сафонов соглашается взять на себя руководство консерваторией.

Оставалось преодолеть административные формальности, которые были довольно серьезны. Дело в том, что директор (в то время консерватория являлась частным учебным заведением) по существующему положению одновременно являлся и руководителем Московского отделения Русского Императорского Музыкального Общества (ИРМО). Но этот пост мог занять чиновник, имеющий ранг не ниже Действительного статского советника (IV чин в таблице о рангах, введенном в России еще во времена Петра I), Сафонов же находился в VIII чине (коллежский асессор), и эту должность по существующему порядку занимать не имел права. По ходатайству главной дирекции ИРМО личным распоряжением Александра III Сафонов был произведен сразу в чин Действительного статского советника — уникальный случай для России с ее неповоротливым рутинно-косным административным аппаратом.

В мае 1889 года тридцатисемилетний Сафонов становится директором Московской консерватории.

Назначение Сафонова на этот пост было встречено в консерватории неоднозначно. «Чуть ли не с первых дней директорства Сафонова в среде преподающий образовалась оппозиция, состоявшая, главным образом, из ярых и

смелых приверженцев Рубинштейна во главе с профессором Э. Лангером. Никак не могли они примириться с тем, что у кого-то может явиться смелость ввести в консерватории новые порядки и повести дело иным, чем это было при Рубинштейне, путем. Каждое начинание Сафонова, как бы разумно оно ни было — было обречено на осуждение со стороны оппозиции, и опять-таки все на том же основании: Рубинштейн так не делал — следовательно, это плохо, — пишет в своей статье М.Л. Пресман, ученик Сафонова, и продолжает: — Вся погрешность Сафонова заключалась, главным образом, в его умении работать... Строгое отношение Сафонова лично к себе — давало ему право предъявлять такие же требования к другим, ... я знаю случаи, когда Сафонову приходилось замещать на уроке преподающего, систематически опаздывающего на уроки... Бывали случаи, что Сафонов в самых дружеских выражениях указывал кому-либо из профессоров на делаемые им промахи; указания эти с «благодарностью» принимались к сведению, но ... получивший указание профессор — делался в глубине души врагом Сафонова»⁹. Укрепление учебной дисциплины, за которое в первую очередь взялся Сафонов, коснулось не только нерадивых педагогов, но и в еще более жестких формах учащихся консерватории. Прежде всего был наведен порядок в оркестровых и хоровых классах, к занятиям в которых учащиеся «традиционно» относились крайне небрежно. Сафонов запретил пропускающим хоровые занятия — а их должны были посещать все без исключения учащиеся консерватории — в течение двух недель заниматься в классах специальных предметов. То же было предпринято и в отношении прогульщиков оркестрового класса. Сейчас в это трудно поверить, но в консерваторском хоре пели и С. Рахманинов, и А. Скрябин, и И. Левин, и К. Игумнов, и А. Гольденвейзер.

Сафонов понимал, что помимо укрепления учебной дисциплины, консерватории необходимы высокопрофессиональные педагогические кадры, известные, громкие музыкальные имена. Он приглашает для работы в консерватории Ферручио Бузони, В.М. Сапельникова, П.Ю. Шлецера (фортепиано), А.Э. Глена (виолончель), У. Мазетти, К. Эверарди, Л. Джеральони, В.М. Зарудную (пение), М.М. Ипполитова-Иванова (теоретические предметы и оперный класс).

Оставаясь верным принципу Н.Г. Рубинштейна и С.А. Танеева привлекать к работе в консерватории ее бывших учеников, Сафонов из года в год оставляет лучших из них преподавать. Это К.А. Кипп, А.Н. Скрябин, И.А. Левин, К.Н. Игумнов, А.А. Ярошевский, О.Н. Кардашева, Д.Г. Корнилов, Д.Н. Вейс, Ф.Ф. Кеннеман, А.Н. Корещенко, Г.Э. Конюс, С.Н. Василенко и многие другие.

Как уже говорилось выше, директор консерватории одновременно являлся одним из руководителей (директоров) Московского отделения ИРМО и по своему статусу был обязан определять, направлять и контролировать его деятельность в Москве.

Нужно еще раз отметить, что Московская консерватория, как впрочем и Петербургская, являлись частными учебными заведениями и существовали за счет платы за обуче-

ния и средств, выделяемых ИРМО для их содержания. Для ИРМО главным и основным источником доходов были сборы с концертов.

Сделавшись одним из директоров Московского отделения, Сафонов, со свойственной ему бескомпромиссностью, последовательностью и резкостью, начал ломать и переориентировать художественную направленность концертной деятельности.

В первую очередь, считал он, необходимо повысить авторитет симфонических собраний и, сделав их популярными, увеличить сборы. Параллельно необходимо отдать приоритетное место в самих концертных программах музыке из произведений русских композиторов и шедеврам западноевропейской музыки. Сразу же в концертном сезоне 1889-1890 года, благодаря содействию Сафонова, в Москву приезжают А. Дворжак, К. Сен-Санс, Ф. Вайнгартнер, А. Никиш. Из русских как дирижеры выступают П.И. Чайковский, Н.А. Римский-Корсаков, С.И. Танеев, А.Г. Рубинштейн, Э.Ф. Направник, А.С. Аренский, М.М. Ипполитов-Иванов.

Подобная концертная политика, проводимая Сафоновым, начала себя оправдывать, и материальное положение как Московского отделения ИРМО, так и консерватории, стало постепенно улучшаться, но, с другой стороны, планирование концертного сезона в расчете только на гастролеров не способствовало созданию цельного оркестрового коллектива. Многообразие программ, калейдоскоп дирижеров, каждый со своими требованиями, не могло не отражаться на качестве исполнения. Поэтому Сафонов решает взять руководство концертами Московского отделения в одни — свои — руки.

С сезона 1890-1891 года Сафонов — художественный руководитель концертов ИРМО в Москве и главный дирижер. Нужно отметить поразительную уверенность Василия Ильича в собственных силах и в правильности сделанного шага. Дело в том, что впервые Сафонов взял в руки дирижерскую палочку лишь за год до этого, когда начал с 1889 года проводить репетиции консерваторского оркестра.

Продолжая свою целенаправленную репертуарную политику, Сафонов добился того, что «сочинения русских композиторов заняли видное место в симфоническом репертуаре собраний Русского Музыкального Общества... Публика познакомилась с целым рядом блестящих произведений наших высокодаровитых соотечественников, как, например, симфоническая сюита «Шехерезада», воскресная увертюра «Светлый праздник» Римского-Корсакова и «Весна», «Море» Глазунова, и с сочинениями многих других русских авторов, например, Бородина, А.С. Аренского, М.М. Ипполитова-Иванова, Э.Ф. Направника, С.И. Танеева, Давыдова, Кюи и многих молодых композиторов»¹⁰.

Параллельно Сафонов начинает заниматься музыкально-просветительской деятельностью. Силами учащихся консерватории он организует регулярные концертные выступления, предназначенные для самых широких слоев московской публики. Это были так называемые «общедоступные концерты», проводимые в цирке Тине на Воздвиженке по весьма умеренным ценам. Солистами в таких кон-

цертах не считали для себя зазорным выступить и С.И. Танеев, и А.И. Зилотти, и И.В. Гржимали.

Сама идея проведения таких культурно-просветительских мероприятий была не нова. Подобные концерты организовывались в Петербурге при бесплатной музыкальной школе стараниями М.А. Балакирева, аналогичные концерты проводились при содействии А.Г. Рубинштейна в цирке Чинизелли. Для Москвы это стало новинкой, причем Сафонов сделал эти концерты, в отличие от Петербурга, регулярными.

Наряду с проведением «Симфонических собраний» и общедоступных концертов, Сафонов возрождает начинание Н. Рубинштейна и проводит целую серию концертов в пользу фонда вдов и сирот артистов-музыкантов. К этой благотворительной деятельности он привлекает не только отечественных знаменитостей, — в концертах выступали Ф. Шалляпин, Л. Собинов, А. Нежданова, Н. Фигнер, И. Тартаков, но и зарубежных: И. Гофмана, Я. Кубелика. В программу этих концертов, как правило, входили лучшие произведения русской музыки, как уже ставшие почти классическими, так и только что написанные. Кроме Сафонова, в этих концертах дирижировали С.И. Танеев и Н.А. Римский-Корсаков.

Многогранность деятельности Сафонова поражает. Кроме всего вышеперечисленного, он еще принимает активное участие в организации камерных концертов Московского отделения ИРМО и сам выступает в них как пианист. В этих концертах много и часто исполнялись новые произведения молодых русских композиторов, а солистами выступали не только коллеги Сафонова — Давыдов, Ауэр, Вержбилович, но и юные Рахманинов, Скрябин, Метнер.

В результате такой целенаправленной деятельности популярность как симфонических, так и камерных собраний неуклонно возрастала. Число постоянных членов этих собраний, то есть приобретших своего рода абонемент на весь концертный сезон, увеличилось до полутора тысяч. Финансовое положение Московского отделения ИРМО и консерватории, пусть не быстрыми темпами, но стало выправляться.

Бурный рост музыкальной жизни в Москве очевиден. Он стал настолько превосходить по своей интенсивности петербургский, что это дало повод Н.А. Римскому-Корсакову написать в одном из писем к московскому музыкальному критику и своему бывшему ученику С.Н. Круликову: «Моим желанием было бы: ...занять место профессора Московской консерватории, которой я был бы, вероятно, к лицу. Я не знаю, каков Сафонов как человек, но как деятель он весьма энергичен, и результаты Московского общества гораздо лучше, бодрее и свежее Петербургских...»¹¹

Интенсивный и резкий подъем музыкальной жизни выдвинул еще одно требование: Москве стали необходимы новые концертные площадки. Консерватория задыхалась в своем старом здании и тесных классах. Сафонов становится инициатором широкой кампании по сбору средств для строительства нового здания Московской консерватории. И снова организаторский талант, настойчивость и связи Сафонова сыграли решающую роль. Способ-

ность доставать средства для нужд консерватории у Сафонова была удивительная. Еще в 1891 году он смог добиться от купца Г.Г. Солодовникова, известного на всю Москву своей скарденностью, «пожертвования на удовлетворение нужд консерватории по усмотрению директора В.И. Сафонова»¹² в размере 200 000 рублей, — сумма по тем временам огромная. (За это, правда, Сафонов обещал выхлопотать для купца орден Владимира II степени, дающий право на личное дворянство). Недаром Влас Дорошевич, известный московский фельетонист, писал, что «Сафонов разыгрывает на московских купцах фуги».

27 июля 1895 года состоялась торжественная закладка нового здания Московской консерватории.

Темпы, которыми шло строительство, поражают. Уже через три года, к осени 1898 года новое здание консерватории и Малый зал были выстроены. Еще через два с половиной года, весной 1901 года был открыт и Большой зал. Многие из московских меценатов и купцов считали своим долгом принять участие в строительстве. Так, например, автор проекта академик В.П. Загорский за собственные деньги положил мраморные ступени Большого зала, инженеры Н.Ф. Казаков и Н.Ф. Группер бесплатно произвели расчет железных стропил, ферм, конструкций арки над эстрадой, М.А. и И.А. Морозовы оплатили мебелировку, а С.П. фон Дервиз подарил орган.

7 апреля 1901 года состоялось освящение и торжественное открытие Большого зала Московской консерватории. В эти годы Сафонова все больше и больше стало увлекать дирижирование, его популярность как дирижера становится огромной. Он гастролирует не только по России, но и по Европе. С большим успехом выступает в Берлине, Париже, Праге, Лондоне, Риме. В то же время Сафонов начинает уменьшать свою педагогическую нагрузку в консерватории, где по-прежнему является директором и ведет классы фортепиано и камерного ансамбля.

В конце 1904 года Сафонова приглашают на гастроли в Америку. По возвращении в Москву в феврале 1905 года он застает в консерватории весьма напряженную атмосферу. Е. Бекман-Щербина вспоминает: «Престиж царя пал — все более и более. Брожение перешло даже в консерваторию, где во время моего учения никто и не помышлял ни о каких забастовках или сходах, настолько все были далеки от политики, теперь же волновались и учащиеся консерватории, и была объявлена забастовка»¹³. Усилиями Сафонова вопрос о забастовке в консерватории удалось уладить. Более того, в Московской консерватории не пострадал ни один из учащихся (в отличие от Петербургской, из которой было отчислено около ста человек). В то же время длительное единоначалие и властное руководство консерваторией, а также крутой нрав Сафонова стали вызывать раздражение у определенной части профессуры. Обратной стороной энергичной и успешной деятельности Сафонова явились его тенденция к самовластию, ущемлению прерогатив Художественного совета консерватории, нежелание считаться с мнением отдельных педагогов. Совет собирался редко и нерегулярно — многие вопросы вообще перестали выноситься на всеобщее обсуждение. В.И.

Сафонов хотел закрепить эти перемены в законодательном порядке и еще в 1901 году составил проект нового Устава консерватории, по которому всемерно увеличивалась роль директора «как ответственного, а потому и самостоятельного в своих действиях руководителя всеми частями управления консерватории». В то же время Совет должен собираться лишь «по приглашению директора, по мере действительной надобности. Все вопросы вносятся в Совет не иначе, как через директора, который устанавливает очередность их доклада»¹⁴.

Как это ни парадоксально, но оппозицию Сафонову возглавил С.И. Танеев. Вот как описывает финал их отношений М.М. Ипполитов-Иванов: «...В.И. Сафонов все более и более увлекался дирижированием, стремился по ту сторону океана... Весной 1905 года он вернулся в Москву для устройства своих личных дел и получения годового отпуска. Возник вопрос о его заместителе, — надо специально остановиться на том, что речь идет о назначении исполняющего обязанности должности директора консерватории, а не о выборах нового, который действительно должен избираться Советом консерватории. Когда Сафонов объявил... о моем назначении, С.И. Танеев заявил, что... таковой должен быть избран советом, на что Сафонов со всей прямоотой и резкостью обрушился на Сергея Ивановича, перенес все на личную почву. Он обвинил Сергея Ивановича в лицемерии, в том, что, прикрываясь личиной дружбы, он систематически вредит ему, что ни одно предложение его, Сафонова, со времени его директорства не прошло в художественном совете без резкой критики Сергея Ивановича; во всем он видит зависть... к успеху его деятельности, тогда как он не справился в свое время с такой же задачей и, сознавая свое бессилие что-либо сделать, сам просил его, Сафонова, взять на себя директорство. Танеев возражал, но страсти все более разгорались. Это было так неожиданно для нас, членов совета, что мы потерялись и не знали, что предпринять... Заседание было прервано, и мы разошлись с неприятным чувством несправоты и того и другого»¹⁵.

Получив отпуск, Сафонов уехал в Америку, а Танеев навсегда покинул консерваторию.

Через год, весной 1906 года в Московской консерватории состоялись выборы нового директора. Кандидатур было две: Сафонова и Ипполитов-Иванов. При подсчете голосов выяснилось, что за Сафонова было подано семь голосов, а за Ипполитова-Иванова — шесть, но Сафонов категорически отказался оставаться на посту директора. Сафоновский период Московской консерватории окончился.

«Скучал ли я по Москве, по консерватории?.. Нет. Вспомните, при каких обстоятельствах я ушел из дела, созданного моими трудами и Вам станет понятно, что скучать по консерватории, по своей прежней деятельности я не могу... 1905 г. выявил многое. Показал и настоящую личину тех, кто по виду были моими друзьями... Пришла комитетомания, навязали комитет и консерватории. Я с этим мириться, конечно, не мог. Была надежда, что все переменится, пойдет по-старому. Предстояло выжидать и это было невыносимо тяжело. Как раз в это время я принял ангажемент в

Америку, руководить большим художественным предприятием. Не без колебаний я принял его. Жаль было расставаться со своим детищем. Но теперь я не жалею об этом.

Как ни интересна работа в Москве, но в ней много будничного. Неприятно и соседство многочисленных врагов»¹⁶. В этом интервью, данным Сафоновым спустя четыре года после того, как он покинул Москву, кроме слов обиды по поводу происшедшего, он четко выражает свое жизненное кредо, которому следовал всю жизнь: «Искусство аристократично и монархично. Как нельзя «комитету» написать симфонию, так же точно и большое художественное дело может вести только один человек, даже два будут друг другу мешать, а следовательно, и мешать самому делу, это для меня ясно. Иначе я не представляю себе правильной постановки художественного воспитания»¹⁷.

Еще в мае 1905 года, только узнав об инциденте между Сафоновым и Танеевым и о том, что за этим последовало, Ц.А. Кюи пишет Сафонову: «Правда ли, что наша дирекция предложила Вам занять место директора нашей консерватории? Если это правда, не отказывайтесь, настаиваю на этом ... самым энергичным образом. Только Вы выведете Консерваторию и музыкальное общество из этой каши полного хаоса, в которую их погрузила нынешняя дирекция... Не отказывайтесь!.. Да, ведь, если не ошибусь, Вы и сами не прочь перебраться в Петербург»¹⁸. Относительно переезда в Петербург Кюи был совершенно прав. Отказавшись от поста директора, Сафонов лишился в том числе и квартиры при консерватории, которую занимал вместе со всей своей многочисленной семьей. Однако, перевезя семью в северную столицу, Сафонов немедленно уезжает в заграничное турне.

В течение последующих трех лет Сафонов приезжает в Россию только на отдых в Кисловодск, где находилась его дача.

Все эти годы Сафонов проводит в Америке (точнее, как они назывались в то время, в Северо-Американских Соединенных Штатах), где он не только признается лучшим среди гастролеров там дирижеров, но и получает приглашение возглавить Нью-Йоркскую филармонию и становится ее главным дирижером. Одновременно Сафонов является директором Американской национальной консерватории и ведет там высший академический курс фортепианной игры. В это время у него консультируются его бывшие ученики, переехавшие в Америку: Иосиф Левин, Юлий Исерлис, а также известный польский пианист Владимир Ружицкий и другие.

«Ввиду многих странствований я избрал как самый удобный пункт Берлин для штаб-квартиры. Там около меня образовалась небольшая колония русских и американских учеников, которых я наставляю в промежутках между моими поездками»¹⁹, — пишет Сафонов в своем письме, адресованном Н.Д. Кашкину из Лондона 3/16 октября 1909 года, после окончания контракта в Америке.

В Москве Сафонов появляется только в декабре 1909 года. «...Москва приняла своего давнишнего дирижера более чем радушно, и можно только желать, чтобы г. Сафонов вновь вернулся сюда уже в качестве постоянного ди-

рижера, а не гастролера»²⁰. Надо отметить, что, выступая в Москве, Сафонов дирижировал не в Симфоническом собрании ИРМО, а в симфоническом концерте Филармонического общества, того самого, с которым он постоянно боролся, будучи на посту руководителя Московского отделения ИРМО. Обида была еще сильна.

Начиная с 1910 года творческая деятельность Сафонова переносится в Европу. Он гастролитрует во всех столицах Старого света, а в Англии успех настолько велик, что его приглашают переехать туда на постоянное жительство. Необходимо подчеркнуть, что, великолепно исполняя произведения композиторов западной школы и, в первую очередь, Бетховена, Сафонов зарекомендовал себя главным образом как непревзойденный интерпретатор и активнейший пропагандист музыки русских композиторов. «Судьбе по-видимому угодно, чтобы я отдавал свои силы чужим людям, но для родины моей я сделал то, что мне велели долг и совесть, и русское знамя я держу как следует»²¹, — пишет Сафонов Кашкину в том же письме от 3/16 октября 1909 года.

Все последующие годы (1910–1917) Сафонов много и успешно гастролитрует. Он выступает не только как дирижер, но и как пианист-ансамблист. «Я ... много упражняюсь и играю с сыновьями камерную музыку почти ежедневно, пальцы у меня теперь хоть куда, так что Брассен, наверное, смотря на меня из другого мира, радуется»²², — так пишет Сафонов в письме к Ипполитову-Иванову от 10 июля 1913 года. Сафонову в это время 61 год.

География его гастрольных поездок обширна: Англия, Америка, Скандинавские страны, Италия, Бельгия... В России Сафонов выступает в Петербурге, Харькове, Кисловодске, Владикавказе... Но, приезжая в Москву, Василий Ильич так ни разу и не выступил в стенах консерватории. Все свои концерты он проводил только на сцене Большого театра и с его оркестром.

Впервые после одиннадцатилетнего перерыва Сафонов вышел на сцену Малого зала московской консерватории 5 февраля 1917 года. Накануне, опять на сцене Большого театра, он провел концерт памяти А.Н. Скрябина, в котором дирижировал его Первой симфонией, фортепианным концертом и поэмой огня «Прометей», а солисткой выступала В.И. Скрябина-Исакович.

В Малом зале Сафонов сделал доклад о вышедшем накануне в издательстве Юргенсона русском варианте своей «Новой формулы».

«Новая формула» — это научный труд Сафонова, над которым он работал в последние годы своей жизни. Впервые изданный в Англии в конце 1915 года, он через год вышел в России. Вот как пишет сам Сафонов в своем письме к Ипполитову-Иванову осенью 1916 года: «С удовольствием исполню твое желание относительно манускрипта «Новой формулы». У меня сохранился черновик перевода с английского моего оригинального текста, который тебе посылаю с приложением первой корректуры с нотными примерами... Я несколько изменил текст и внес в него несколько добавлений и улучшений. По мере печатания приходили новые мысли, но было уже поздно расширять труд.

Если «Формуле» суждено иметь успех, то при повторном издании мне уже представляется значительное расширение труда, которое будет заключать много новых интересных примеров»²³. К сожалению, Сафонову так и не удалось воплотить задуманное. Весной 1917 года, после своей концертной поездки в Финляндию, Сафонов возвращается в Кисловодск. Там, осенью 1917 года, он проводит цикл камерных концертов из скрипичных сонат Бетховена вместе с сыном Иваном, постоянным партнером Василия Ильича в последние годы. 30 декабря 1917 года Сафонов в последний раз выходит на сцену с исполнением 4-й скрипичной сонаты Бетховена.

«В первых числах февраля он заболел воспалением сердечной оболочки, что с имевшимся у него диабетом сразу предоставило серьезную опасность. Его сильный организм десять дней боролся с болезнью... Последующие дни он лежал без памяти.

14 февраля... в 8 часов утра он скончался»²⁴. Строки из этого письма принцессы Е.Г. Саксен-Альтенбургской, которая с 1909 года являлась председателем Главной дирекции ИРМО, огласил М.М. Ипполитов-Иванов на гражданской па-

нихиде в Малом зале Московской консерватории.

Сафоновский период — один из самых ярких периодов в дореволюционной истории Московской консерватории. Помимо непосредственно окончивших у В.И. Сафонова — А. Скрябина, Н. Метнера, И. Левина, Л. Николаева, А. Гедике, Г. Беклемишева, М. Мейчика, А. Гречанинова, Д. Шора, Е. Бекман-Щербины, М. Пресмана, С. Самуэльсона, Ю. Исерлиса, его педагогическое воздействие ощутили на себе ученики и других профессоров во время пребывания у него в классе камерного ансамбля — А.Б. Гольденвейзер, К.Н. Игумнов и другие.

Можно без преувеличения сказать, что целое поколение пианистов, воспитывавшееся в Московской консерватории в конце XIX — начале XX веков, давшее столько всемирно известных мастеров, сформировалось под влиянием Сафонова. Уже это одно ставит его в ряд с крупнейшими фортепианными педагогами за всю историю пианистического искусства.

Значение созданной им системы музыкального профессионального образования и влияние его педагогической школы неоценимы и в наши дни.

БИБЛИОГРАФИЯ

¹ Архив Ленинградской консерватории. Инспекторская книга Петербургской консерватории за 1879-1880 учебный год.

² ГДМЧ. Рукописный отдел, а3. Оп. 340-355.

³ ГДМЧ. Рукописный отдел, а4. Оп. 3890-3922.

⁴ Рукописный отдел Ленинградской консерватории. Архив К.Ю. Давыдова.

⁵ Газета «Театр и Жизнь» от 20 сентября 1885 г.

⁶ Шор Д.С. Учитель Гнесиных (Несколько слов к характеристике В.И. Сафонова) // За тридцать лет. 1895-1925. [Издание юбилейной комиссии по чествованию школы Гнесиных]. М., 1925. С. 46-47.

⁷ Кашкин Н. Первое двадцатипятилетие Московской Консерватории. М., 1891. С. 54.

⁸ Пресман М.Л. Рубинштейновский и Сафоновский периоды Московской консерватории // РМГ. 1916. № 36-37.

⁹ Пресман М.Л. Там же.

¹⁰ Корещенко А.Н. Русское музыкальное общество по смерти Н.Г. Рубинштейна // Московские ведомости. 1894. 29 января.

¹¹ Цит. по книге: Я. Равичер. Василий Ильич Сафонов. С. 132.

¹² Кашкин Н. Первое двадцатипятилетие Московской Консерватории. М., 1891.

¹³ Бекман-Щербина Е.А. Мои воспоминания. М., 1982.

¹⁴ Цит. по книге: Московская консерватория. 1866-1966. С. 187.

¹⁵ Ипполитов-Иванов М.М. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. М., 1934. С. 117.

¹⁶ У В.И. Сафонова // Новости сезона. 1909. № 1880. С. 9.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ ГЦММК. Ф.1. Архив В.И. Сафонова. Письмо к Сафонову от 21 мая 1905 года.

¹⁹ ГДМЧ. Рукописный отдел РЗ. Оп. 98-99. Архив Н.Д. Кашкина.

²⁰ РМГ. 1910. № 1. С. 24.

²¹ Там же. С. 24.

²² ГЦММК. Ф. 2. Оп. 1180. Л. 3. Архив М.М. Ипполитова-Иванова.

²³ ГЦММК. Ф. 1. И.Н. 167. № 449. Архив В.И. Сафонова.

²⁴ ГЦММК. Ф. 2. № 114. Архив М.М. Ипполитова-Иванова. Письмо от 16.02.1918 года.

Виктор ДУДКИН

В ЯПОНИЮ К ДОСТОЕВСКОМУ

С 22 по 25 августа 2000 года в Государственном университете Чибэ впервые в Японии была проведена международная конференция по творчеству Достоевского: «XXI-е столетие глазами Достоевского: перспективы гуманизма». Для справки: Чибэ (в русской орфографии обычно Тиба) — это миллионный город рядом с Токио, можно сказать, пригород японской столицы, отделенный от нее часовой ездой на электричке. Конференция получилась очень представительной. Среди ее участников были почетный президент Международного общества Достоевского Надин Натова, президент общества Хорст-Юрген Герик (Германия), президент Российского общества Достоевского В.А. Туниманов, ученые из многих стран мира от США до Австралии. Все многотрудные заботы по организации конференции взвалил на свои плечи председатель Японского общества Достоевского известный ученый-славист профессор Тойофуса Киносита. Профессора Киноситу давно и хорошо знают его российские колле-

ги. Он неоднократно бывал в Новгороде и Старой Руссе, а в одной из городских библиотек Великого Новгорода экспонируются картины его супруги, художницы.

Российской делегации нашими гостеприимными японскими хозяевами было уделено особое, но неброское внимание, чтобы этим самым вниманием не обидеть ученых из других стран: после японской российская делегация была самой представительной (15 человек, японская — 18). Председательствовали почти на всех заседаниях и на всех секциях российские ученые. Все расходы, в том числе и транспортные, подавляющего большинства членов российской делегации японская сторона взяла на себя.

Один из героев Достоевского дал такое определение человека: существо на двух ногах и неблагодарное. Наверное, это так. Как, впрочем, верно и прямо противоположное. Человеку зачастую очень хочется быть благодарным, вот так, как пишущему эти строки сейчас. И поэтому я,

пользуясь случаем, хочу сказать большое спасибо организаторам конференции, японским коллегам. Спасибо не только за возможность в ней участвовать, за счастливый шанс увидеть саму Японию. Сила моих впечатлений от Японии измеряется неделями «японских» снов. Давление нашей действительности настолько сильно, что оно легко загоняет какие-нибудь там японские и прочие посторонние впечатления в темные углы подсознания. Первое, что мы узнали, ступив на родную землю: горит Останкинская телебашня...

И все же, кое-что осело в памяти, и крепко. На заключительном заседании, когда подводились итоги работы, профессор С. Игэта, потомственный русист, сказал, обращаясь к своим российским коллегам: «Вы мыслите концепциями. Мы, японцы, идем к Достоевскому через образ». Вот и я попробую передать свои впечатления в «картинках», вернее, сделать из картинок текст.

КАРТИНКА ПЕРВАЯ — ЗАБИНТОВАННОЕ ДЕРЕВО

Буквально так — забинтованное, весь ствол и каждая ветка со множеством металлических тросов-растяжек. И оно далеко не единственное, даже на отдельно взятой территории университетского городка. Ничего подобного вроде этого лазарета-дендрария мне ни у нас, ни за рубежом видеть не доводилось. Да и слышать об этом — тоже. Поклонение природе связано у японцев с их древней религией Синто (путь богов). Когда задумываешься об отношении японцев к природе, то почти произвольно вспоминаешь историю библейского Иова, кстати, очень любимую Достоевским. Чтобы испытать его веру, Бог послал на Иова суровые и жестокие испытания, но тот в конце концов с честью вышел из этих испытаний. Веками островной народ ведет изнурительную борьбу с морем, отстаивая свое право на ее богатства. В ответ морская стихия набрасывается на сушу разрушительными, опустошительными цунами, в одночасье сметая на своем пути все то, что создавалось десятилетиями, не щадя людей. Землетрясение в Япо-

нии такое же заурядное явление, как у нас морозы зимой. В каждом гостиничном номере вы обнаружите карманный электрический фонарик, а также, в придачу, шлем-каска. Это средства спасения и защиты на случай землетрясения. В ответ на вызов природы японцы поклоняются деревьям, животным, рыбам (даже моллюскам), горам, камням, источникам. В каждом японском доме (квартире) есть своеобразный «алтарь природы» — ниша, где висит картина, изображающая пейзаж, и где стоит ваза с букетом. Синто предписывает японцу следовать естественному порядку вещей. Но природная естественность японских садов математически выверена и тонко стилизована. Японцы — рожденные эстеты.

КАРТИНКА ВТОРАЯ — ЦИКАДА

Пеньек цикад знакомо каждому, кто хоть раз бывал «на югах». В Чибэ субтропический климат, а этим августом там было особенно жарко, 30-33 градуса по Цельсию. И цикады в университетском парке не просто пели. Их отдельные вокальные скороговорки сливались в мощное хоровое не-

прерывное фортиссимо. Однажды, в перерыве заседаний, когда мы вышли на улицу «погреться» (из прохладных аудиторий с кондиционерами), наш добрый и остроумный чичероне, профессор Тэрухиро Сасаки спросил между прочим, под несмолкаемый гул цикад, знает ли кто-нибудь из

Забинтованное дерево

нас, как они, эти самые цикады, выглядят? Выяснилось, что никто. Не знаю, как других, а меня вид цикады разочаровал. Воображение рисовало что-то похожее на кузнечика, а тут едва различимая на стволе (это мимикрия) подошва в миниатюре, окаймленная бахромой из множества ножек. Потом Сасаки-сан и вовсе доконал нас своей «ци-

кадной» эрудицией. Он поведал нам о том, что цикада живет семь лет под землей в виде куколки, затем выходит на поверхность, забирается на дерево и поет семь дней, после чего падает замертво, и ее съедают муравьи. «Вот и я хотел бы так же...» — добавил он как-то весело и твердо. «Что, тоже стать добычей муравьев?» — хотел было я спросить, но так и не спросил, поймав себя на мысли, что сам бы никогда до такого не додумался. Да и не во мне тут дело и не в японском ученом. Тут сошлись две разные культуры. Буддийскую профессор Сасаки уже представил. А нашу пусть представит Принц Датский: «На какую низменную потребу можем мы пойти, Горацио! — восклицает он с пафосом и иронией и продолжает:

*Державный цезарь, обращенный в плен,
Пошел, быть может, на обмазку стен...»*

То, что нам, вместе с Гамлетом, кажется неаппетитным натурализмом (Ницше называл буддизм самой позитивистской религией), японец воспринимает как возвращение в вечное материальное бытие, в вечную жизнь природы.

КАРТИНКА ТРЕТЬЯ — ПЛОЩАДЬ У ДВОРЦА МИКАДО

Токио — один из крупнейших мегаполисов мира, город необычайно плотной застройки, такой плотной, что, кажется, между домами не пройдет и лезвие бритвы. Квадратный метр земли в этом городе стоит невообразимо дорого. И тем не менее, оказавшись перед дворцом микадо, японского императора, словно попадаешь в другое измерение: почти необъятный простор придворцовой площади, закрытой с левой стороны от городской суеты живой ширмой из коротко стриженного газона, чуть пожухшего от паля-

щего летнего солнца, и экзотических деревьев. Все остальное пространство площади вплоть до рва и средневековой крепостной стены засыпано щебенкой и пусто. Чем объяснить такую расточительность? Конечно, эта площадь очень красноречиво свидетельствует о любви японского народа к своему императору. Ведь, согласно синтоизму, микадо является потомком духов неба (каждый японец — тоже потомок духов, но духов второго разряда).

Но есть и другое объяснение, связанное с одной фундаментальной особенностью японской культуры. Ее можно было бы определить как пафос незагроможденного пространства. Этим пафосом пропитана вся материальная и духовная культура Японии, все ее искусство и поэзия. Обратимся к простейшему примеру. Традиционный японский дом просто пуст по сравнению с европейским. Все, что требуется для сна и прочих домашних занятий, на день убирается во встроенные шкафы (они пришли к нам из Японии). Такая же картина наблюдается во дворце императора, в культовых сооружениях, в каменных садах и т. д. Каждый — единичный — предмет, попадающий в незаставленное пространство, необходимо приобретает значение элемента, организующего это пространство и придающего ему некий смысл, символику, если угодно. Из Басё, знаменитого японского поэта XVII века:

*Все выбелил утренний снег.
Одна примета для взора —
Стрелки лука в саду.*

Кроме того, что стрелки лука в снегу — очень эффектный образ, это еще и драма одиночества, обреченности, может быть, даже это трагедия безысходности.

Понятно, что выбор такого элемента или предмета становится очень непростым и ответственным, он очень сродни мукам творчества: ведь нужно найти только тот — единственный — предмет, который создаст пространство и при-

Справа за крепостной стеной дворец микадо

даст ему вид эстетической законченности. Вот почему японцы — эстеты.

В японской культуре свободное пространство представляет собой модель вечности. Причем в отличие от христианской вертикальной, она имеет горизонтальную направленность и разворачивается, так сказать, в анфиладе пространственных перспектив. Чем завораживает японский каменный сад? Он поглощает время, останавливает его неотвратимый и резвый бег. Вот почему японцы — очень несуетная нация, во всяком случае, насколько об этом можно судить из «туристской» перспективы.

Таким вот получился маленький триптих впечатлений о Японии. А теперь вернемся к конференции.

Как всегда на конференциях и симпозиумах, посвященных творчеству Федора Михайловича Достоевского, тематический спектр докладов был широк, но предсказуем, потому что основные проблемы его творчества, привлекающие внимание исследователей, достаточно устойчивы. И на сей раз многие доклады были посвящены теме двойничества, теме «другого», всечеловечности у Достоевского. Более всего исследователи из разных стран уделяли внимание таким произведениям писателя, как «Братья Карамазовы», «Идиот», «Преступление и наказание», «Подросток», «Записки из подполья». Целая группа докладов была посвящена проблемам поэтики Достоевского, сценическим и киноверсиям его произведений. С новой темой выступил вышеупомянутый Хорст-Юрген Герик, профессор из Гейдельбергского университета, президент международного Общества Достоевского. Она сформулирована в заглавии его доклада: «Достоевский и Хайдеггер. Апокалиптический романист и апокалиптический философ». Запомнился доклад на тему «Типология харизматических лидеров в произведениях Достоевского» П. Фокина (Москва), а также доклад японского исследователя Н. Кунимацу «Поэтика Достоевского и парадокс Зенона».

Вообще японские доклады внесли свежую струю в тематически-проблемное содержание конференции и, в первую очередь, те из них, которые разрабатывали рецепцию Достоевского в Японии, анализировали воздействие русского писателя на японскую литературу и искусство. Несколько докладов было посвящено экранизации романа «Идиот» великим японским кинорежиссером Акиро Курошавой. Особо хотелось бы отметить доклад господина Койи Сакурайи «Достоевский в современных японских газетах», который был реализован на основе современных компьютерных технологий (конкордансов). Обследовав материалы ведущих японских газет (а их четыре: «Асахи», «Йомиури», «Майнити», «Никкей») за 90-е годы, автор пришел к весьма интересным и убедительным выводам. Оказывает-

Слева направо: проф. Т. Сасаки, президент Рососсийского общества Ф.М. Достоевского проф. В.А. Туниманов, проф. В.В. Дудкин

сменить свою японскую идентичность на американскую, как меняют костюм. Так, во всяком случае, объяснял нам положение дел профессор Сасаки. Каждодневная реальность японской жизни, телеэкран не оставляли у нас никаких сомнений в его правоте: молодые люди обзаводятся европейским разрезом глаз, они красят волосы в рыжий цвет, прямые волосы завивают в мелкие кудряшки и т. д. Другими «достоевскими» контекстами являются «духовная жизнь», «религия», «эра атеизма», «материальное богатство, духовная нищета». Все они являются одновременно и вечными проблемами человечества. А коль скоро это так, то и бывший над их разгадкой всю свою жизнь Достоевский тоже вечен. И XXI век не грозит ему забвением. И не только потому, что новое столетие не обещает быть идиллически спокойным. А потому, что основополагающие ценности человеческой цивилизации, на службу которым Достоевский поставил свой гений — гуманизм и духовность, — всегда нуждались и всегда будут нуждаться в защите.

Работа конференции завершилась посещением ее участников частного токийского университета Вбседа, он является ведущим японским центром по подготовке русистов. Многие ведущие современные японские слависты вышли из стен этого знаменитого университета. В заключение состоялась очень теплая встреча с активистами японско-российского общества.

Уверен, что первая в Японии международная конференция, посвященная творчеству великого русского писателя, станет заметной вехой в развитии мировой науки о Достоевском.

От редакции: Вернувшись недавно с Достоевских чтений в Санкт-Петербурге, профессор В.В. Дудкин привез ксерокопию статьи из столичной газеты «Токио» с приложенным к ней русским переводом, где рассказывается о международной конференции в университете Чiba и дается оценка выступлениям ее участников. Среди ученых,

упомянутых персонально, назван и наш автор. О нем сказано буквально следующее: «В. Дудкин (Россия), исходя из того очевидного факта, что преступление является одной из основных тем Достоевского, в ходе своего анализа доказывает, что преступление есть проявление сущности человека. Он опирается на импонирующие историко-куль-

турные примеры, в том числе и на Ветхий Завет, на Фридриха Ницше, извлекая из них нравственный урок».

Поэтому у нас есть все основания считать, что Великий Новгород, Новгородский государственный университет были достойно представлены на международной конференции в Японии.

Сашиа ГОРОДЕЦКАЯ — студентка четвертого курса факультета искусств и технологий, созданного в НовГУ пять лет назад, 19 декабря.

Ее будущая специальность — учитель изобразительного искусства и черчения. Любит живопись, пишет портреты и пейзажные зарисовки Великого Новгорода, любит осень и весну, когда природа тревожится, пробуждается или угасает.

Сегодня мы показываем ее карандашные рисунки, без которых нет творческого роста художника. В простых вещах: городских домах, деревьях, скверах Саша видит предмет искусства. Удачи ей.

Дмитрий Журавлев,
народный художник России

Александра Городецкая.
 Преподаватель: народный художник России
 Д. Журавлев.
 Новгородские пейзажи.
 Бумага, карандаш

В НОМЕРЕ ПУБЛИКОВАЛИСЬ:

Марина БУРЬЯК, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации, художественный руководитель фольклорного театра «Кудесы».

Валерий ВАСИЛЬЕВ, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета НовГУ.

Галина ВАСИЛЬЕВА, заведующая музеем-усадьбой А.В. Суворова в Кончанском-Суворовском.

Александра ГОРОДЕЦКАЯ, студентка IV курса факультета искусств и технологий ИНПО НовГУ.

Виола ГУЩИНА, старший научный сотрудник Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи».

Татьяна ДАНЬКО, зав. отделом использования документов ГАНО.

Виктор ДУДКИН, доктор филологических наук, декан филологического факультета НовГУ, заведующий кафедрой зарубежной литературы.

Антон ЗАХАРОВ, врач.

Геннадий ИГНАТЬЕВ, доктор исторических наук, декан исторического факультета НовГУ.

Геннадий КОВАЛЕНКО, кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Новгорода Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН.

Виктор ЛАПИН, доктор искусствоведения, научный сотрудник Российского института истории искусств.

Валентина МАЛЫШЕВА, краевед, бывшая заведую-

щая музеем-усадьбой А.В. Суворова в Кончанском-Суворовском.

Юрий МАРКИТАНОВ, военнослужащий.

Александр МАСЛОВСКИЙ, кандидат педагогических наук, доцент МПГУ.

Наталья МОРЫЛЕВА, библиотекарь НовГУ.

Анатолий ОБЪЕДКОВ, инженер завода «Старт», член Союза писателей.

Наталья ПУНЖИНА, редактор отдела культуры альманаха «Чело».

Марк РОМАНОВ, врач.

Людмила СЕКРЕТАРЬ, старший научный сотрудник НГОМЗ.

Тамара СИГАЛОВА, член Союза журналистов России, главный редактор альманаха «Чело».

Илья СМИРНОВ, заместитель директора по научной работе Кирилло-Белозерского музея-заповедника.

Ирина ЩУКИНА, научный сотрудник художественного отдела Кирилло-Белозерского музея-заповедника.

Владимир ЯДРЫШНИКОВ, старший научный сотрудник Отдела хранения архитектурных памятников НГОМЗ.

Надежда ЯКОВЛЕВА, ведущий научный сотрудник Валдайского филиала Новгородского музея-заповедника.

Валентин ЯНИН, академик РАН, почетный гражданин Новгорода.

Владимир ЯРЫШ, член Союза художников России, преподаватель фольклорных дисциплин Музыкальной школы русского фольклора.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

173007, Россия, Великий Новгород, ул. Льва Толстого (Чудинцева ул.), д. 6/64
Телефон: (816-22) 11-55-60. E-mail: chelo@info.novsu.ac.ru

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Рег. номер 013934.

Подписано в печать 21.12.2000. Заказ № 563.

Бумага 80 г/м². Формат 60х84/8. Тираж 1000 экз.

Графика на обложке Владимира ПОВЕТКИНА
Художники: Владимир ПОВЕТКИН, Геннадий СЕНЕЧКО,
Анатолий МИЩЕНКО, Александра ГОРОДЕЦКАЯ

Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (816 22) 27-683

Редакция не рецензирует и не возвращает присланные рукописи.

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией,

ссылка на «Чело» обязательна.

Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.

Над номером работали:

Главный редактор – Тамара СИГАЛОВА

Инженер-программист – Ирина АЛЕКСАНДРОВА

Редактор отдела культуры, корректор – Наталья ПУНЖИНА

Редактор отдела истории – Ирина САВИНОВА